

18+

Дарья Ильина

П Л А М Я

в н у т р и н а с

Одни бегут, сбегают безвозвратно,
Другие, падая, взлетают ввысь.

Дарья Ильина

Пламя внутри нас

«Издательские решения»

Ильина Д. И.

Пламя внутри нас / Д. И. Ильина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513788-3

Юная девочка неожиданно получает силу контролировать огонь. Вскоре она понимает, что оказалась втянутой в чью-то игру, и теперь именно от ее решений зависит, кто будет жить, а кто умрет. В один миг ее мировоззрение меняется, а грань между реальным и вымышленным мирами стирается после первого же убийства. Эта книга разделена на три части — три этапа в жизни Адрианы: первый изменил ее внутренний мир и лишил права на выбор; второй — дал надежду, и третий этап полностью разрушил все, что она любила.

ISBN 978-5-00-513788-3

© Ильина Д. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	59
Глава 12	62
Глава 13	71
Глава 14	75
Глава 15	80
Глава 16	82
Глава 17	91
Глава 18	93
Часть 2	94
Глава 1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пламя внутри нас

Дарья Игоревна Ильина

Дизайнер обложки Маргарита Игоревна Ильина

Корректор Виктория Назаровна Тураева

© Дарья Игоревна Ильина, 2020

© Маргарита Игоревна Ильина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-3788-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Как все началось? Я помню каждое мгновение, каждый день, начиная с того времени, как огонь ворвался в мою жизнь. Сколько боли, потерь, страданий мне принесло пламя, но оно подарило мне людей и полное осознание всего происходящего. *«Бог забирает у нас столько же, сколько и дает взамен»*, – только вот в четырнадцать лет я не верила ни в Бога, ни в эти слова. Хотите узнать, как я жила все эти годы?! Я расскажу, но даже сейчас я вся дрожу при одной только мысли о прошлом

Когда ответственность и обязанность принятия важных решений приходит в столь юном возрасте, то сложно сразу адаптироваться ко взрослой жизни, но я не буду забегать вперед.

Все это началось, как помню, 16 сентября: начало учебного года... Меня не готовили к такому, застали врасплох; так сказать, я никогда и не просила о том, чтобы быть особенной, я не была готова принять новую жизнь, меня и старая вполне устраивала.

Глава 1

В.Б., лысый, престарелый, грубый и прямолинейный учитель, стоял возле первой парты и орал на бедную девочку, сидевшую передо мной. Он любил кричать, это был его метод. Нет, не был он психом, но у него случались заскоки. Его страсть и любовь к чувству страха других порой заводили меня в тупик, и В.Б. получал такое неистовое удовольствие от того, что его боятся; мы, ученики, всегда гадали, как такого человека приняли в школу. И мало кто знал его настоящего, он не общался ни с детьми, ни с учителями, да и с ним люди не горели желанием заводить разговор. Он был умен, и часто именно этот фактор мешал ему, но В.Б. вовсе и не нуждался в обществе.

Сидя сзади этой бедняжки, я видела, как она тряслась и готова была заплакать, а он все продолжал «уничтожать» ее. И в этот момент меня обуяла такая злость, которую я никогда не испытывала. Я почувствовала, как по руке пробежали мурашки, а потом легкий ток ударил по кончикам пальцев, а ярость лишь усилилась.

– Хватит, – крикнула я, – прекратите это, наконец-то! Сколько можно?!

Подруга, сидевшая рядом, пихнула меня и потянула на себя, намекая на то, чтобы я остановилась.

– Нет, я не стану молчать! Вы же взрослый человек, В.Б., и вы видите, что она боится вас, но вы продолжаете унижать этого человека, хотя по этике не должны были и начинать такой балаган.

Я вся буквально горела от злости, а руки тряслись так сильно, что пальцы громко стучали по парте, и я не могла это остановить.

– Мэри, – так он часто называл меня, причем только он, – я скажу тебе такую вещь: «Весь мир – это театр, а мы в нем актеры, и твоя задача сидеть, наблюдать за этим и вовремя аплодировать».

– Да, очень мудрое высказывание, – хотела сказать я про себя, но получилось вслух. – Только не к месту и не ко времени. И процитировать Шекспира может каждый.

Никогда еще я не позволяла себе подобной дерзости с *таким* человеком. С В.Б. в принципе никто не шел на конфликт, но, между нами, с самого начала устоялось некое взаимоуважение, что мне очень льстило, так как не каждый мог найти с ним общий язык, тем более сказать ему что-то против.

– М-да, за всю мою практику еще никто не говорил со мной в таком тоне, – отметил учитель и прошел к доске.

– Да? А за все годы учебы я еще не видела, чтобы преподаватель позволял себе доводить ребенка до нервного срыва!

Тут моему терпению пришел конец, и мой тон перешел с немного повышенного на высокий.

– Ты такая смелая! Удивительно, и ни капли не боишься меня, а меня это раздражает. Я хочу, чтобы ты боялась, так мне будет спокойней.

– Увы.

– Невиданная дерзость!

– Это не так, я лишь пытаюсь показать, что в данной ситуации вы не правы.

– Я не прав? Да как ты смеешь указывать мне и доказывать что-то, еще и подмечать мои ошибки, учить меня, как вести себя! – Его вены на висках выступили сильнее и посинели, а нижняя губа затряслась. – Вышла живо отсюда!

– Но вы же понимаете, что я права! Вы перегнули палку!

Я ударила рукой об стол и почувствовала импульс, что-то странное – энергию, которая расприрала меня.

– Я сказал тебе выйти! Еще тут будешь показывать свой характер!

Он подошел вплотную ко мне и прошипел:

– Я таких, как ты, ломаю на раз-два.

– Не думаю, я вам не по зубам, – прямо в лицо ответила ему я.

– Мне всегда было интересно, что стоит за этими эмоциями, и чрезмерной активностью, и желанием быть главной. Характер? Или есть более весомые вещи или люди, которые поддерживают в тебе этот огонь? Я видел твоих родителей: прекрасная мать, умная, образованная, вежливая женщина с сильным духом, и отец, полная противоположность. Я много лет уже смотрю на то, как ты растешь и в кого превращаешься: неуверенная, но громкая, смелая и неосторожная, наивная, но не глупая, не смышлёная, но очень сильная. Я вижу тебя насквозь. Сложные отношения с отцом...

– Перенесем сеанс психоаналитики моей личности, – потребовала я.

– Нет, любишь говорить людям правду в глаза, тогда тоже умеешь слушать о себе правду.

Плохие отношения с отцом, алкоголь, судя по всему...

Эти слова оказались последней каплей, и в какой-то момент весь гнев вырвался наружу. Я ощутила жар, который исходил изнутри. Я почувствовала в ладони огонь и разжала кулак, и какой-то прибор, стоящий на столе у В.Б., вмиг загорелся. Я поняла, что это сделала именно я, потому что чувствовала пламя и будто контролировала его, но поверить не могла в то, что вижу. Первое ощущение – это, наверное, сомнение. Я не сразу догадалась, что случилось, а когда до меня начали доходить отголоски восприятия реальности, то меня страх обуял. Да, именно он, и еще паника. В.Б. тоже не мог разобраться, как это произошло, но он стоял в то время рядом со мной и поэтому понял то же, что и я. Мои ноги подкашивались, но страх был сильнее недомогания, и все, что я сделала – оттолкнула учителя и выбежала из класса. Мое тело горело изнутри, я чувствовала пламя внутри себя, я видела его перед собой. Я остановилась у лестницы и посмотрела на свою руку. Я сжала кулак и закрыла глаза, напрягла мышцы, воссоздавая прежние эмоции, и через несколько секунд я разжала пальцы и увидела пламя у себя в ладони. Но мне не было больно; маленький огонек искрился у меня в руке. А каковы были бы ваши эмоции? Паника, конечно, она, а какая еще реакция может последовать за таким шоком?! Я встряхнула руку, пытаюсь убрать огонь, но он не погасал. Мне хотелось заплакать просто потому, что я не знала, что делать. Через минуту все исчезло, а ладонь осталась такой же светлой, без ожогов или пятен.

В трудных ситуациях человек идет за помощью к самому близкому человеку, и тогда сразу понятно, кто есть кто, и кто какую роль играет в твоей жизни. Я не задумывалась, а просто побежала к спортивному залу, где должна была вести урок Е.Б.

Мы не были с ней друзьями или родственниками, она была мне никто, обычный учитель физкультуры, но для меня этот человек был очень важен. Наши с ней отношения были очень теплыми, как и ее с другими учениками: Е.Б. любили все в школе, потому что она являлась самым добрым, искренним и отзывчивым человеком, которого я вообще когда-либо встречала. Она была настоящей.

Я не знаю почему, но в тот момент, когда мне было так страшно, когда я слышала стук собственного сердца, когда ноги и руки дрожали, а в голове была полная неразбериха, то мне хотелось видеть только ее.

Почему-то, не зная хорошо человека, я верила ей, я хотела верить ей, и каждый день я проходила мимо кабинета учителей физкультуры и смотрела на нее, заряжаясь позитивными эмоциями, и каждый раз, когда она улыбалась мне, или мы разговаривали, мое сердце замирало.

Я забежала в спортзал, но ее там не было, тогда я постучала в кабинет и вошла. Е.Б. сидела за своим столом и заполняла журнал. Еще двое учителей сидели напротив нее. В суете я даже забыла поздороваться.

– Вы мне нужны, – отрывистым голосом, нервно переминаясь с ноги на ногу, тихо сказала я, наклонившись к учителю. – Е.Б., мне нужна ваша помощь, я не знаю, почему пришла именно к вам, но уверена, что могу к вам обратиться, – мой взволнованный и резкий тон заставил ее поднять голову и снять очки.

– Что случилось, Адриана?! Не пугай меня, у тебя такой измотанный вид, – она взяла меня за руку, но я резко одернула ее, испугавшись, что могу обжечь.

– Нам надо поговорить наедине, – сказала я, и это прозвучало громче, чем мне хотелось. – Это очень важно!

– Успокойся, пожалуйста! Боже, я еще ни разу не видела тебя в таком состоянии. Вы не могли бы выйти?! – обратилась она к коллегам.

Когда мы остались вдвоем, и она закрыла дверь на ключ, то мне стало немного легче.

– Я тебя слушаю. Только перестань дрожать! – Она погладила меня по плечу и озадаченно посмотрела мне в глаза.

– Я не знаю, как это объяснить, или лучше показать, и почему вы... Мне просто жутко страшно, и я не знаю, что это такое, – я вытерла лицо рукой и прошлась по кабинету. А потом сфокусировалась на одном предмете – карандаше, который лежал на краю стола. И когда этот самый карандаш загорелся, я отпрянула назад. Я вытянула руку вперед и выпустила небольшой красный язык пламени, который ударился об стену, оставив на ней черный след.

Я обернулась назад, посмотрев на учителя огромными испуганными глазами.

– Девочка моя, – выйдя из состояния шока, обратилась она ко мне (это был первый раз, когда она назвала меня так).

Мое сердце билось все сильнее и сильнее, а дышать становилось тяжелее.

– Спокойно. – Она схватила меня за руку и посадила на стул. – Адрин, делай вдох и выдох, – она присела на корточки и взяла меня за руки, – слушай мой голос, дыши ровно.

Е.Б. знала, что должна быть сейчас спокойна, в противном случае я просто могла сорваться, но я видела, что ее саму чуть ли не трясло от увиденного.

– Мы не сможем нормально поговорить, пока ты не успокоишься. Я понимаю, это не просто поражает, а приводит в замешательство, – видя, что мне из без того плохо, она вытащила из шкафа бутылку вина и налила мне немного в стакан.

– Выпей, полегчает, хотя, мне кажется, сегодня конструктивного разговора у нас не получится. Поговорим завтра?!

– Не уходите, прошу, я... не хочу оставаться одна. – Я прикрыла лицо рукой и залпом осушила бокал. Я так вцепилась в Е.Б., что она не могла и дернуться.

– Хорошо, я здесь, но сейчас мне нужно пять минут, а потом я вернусь, и мы с тобой все решим. Я обещаю.

Я отпустила ее и вскоре осталась совсем одна, но так продолжалось недолго, как только прозвенел звонок, все учителя снова зашли в кабинет.

– Адриана, все нормально? – спросил один из преподавателей.

Я промолчала и, встав, вышла в коридор. Спортивный зал был открыт и там никого не было, я зашла туда и села на пол. Голова шла кругом как в прямом, так и в переносном смысле. Я даже не шевелилась, просто сидела и не думала ни о чем. Все тело как будто парализовало, вроде я и могла двигаться, но казалось, будто нет. Е.Б. пришла быстро, она забежала в зал и, увидев меня, с облегчением выдохнула. Она присела рядом, и я положила голову ей на плечо, а она меня обняла. Я не заметила, как заснула, а сквозь сон услышала: «Эх, детка, во что же мы вляпались?!»

Глава 2

Я проснулась, когда за окном было темно; я лежала на матрасе, укрытая пледом.

– Я не стала тебя будить, а твоя подруга позвонила твоей маме и сказала, что ты останешься у нее с ночевкой. Я подумала, что тебе в таком состоянии не стоит идти домой, да и время уже позднее, – сказала Е.Б., протянув мне чашку горячего чая.

– А вы почему домой не ушли?

– А как же я могу оставить тебя одну?! – Она улыбнулась и поправила хвостик. – Адрин, ответь мне на один вопрос, что ты чувствовала в тот момент, когда огонь вырвался, так сказать, наружу? Только честно, это очень важно.

– Сначала ничего, а потом... страх, наверное, – я пожала плечами, задумавшись над вопросом.

– Ложь, – прозвучал суровый голос В.Б. у меня за спиной. – Я стоял тогда перед тобой, я видел твой взгляд, эмоции, и это было далеко не страх. А теперь ответь честно на вопрос, – потребовал он.

– Я ощутила мощь в себе, такую силу, что захлестнула меня с головой.

– Твои глаза искрились, – добавил он, подойдя к нам. – Я скажу так, тебе понравилось то, что ты почувствовала, ты «загорелась».

– Да, вы правы, сейчас я понимаю, что паника пришла в тот момент, когда я поняла, что должна бояться. Я просто начала осознавать, что произошло, и поэтому эмоции нахлынули... Просто потому, что так должно было быть.

– Покажи это, – сказал В.Б., устремив свой взгляд на меня.

У меня и капли сомнения не возникло по поводу того, что ему можно доверить это; не знаю, каким образом мой мозг или чутье выбирает людей, но вот эти два человека, которые стояли передо мной, были для меня близки в каком-то роде, и я не опасалась того, что они подведут меня или еще что-то, хотя именно тогда еще рано было говорить о близких взаимоотношениях или о преданности, но в глубине души я чувствовала связь с ними, и я прислушивалась к своему сердцу.

– Не сейчас, прошу, я... я не готова снова на эти фокусы... когда я вижу пламя перед собой, то у меня внутри... как бы так сказать... я перестаю быть собой; я не уверена в этом, но в классе, на вашем уроке, когда я взорвала прибор, то где-то внутри себя я увидела кого-то другого, и в кабинете Е.Б. паника и была защитной реакцией от пламени. Я не хочу снова прочувствовать его.

– Хорошо, хорошо, – успокаивала меня Е.Б., – ты только, пожалуйста, не нервничай. Сейчас пойдем ко мне домой, поспим.

– Нет, – возразила я, – у вас семья, как это будет выглядеть, если вы приведете свою ученицу?! Тем более, я знаю вашу дочь, не думаю, что она положительно отреагирует на это, мы с ней не особо дружим.

– Поэтому ты останешься у меня, – уверенно сказал В.Б.

– Что? – воскликнули мы одновременно.

– Жена уехала на дачу, а детей нет дома, так что выделю тебе даже отдельную комнату. Его выражение лица и голос были слишком спокойными, а такое поведение и гостеприимство вообще были ему не присущи.

– И как это понимать? – спросила я.

– Бери свои вещи и за мной, – ответил он и направился к двери. Я взглянула на учительницу, и та кивнула мне головой.

– Почему? – еле поспевая в ночи за своим учителем, спросила я его.

– Что почему?

– Ну, вы поняли, про что я говорю.

– Да, но не хочу отвечать.

– А я хочу знать ответ.

– Я никогда такого не видел. – В.Б. остановился и схватил меня за кисть, но не сильно, так, чтобы не было больно. – Я стоял в тот момент возле тебя, и ты одним движением руки, просто разжав кулак, сожгла счетчик Гейгера. Это невозможно.

– Поэтому вы пришли в зал и теперь ведете меня к себе домой, просто, чтобы увидеть это еще раз?

– Нет, что бы то ни было, я хочу быть частью этого. Я всю жизнь жил физикой, наукой, а сегодня увидел магию. Я не знаю, как ты это делаешь, и что с тобой происходит, но я вижу в тебе что-то особенное, помимо всей этой непонятной фигни. Я заметил это при первой нашей встрече. Я говорю тебе это сейчас и больше не повторюсь: Мэри, ты особенная, и я в этом не сомневаюсь, только с самого начала нельзя допустить ошибку, иначе потом ничего не получится. Поэтому я пришел. Я не дам пропасть зря такому таланту. Никогда в жизни не говорил столько комплиментов, даже тошнит теперь от себя самого, – он ускорил шаг, но я старалась не отставать; хорошо, что он жил рядом со школой.

Его квартира, к моему удивлению, была достаточно просторной, очень чистой, а вещи все аккуратно были сложены по своим местам, нигде ничего не было разбросано.

– У вас отличная жена, судя по тому, как у вас чисто и приятно дома.

– Спасибо, – буркнул В.Б. – Твоя комната первая слева, ложись спать, а утром я разбужу тебя.

– Я могу приготовить завтрак, – предложила я.

– Отлично, этим и займешься. – Он зашел к себе в спальню и уже почти закрыл дверь, но я успела крикнуть ему «спасибо».

Утром я быстро приготовила нам яичницу, и мы оба сели за стол друг напротив друга. Было так странно, будто я была во сне, потому что на самом деле такого не могло быть, как мне казалось.

– Я помою посуду, – сказала я, когда В.Б. встал из-за стола и подошел к раковине.

– Кушай и иди, одевайся, сам вымою.

Было даже неловко, и если произнести вслух то, что я провела ночь в квартире со своим учителем, то звучит это дико. Но за все время, что он был моим преподавателем, я не узнала его лучше, чем за один день. Я предполагала, каков он настоящий, но это были лишь догадки, а сейчас я удостоверилась.

– Адриана, эм... – запнулся он, – если что, то двери этого дома для тебя всегда открыты.

Последние его слова наповал убили меня, но я не подала вида, что произошло что-то необычное.

– Еще раз спасибо. Вы не такой, каким хотите казаться, – усмехнувшись, сказала я. – Так почему бы вам не снять с себя маску?

– А кто сказал, что то, как я веду себя в данный момент с тобой, не маска?

– Это ложь.

– А что именно?

– Вам решать.

– Тебе пора в школу, иначе опоздаешь.

– Вы только что сами дали ответ на свой и мой вопросы., – я улыбнулась и быстро удалилась в комнату, забрала свои вещи и ушла.

Я старалась вести себя как обычно, но мое внутреннее состояние говорило об обратном; реакция учеников на произошедшее – вот что тревожило меня. Я специально опоздала на урок, а когда зашла в кабинет, то села на последнюю парту, чтобы не привлекать к себе внимание.

Глава 3

Поначалу было сложно привыкнуть к огню, первая неделя далась мне особенно трудно: я почти ни с кем не разговаривала, включая родных, не ела, не гуляла, родители начали беспокоиться, но я даже и не думала о том, чтобы им рассказать. И дело было, как я уже потом поняла, вовсе не в недоверии. Зато наши отношения с В.Б. и Е.Б. все более укрепились, мы сразу сблизились, и они старались всячески мне помогать, подбадривать.

– Прошло почти две недели, и с сегодняшнего дня мы начинаем тренировки, – сказала она мне однажды.

– Какие?

– Ты должна научиться контролировать свою силу, не просто управлять ею, но и развивать свои способности, которые в тебе заложены. Все это тебе дано не просто так, значит, мы выясним, что с тобой делать. Все вместе.

Эти два слова остались в моей голове на долгие годы, а, точнее, навсегда.

– Почему вы помогаете мне, вы же не причем, это не ваше дело, – сказала я ей.

– Ты пришла ко мне, ты доверяешь мне, и я хочу быть рядом с тобой, не знаю, но я чувствую, что нужна, я вижу это, и поэтому... Я хочу быть нужной.

– Будем тренироваться! – уверенно ответила я.

– Начнем сегодня! Вечером после пяти зал будет как раз свободен.

Е.Б. не боялась пламени и того, что я могу потерять над собой контроль. Мы не знали ничего об этом, были в полном замешательстве. Но нужно было выяснить, на что именно я способна, насколько сильна физически и морально. Мы стояли посреди большого просторного зала, нас было двое, больше никого.

– Давай!

– А что, если я не смогу контролировать его?! – Я была вся в сомнениях, хотя внутри мне так хотелось поскорее начать, потому что с каждым днем это пламя разгоралось все сильнее и сильнее, и желание выпустить его тоже было непреодолимым. Наивно было полагать, что это я должна была стать ему хозяйкой.

– Хватит уже мяться, – неожиданно для нас появился В.Б. – Е.Б., неужели вы не видите, что испытывает Адриана?! Это же очевидно. Ей хочется это сделать.

– Вы правы, но я боюсь узнать, кем я стала. Вот – правда.

– Глупо.

– Разве? – возразила я. – Никто из нас не видел подобное. Огонь – это не игрушка, и я лишь опасаясь последствий.

– Ты спросила меня тогда, а почему бы мне не снять свою маску, а сейчас я адресую тебе этот же вопрос. Почему бы не...? – В.Б. больше не сказал ни слова, развернулся и ушел.

– Мне нужно, чтобы ты была со мной честна, – сказала Е.Б., – я хочу видеть тебя самой собой. Ты не изменилась, просто сейчас надо стать настоящей, чтобы ты сама могла увидеть, кто ты такая. Ты права, эта сила – огромная ответственность, за которой придут последствия, и тебя пугает то, что ты можешь сделать неверный выбор, но именно поэтому и нужно знать себя. Просто не лги себе же.

Я резким движением протянула руку вперед, и небольшой огненный хлыст ударил меня по руке, на которой остался красный след. И тут я ощутила в себе эту силу, я почувствовала этот огонь, он был живым, он был частью меня, и я могла им управлять, но только потому, что он сам позволял это делать. Пара неудачных трюков и немного ругани лишь мотивировали меня. К концу первой тренировки я научилась создавать пламенную сферу, которая парила в воздухе. И мне так нравилось это – то, что я умею. Но очень легко увлечься и потерять контроль, что и случилось со мной.

– Адрин, на сегодня достаточно, я думаю, – окликнула меня Е.Б., но я не слышала ее, так сильно была вовлечена в опасную игру.

Но в один момент, когда я решила попробовать кое-что новое, то не смогла удержать столб огня и, повернувшись в сторону, попала в Е. Б. Я увидела, как это красное пламя проходит через ее руку, отбрасывая ее саму назад.

– О нет, – закричала я и бросилась к ней. Она была в сознании. – Не шевелитесь, я сейчас вызову скорую.

– И что ты им скажешь?

– Не знаю, но другого выхода нет, тут ожог 4-ой степени, – я в панике металась из стороны в сторону.

– Адри, послушай меня очень внимательно: никому не надо звонить, я знаю, что ты можешь все исправить.

– Убрать ожог? Но как?

– Ты сможешь, я верю в тебя, – спокойно говорила она, хотя чувствовала невыносимую боль.

Я закрыла глаза и провела рукой, и правда, ощутила что-то.

– Уже лучше, – поддерживала меня Е.Б., – продолжай.

Не сразу, но у меня получилось то, о чем она говорила. Краснота оставалась, но было не так ужасно.

– Пойдемте, – я помогла ей встать, – я перевяжу вам руку. Простите меня, я не хотела этого.

– Травм не избежать, ты и сама вся в порезах, – она указала на мои руки и шею. – Твое тело еще не привыкло к огню, поэтому шрамы теперь станут обыденностью. Только как ты это объяснишь своим родителям?

– Мы сейчас почти не общаемся, я поздно прихожу домой, запираюсь в своей комнате, а утром рано иду в школу.

– Так тоже нельзя, они, я тебе как мать это говорю, волнуются.

– Я последнее время вообще не хочу возвращаться домой.

– Что случилось? – обеспокоено спросила Е.Б.

Я помотала головой и продолжила обрабатывать рану, но мои красные глаза выдавали мое состояние.

– Они же узнали, что я не у... в тот день ночевали, начали расспрашивать. А я молча выслушала их и ушла в свою комнату.

– Постоянно врать ты тоже не сможешь. Потом будет сложнее, с каждым днем твоя сила будет расти, будет происходить то, по поводу чего будут возникать вопросы, и постоянно убежать в свою комнату – не вариант.

– А что вы предлагаете?

– Мне странно, что ты с самого начала пришла не к своей матери, а ко мне.

– Мы все не очень близки.

– Да, я помню про отца. Подумаем потом, а сейчас иди, уже вечер.

Я пришла домой в десять вечера, за окном уже стемнело, а родители сидели на кухне и ужинали.

– Где ты была? – строго спросил отец, когда я зашла.

– Гуляла, – кратко ответила я.

Я поняла по голосу, что отец был пьян.

– Сюда иди!

Я забыла опустить рукава кофты, и когда родители увидели мои исцарапанные красные руки, то пришли в шок.

– Что это такое? Откуда? – ужаснулась мама.

Я молчала, так как разумного объяснения не было.

– Где ты шляешься так поздно вечером? – кричал отец.

– С другом была, – сказала я первое, что пришло в голову.

– С каким нахр** другом?

Я уже хотела уйти в комнату, но меня остановили, продолжив возмущаться. Отец выпил еще одну рюмку и прошел в зал, хлопнув дверью. Я вздрогнула от грохота, когда он уронил что-то; огонь подбирался все ближе, а злость набирала обороты, но эта ярость была вперемешку с подавленностью.

– Зачем ты вообще пришла сюда, дешевка, – открыв дверь, продолжил он.

Я стояла, и меня всю трясло, но сказать и слова я не могла, как будто разучилась.

– Что с тобой происходит? – обеспокоенно, смотря мне прямо в глаза, спросила мама. – Ты так изменилась! Я не узнаю тебя. Ты не ночевала дома тогда, приходишь домой уже ночью, сегодня так вообще вся в порезах и ожогах! Объясни! – потребовала она.

Я помотала головой, тогда она встала и ушла, швырнув посуду в раковину. Я простояла на кухне, не шевелясь, минут пять, а потом во мне что-то перемкнуло, и я поняла, что не могу находиться больше здесь, в этой квартире. Я переоделась, взяла сумку и закрыла за собой входную дверь. Мне было так обидно и больно от того, что от меня отвернулись в самом начале моего пути.

Я не знала, куда идти, ведь раньше не сбегала из дома. С той ночи я начала курить. Я просто подошла к пацанам, что стояли у магазина, и попросила сигарету. Я вдыхала этот дым, ощущала, как он заполняет мои легкие, и становилось легче. Странно, не так ли?! Идей по тому, где ночевать, у меня не было, точнее, была одна, но я никак не решалась набрать номер В. Б. Я дошла до школы и остановилась у ее ворот; еще с детства шпана из соседнего двора научила меня взламывать замки, я так и сделала. Я разложилась в спортивном зале, на матрасе, и уснула быстро; разбудила меня Е.Б. уже утром.

– Что ты тут делаешь? – возмутилась она.

– Так получилось.

– Рассказывай!

– А нечего. Он просто снова напился... а мама тоже уже устала от моих секретов. Заслуженно? Да. Абсолютно, и умом я это понимаю, но не могу. Е.Б., я не могу там находиться, меня всю коробит, когда я переступаю порог той квартиры. Это ненормально, но мне сейчас так тяжело, вот честно, я не жалею, ведь должна учиться быть сильной, но сейчас мне не до ругани, я не выдерживаю такого напора.

– Только не раскисай, – она протянула мне свою здоровую руку. – Девочка моя, я знаю, это сложно, ты только не падай духом. Ты же могла прийти ко мне или к В.Б.

– Не смогла, мне неудобно.

– Пожалуйста, в следующий раз позвони, сколько бы времени ни было, я всегда отвечу на твой звонок. И, Адри, твое странное поведение привлекает внимание, вызывает критику, возможно, и тебе надо постараться держать себя в руках.

– А когда у тебя начались приступы? — внимательно слушая меня, неожиданно задала мне вопрос Дженна.

– Приступ первый произошел как раз в тот день, о котором я тебе только что рассказывала.

Мы еще не знали, что это такое, и как мой организм отреагирует на силу, ведь такой мощи во мне не было никогда, это как тройная нагрузка, и сердце, в принципе, как и весь организм, оно быстро истощалось. Но причина самих приступов, забегу немного вперед, была в накоплении этой самой энергии, мое тело просто не могло, не умело, не было настолько сильным, чтобы сдерживать ее. Как это произошло?

Я сделала шаг вперед, еще даже не вышла из зала, как в глазах потемнело, и закружилась голова; я упала на пол, и все, что помню, это такое состояние, когда ты весь в огне, то есть я перестала быть собой на то мгновение, в прямом смысле слова, это была уже не я. И все тело горело, не знаю, буквально или нет, но жгучая боль резко ударила по всем мышцам. Я билась в конвульсиях, как мне уже потом сказали, и все это происходило минут пять, не больше, но это были мои самые мучительные пять минут. Мною будто овладели, сознание оставалось, но контроля не было. Когда я очнулась, то лежала в кабинете медсестры на кушетке.

– Адриана, ты слышишь меня? – тихий тонкий голос прозвенел у меня в ушах.

– Да, – тяжело ответила я. Почти сразу я пришла в чувство и была снова в порядке.

– Ты так нас напугала!

– Даже не хочу знать, что это было. Где В. Б.?

– За дверью стоит, перенервничал, если уж честно.

Я встала, немного пошатнулась, но потом уверенно направилась к двери. Я резким движением открыла ее, чуть не ударив учителя, но он успел увернуться.

– Мне нужно с вами кое-что обсудить.

– Пойдем.

Мы зашли в его кабинет, и он сел за стол.

– Говори.

– Можно покурить у вас в подсобке? – без стеснения спросила я.

– Да, – без лишних вопросов или осуждения ответил он.

– У вас есть сигареты?

– Это уже наглость, – он посмеялся и показал на полку внизу стола, где я увидела потом и пачку. Я зашла в каморку и встала у окна, закурив, а вскоре и сам В.Б. присоединился ко мне. – Давно?

– Второй день.

– Почему? Хотя... не отвечай, и так понятно, – сказал он, а я кивнула в знак согласия, – можешь курить здесь, когда захочешь. (У него часто так делали наши старшеклассники, но только мальчики, и учителя об этом знали, и никто не запрещал).

– Почему я, как думаете?

– Ну, такие вопросы не ко мне, я люблю пофилософствовать, но не умею поддерживать. Но скажу, что, значит, ты справишься.

– Ну вот, это не так сложно – говорить приятные слова.

– Не налей, хотя куда еще больше?! – Мы оба посмеялись, а потом я пошла на урок, наверное, уже третий.

Я сидела на математике, и когда А.Б. проходила мимо парт, то остановилась возле меня, постояла секунд пять, а потом отошла в сторону, оставив на мне подозрительный взгляд. Когда я стояла у доски, она подошла вплотную ко мне, потом снова развернулась и села на свое место, одарив вновь непонятной ухмылкой. Но, несмотря на сложный характер этой учительницы и ее переменчивое настроение, мне она нравилась, потому что была молода и понимала нас, учеников, с полуслова, так сказать, мы были на одной волне. После звонка она попросила меня остаться, и, когда все ушли, мы сели друг напротив друга.

– Что с тобой? – Она приблизилась ко мне, положив руки на парту.

– Только, прошу, без этих вопросов.

– А так не получится, что с тобой случилось?

– Не важно.

– Нет, наоборот, это очень важно, люди вот так быстро и до неузнаваемости не меняются.

Должна быть причина, причем веская.

– Она есть, но это не ваше дело, простите за грубость, но...

– Ты права, не мое, но просто странно видеть тебя, сидящую одну на последней парте, ты за две недели ни слова не сказала на моем уроке, ни одного комментария, такого еще не было, чтобы ты да и не ерничала.

– Переходный возраст, все такое... – я закатила глаза и пожала плечами.

– Нет, тут что-то другое.

– Можно, я пойду?

– Да.

Глава 4

Следующий день выдался нелегким, снова. Ночевала я дома, но никто со мной не разговаривал, атмосфера была напряженной, холодной, неприятной до жути, полная противоположность тому, что я испытывала, находясь рядом с В.Б. и Е. Б. Утром я стояла за школой, возле соседнего здания, и курила, не обращая внимания на ни на окружающих, ни на что; я была так далеко в своих мыслях, что даже не заметила, как рядом со мной встала завуч. Я краем глаза увидела ее и стяхнула мысли, обратив все свое внимание на ее круглые от изумления глаза. Я и забыла, что стояла с сигаретой в руке, а когда поняла, что вызвало такую реакцию, то быстро спрятала руку за спину.

– И как это понимать? – спросила она.

– Мм, ну тут никакую отговорку не придумашь.

– Это уж точно.

Вообще, она всегда была отличным завучем, смелой, уверенной женщиной с прекрасным чувством юмора, понимающая, но строгая, и вот сейчас я пыталась догадаться, на что можно надавить, чтобы выйти из этой паршивой ситуации сухой.

– К директору? – обреченно спросила я

– Да.

– А давайте без родителей, все сами решим, Л.Л., прошу вас. Вот сейчас просто дайте мне минуту, чтобы объяснить.

– Слушаю.

– Подумайте, вы же знаете меня, ведь так? Я была столько лет отличницей, активисткой, примером для подражания, а сейчас вы видите такую метаморфозу. Значит, есть причина. Ведь так? – пыталась я уболтать ее.

– Именно поэтому мы и вызовем родителей.

– И что вы этим добьетесь? Они будут орать, снова, ну накажут, а изменится ли что-нибудь? Нет. Или вам просто нужно сообщить об этом, скинуть проблему на других? Только результата не будет. Вы постоянно так делаете, уходите от трудностей, но порой детям нужно, чтобы их поняли, и не родители, а вы. У вас есть правила, и вы им следуете, но это не действует, оно так не работает. Вы не решаете проблемы детей, хотя могли бы, а всего лишь надо подумать о чем-то, кроме правил.

– Ты говоришь красиво. Правильно, я считаю. Хорошо, но я должна сказать об этом кому-нибудь, чтобы с тобой поговорили. Психолог?

– В.Б.

– Кто?

– Учитель физики, В.Б., – повторила я. – Странно? Да, знаю, но вы можете сказать ему.

– Хорошо, я поверю тебе.

– Почему?

– Потому что ты первая, кто сказал всю правду вот так прямо в лицо, затронула действительно важную тему. Ты осознанно говорила все это.

– Ведь оно так и есть.

– Да.

Я очень удивилась тому, что Л.Л. пошла у меня на поводу, но на этом история не закончилась. Был урок физики, и именно в это время завуч зашла к нам. Они с В.Б. вышли в коридор и начали что-то обсуждать, но я знала, что именно. Я видела, как выражение лица его менялось с каждым словом завуча. Его дружелюбное, насколько это возможно, которое было на уроке, сменилось злостью, когда они разговаривали. Он зашел обратно в кабинет, хлопнув дверью.

– Встань! – закричал он.

Я поднялась с места.

– Я бы сейчас с таким удовольствием унизил тебя перед всеми, если бы эта тема не была настолько личной. Так что... – Он показал на подсобку.

Я так волновалась, что аж ноги дрожали. Я прошла вглубь комнаты, а В.Б. закрыл за мной дверь и подошел ближе. Я немного отстранилась, так как понимала, что сейчас он будет кричать.

– Что ты творишь... – Он не закончил фразу, а тяжело выдохнул, пытаясь не сорваться. – Зачем ты так делаешь? Что, думаешь, мне можно доверять? Что, пустил тебя в свою квартиру, дал покурить, и все – лучшие друзья? Нет, ничего подобного. Мало того, что я нарушил субординацию, так ты еще и подставляешь меня так! – Его крик был слышен на всю школу, наверное. А у меня ком в горле встал, и так было неудобно, и, в то же время, я не понимала, в чем причина столь гневного его состояния.

– Е.Б. восприняла бы это неправильно, ну то, что я начала курить, читала бы мне нотации, позвонила родителям... Вы – единственный, кто меня понимает, – спокойно, не дрожащим голосом говорила я.

– А мне это надо? Нет, я не хочу влезать в это г****, понимать кого-то, успокаивать, быть другом... Мне это не на-до!

– Хорошо, я вас поняла, извините, – я прошла мимо В.Б., не дослушав его, и вышла из комнаты, где в классе очень тихо, внимательно прислушиваясь к нашему разговору, сидели мои одноклассники.

На последнем уроке к нам зашла девочка из 11ого класса и сообщила, что меня вызывают к директору. Меня обуяла тогда такая обида из-за того, что мы же договорились с Л.Л., решили все без директора и родителей. Я встретила ее в коридоре, когда была уже на пути к кабинету директора.

– Вы же согласились со мной, так зачем нужно было так делать сейчас? – Я посмотрела на нее жалостным взглядом, а потом презрительно отвернулась в сторону.

– Это была не я.

– Кроме нас, никто об этом не знал.

– В.Б.

– Он бы так не поступил, – уверенно сказала я, и у меня не было по этому поводу никаких сомнений.

– Что у вас с ним?

– Ничего, просто взаимное уважение и доверие с моей стороны.

– Удивительно! – воскликнула она.

– Да, этого надо было заслужить, а я вот потеряла.

Мы обе зашли в просторный кабинет, где за столом сидела директор, а рядом стояла С.С. – еще один завуч нашей школы.

– Понятно, – тихо сказала мне Л.Л., – я же тебе говорила, что это была не я.

– А вы зачем пришли? – скрестив руки, спросила С.С. – Вас никто не звал, это вас не касается.

– Как и вас! – заявила я. – Я знаю, по какому поводу вы меня вызвали, но, я извиняюсь перед вами за мой тон, это никого из вас не касается. Я не курила на территории школы, я не делала это во время уроков.

– По закону...

– Не надо мне тыкать вашим законом, – медленно проговорила я, обращаясь ко второму завучу. Моя злость накапливалась, и я опасалась нового приступа.

– Да как ты со мной разговариваешь! – негодовала С.С.

– Так, здесь мне решать, что и как, так что обе замолчали, и ты, Адриана, сядь.

– Что случилось? – Е.Б. занеслась в кабинет, тяжело дыша.

– А вы- то тут с какой стати? – спросила директор.

– Я узнала, что Адрин вызвали к вам, и сразу прибежала.

– Я вижу, но вы каким образом относитесь к этой девушке? Мы сейчас вызовем ее родителей.

– Не надо, – остановила ее учитель физкультуры, – давайте сами здесь все решим. Для начала, что случилось?

– Так, я вообще ничего не понимаю, но ладно, сейчас разберемся: она стояла утром за школой и курила, и ее увидела С.С. и сразу же сообщила мне.

– Ложь, – вмешалась Л.Л., – это я увидела Адриану и подошла к ней, а С.С. там не было, по крайней мере, я ее не видела, а даже если она там была, то не подошла, а просто прошла мимо и побежала докладывать вам.

– А вы этого не сделали.

– Я ее попросила, – взяла я слово, – знаете, Л.Л. поступила правильно, она подошла ко мне и спросила, что у меня случилось, начала расспрашивать, чтобы выявить корень проблемы, попыталась мне помочь, и мы пришли с ней к консенсусу, а вы, С.С., не удосужились так сделать, что говорит лишь о таком вашем качестве, как подлость.

Все аж поперхнулись от моих смелых высказываний.

– Так, я все же уверена, что здесь нужны родители, – директриса уже потянулась к трубке, но Е.Б. перехватила ее.

– Не надо, я повторю, не делайте этого.

– Либо вы мне сейчас объясняете все, и почему вы, учитель физкультуры, лезете в дела чужого вам человека, либо я вызываю инспектора, и она ставит Адриану на учет.

– Это не объяснить правильно, – сказала я, – просто так вы ничего не добьетесь. Сейчас навалилось сразу столько невзгод на моих родителей, и я не хотела бы разочаровывать их.

– Раньше об этом думать надо было! – не унималась завуч.

– Да заткнись ты уже! – нервно закричала Л.Л.

– Адриана хорошая, прилежная ученица, и эта ситуация – просто ошибка, я с ней поговорю, обещаю, повлияю на ее поведение и отношение в принципе, – заступалась за меня учительница.

– Вовсе не ошибка. Но я расскажу этой девочке, где можно курить, а где нет, – услышала я сзади себя голос В.Б.

– Еще и вы!

– Да, но скажу, что именно я и Е.Б. здесь не лишние. У ребенка проблемы, и вы вместо того, чтобы помочь, сейчас усугубляете ситуацию.

– Я вас услышала, В.Б., мне тоже надоел этот балаган, я уже не знаю, кто тут виноват больше, в общем, за ее поведение вы и понесете ответственность, еще раз кто-нибудь увидит ее курящей за школой – будут проблемы, а пока пусть ходит к нашему психологу. На этом все.

– Да как ты до этого додумалась? – Негодюя, Е.Б. пихнула меня вперед и ударила платком, который вытащила из кармана. – Курить она начала? Вообще без мозгов?!

– Успокойся. – В.Б. выхватил у нее тряпку и встал между нами.

– Ты очень меня огорчила, – сказала учительница физкультуры, она выглядела удрученно и очень расстроено.

– Я с ней поговорю, – сказал мне физик.

Она со мной еще неделю не разговаривала, но потом остыла, да я и сама извинилась на следующий день, но вредную привычку и не подумала бросать. Я каждый день оставалась после уроков в школе и тренировалась, где было место, и результат моих стараний был очевиден; каждый день у меня получалось контролировать себя все лучше и лучше, мои движения не были настолько уверенными и четкими, но я старалась. Родители тоже отошли, но теперь

все реже и реже со мной разговаривали, мы слишком сильно отделились друг от друга, я даже подумывала переехать к бабушке. Все это было тяжело, порой я даже не понимала, как выношу все это, но старалась вообще не заикливаться на осознании ситуации и ее принятии. Меня затягивал огонь, переманивал, так сказать, на свою сторону, то есть реальность была слишком далека от моего нового мира, но я не теряла связь с миром, а в этом мне помогали Е.Б. и В.Б.: они вытаскивали меня из моих сказочных миров в суровую реальность, где, как мне иногда казалось, для меня не было места.

Я понимала, что все эти тренировки не сравнятся с настоящим применением огня, когда придет время для боя, драки, или что там было для меня заготовлено, то все будет иначе, и вот этого я боялась, не то, чтобы боялась, но я постоянно думала, смогу ли, допустим, причинить кому-либо вред, убить. Ведь, несмотря на мою мощь и силу, я уж точно не была всемогущей и не имела права забирать жизни. К этому нужно быть готовой морально, а я лишь укреплялась физически.

Глава 5

Я помню нашу первую встречу с Дмитрием – моим учителем. Я сидела на уроке математики, А.Б. стояла возле доски, объясняла новую тему, и тут я почувствовала, как языки пламени уже обжигают мою кожу; я так сильно сжала руки в кулаки, что потекла кровь из ладони. Я впервые тогда поняла, что значит чутье или инстинкт: я дернулась вперед, кинулась к учителю, отбросив ее назад, и тут же, в эту же самую секунду, на то место, где писала А.Б., прилетела огненная стрела; ее пламя начало распространяться по всей доске, переходя на стены. Ученики уже хотели выбежать из кабинета, но я каким-то непонятным образом захлопнула дверь, стоя в другом углу класса. Я отошла от доски и напрягла каждую мышцу своего тела, пытаясь остановить распространение огня. Во мне оказалось больше силы, чем я ожидала: я не просто остановила огонь, а могла им управлять, хотя он был создан не мной. И его энергетика была очень необычной, даже цвет был не красный, а зеленоватый. Этот огромный огненный ковер быстро превратился в копыа, целящиеся на меня и на одноклассников.

– Е.Б. наберите, – закричала я учительнице, которая в полубморочном состоянии сидела на полу, – никому не двигаться, не кричать, меня внимательно все слушаем, движений лишних не делаем.

Я стояла впереди всех, закрывая собой передние парты, и наблюдала за каждым действием этих непонятных шипов, и была наготове. Я переключила внимание на одну сторону, где сидел третий ряд, и попросила встать парня.

– Ты сама сказала не шевелиться, – противился он.

– Я все контролирую, поверь, с тобой ничего не случится, – уверяла я его, будучи уверенной в своей интуиции и рефлексах.

Я внимательно следила за движением друга, не упуская из вида ни одну искру. Вместе с парнем начали двигаться колы, один из них приближался к ученику, но я перехватили его.

– Садись, но очень осторожно.

В этот момент распахнулась дверь и забежала Е. Б. Этот стук отвлек мое внимание буквально на полсекунды, и за это время весь этот острый ковер, полностью покрытый шипами, полетел на нас.

– Ложись! – заорала я.

Я вытянула руки, создав огромный барьер, который отгораживал нас от неминуемой смерти. Я и сама не ожидала такого – эта пламенная стена была настолько мощная, настолько невероятная, что я чуть не упала, но устояла на ногах и начала увеличивать ее ширину, дабы поглотить или разрушить эти гигантские иглы. Увеличиваясь в ширину, она уменьшилась в длину, но все шло по плану, пока одна из иголок не вырвалась из моего заточения, пройдя сквозь руку. Это была адская боль, будто в меня возили раскаленное железо, так еще этот кол прошел буквально сквозь меня, порвав мне, наверное, все мышцы.

– Выводи всех! – зашипела я. В глазах потемнело, но я стойко держалась на позиции. – А вы, А.Б., не шевелитесь, вы на другой стороне, они среагируют на любое ваше движение, – с трудом выговаривала я, – не паникуйте, сейчас я все решу.

Я собрала все свои силы и сделала шаг вперед, потом еще один, прижимая все сильнее этот уже двойной барьер к стене. В определенный момент я опустила руки, и у меня была всего лишь секунда, чтобы поглотить оставшуюся энергию: плавными, но быстрыми круговыми движениями руками я создала шар, который становился все больше, и когда зеленое пламя угагло, я превратила свой огонь в пепел, который развеялся по всему кабинету.

Я присела на пол, а точнее плюхнулась; силы еще оставались, но вот боль в руке не проходила, как и кровь. Я сильно сжала руку, стараясь уменьшить кровотечение, но это не помогло.

– Я понимаю, что вам сложно воспринять это, и эмоции берут верх, но мне сейчас нужна ваша помощь, – я подползла к А.Б., пытаюсь ее растормошить.

– Да, я . . . – Она вскочила и начала бегать вокруг меня. – Что я должна сделать? Ты истекаешь кровью. Я позову Е.Б. или В. Б. Сейчас. . . – Она схватила телефон со стола, но не удержала, и он упал.

– Так, спокойно, забудь. – Я взяла ее за руку и опустила вниз. – Прости, что на «ты», но сейчас соберись, не паникуй, просто помоги мне встать и отведи меня в кабинет Е.Б.

– Что у вас случилось? – изумился Влад, когда зашел. Увидев меня всю в крови, он подбежал, снял майку и перевязал мне руку, даже ничего не стал спрашивать (Влад – наш десятиклассник, один из самых красивых парней нашей школы, ну для меня по крайней мере. Он был капитаном нашей школьной сборной по волейболу, при этом хорошо учился, что крайне редко встречается. Я с ним не очень тесно общалась, но иногда ходила тоже на волейбол и тренировалась вместе с ним. Была ли я влюблена в него? Да все девки были влюблены в него! Но мои планы на наше совместное будущее отошли на второй план сразу после того, как я получила силу). Как только он сильно затянул повязку на ране, то немедленно взял меня на руки.

– Я позову кого-нибудь, – сказал он это А.Б.

– Я не буду сейчас задавать тебе никаких вопросов, не переживай, только держись. Я вижу, ты потеряла много крови. Все будет хорошо. Это была пуля?

Я помотала головой.

Е.Б. стояла в спортивной зале с моими одноклассниками, говорила что-то им с очень убедительным и серьезным выражением лица. Влад занес меня в кабинетик и посадил на кресло.

– Давай, я посмотрю, сделаю, что смогу. Я бы вызвал скорую, но, думаю, логично и правдоподобно объяснить вы это не сможете.

– О чем это ты?

– Я не видел, что случилось, но. . . Ты изменилась, даже я это заметил, хотя не общаюсь с тобой. Ты раньше проходила мимо меня и долго смотрела в мою сторону, а когда я обнимал тебя, то ты таяла, а теперь даже не замечаешь, и еще. . . я видел тебя, когда ты выбегала из кабинета физики, а когда мимо проходил, увидел, что у вас пожар случился. И здесь ожоги с порезами! – Он развязал свою майку и снял с меня рубашку. – Я никогда такого не видел! Не буду тебя допрашивать, захочешь, сама расскажешь. – Он достал из аптечки спирт, иглу и нитку, и еще какой-то шприц. – Тут обезболивающее. – Влад вколол его мне около раны и приступил к работе.

– Откуда такие навыки? – спросила я.

– У меня родители врачи. Не знала?

– Нет.

– Я слышу, как сильно стучит твое сердце, – тихо сказал он мне.

Когда Е. Б. зашла к нам, то с ней был и В. Б. Я удивилась, что он здесь, ведь его слова о том, что ему это не нужно, были серьезны, но после того, как он тогда заступился за меня перед директором, тот поступок заставил меня сомневаться в окончательном решении В.Б. бросить нас.

– Мы помешали? – спросил он, увидев меня в нижнем белье и старшекласника, сидевшего так близко. Е.Б. пихнула его в бок, и тот замолчал.

– Как ты? – спросила она, осматривая рану, которую уже на тот момент зашили.

– Пойдет.

– Она потеряла очень много крови, – прокомментировал «доктор», – и я зашил, конечно, обработал, но шрам останется, вы же понимаете, я не врач, да и тут явно порваны мышцы. Это максимум, что я мог сделать.

– Спасибо, – поблагодарила его Е.Б. и обняла.

– Скажите потом, как она, – прошептал Влад на ухо учительнице, но я услышала его слова и широко улыбнулась.

– Хорошо.

– Что это было? – Мне дали майку, которая принадлежала Еве (дочке Е.Б.), и сели рядом.

– Вы про что именно? Если про случай на уроке, то я без понятия, а если про Влада, то он...

– Мы про случай в классе, – грубо перебил меня В.Б.

– Я повторю, – в такой же манере ответила и я, – я не знаю.

– Я отвезу тебя, – предложил он.

– Я все улажу здесь, – сообщила Е.Б.

– Отлично, разберемся со всем завтра, сейчас у меня вообще сил не осталось.

В.Б. довез меня до дома, никого не было, и он даже заставил меня поесть, а потом уложил на кровать. Он не ушел домой, а остался следить, потому что, мне хотелось так думать, он переживал за меня. Когда я проснулась, его не было, но мама уже пришла с работы.

– Я застала В.Б., – сказала она, увидев меня в коридоре.

– Что он сказал?

– Чтобы мы не беспокоились. Адриана, я жутко волнуюсь, – она увидела кровавую повязку у меня на руке и покачала головой. – Что происходит? Расскажи мне, прошу.

– Мама, я понимаю твои чувства, но не могу, правда, ну не могу я ничего рассказать. Ты каждый раз спрашиваешь меня, что происходит, уже так больше месяца, но хватит мучить меня и себя. Ты же видишь, как все сложно! Я все прекрасно понимаю, но тебе придется поверить мне на слово.

– Как? Это ужасно – видеть, что с твоим ребенком творится что-то страшное, но он не говорит об этом, – слезы навернулись на глаза, и она чуть ли не расплакалась.

– Поговори с Е.Б.

– Что?

– Поговори с ней. Она найдет нужные слова.

Не знаю, что уж учитель сказал моей маме, но каждодневные ссоры прекратились. С отцом я почти не разговаривала, да и он не шел на примирение.

На следующий день, вся разбитая, но я пришла в школу. Реакцию моих одноклассников нужно было видеть. Первым уроком у нас была физкультура, и когда я зашла в зал, то все сначала долго и пристально глядели на меня, а потом захлопали. Мне стало даже так неловко, хотя я и пользовалась популярностью, знала почти всех в школе, была достаточно симпатичной и интересной, но никогда не было такой реакции на мою личность. Я закрыла лицо руками, дабы не показывать свое смущение.

– Не надо. – Я отмахнулась рукой, но, если честно, было немного приятно. Если подумать, то причиной всего этого балагана была я, если бы не моя сила, то того коллапса бы не возникло. Но с того момента я перестала быть изгоем для себя в классе, то есть я снова заняла свою должность старосты, начала общаться с друзьями... Но это было уже после знакомства с Дмитрием.

На том уроке физкультуры я вышла, чтобы выпить воды, и по пути, на лестнице, кто-то схватил меня сзади и потащил в ближайший кабинет. Это были сильные холодные руки, которые очень крепко сжимали меня. Но, еще не дойдя до кабинета, я смогла вырваться. Незнакомец не стал дальше ничего предпринимать. Это был мужчина лет 30, высокий, хорошего телосложения, но странно одетый, да и взгляд у него был какой-то нечеловеческий, что ли. Все в нем было необычно.

– Кто ты такой?

– Ты Адриана, та самая?!

– На мой вопрос отвечай! – Я была настроена агрессивно, готова была вступить в бой.

– Меня зовут Дмитрий, это я вчера устроил тебе проверку. Ну, помнишь, на уроке математики?! Ты уж извини за плечо, это не входило в мои планы, но я должен был узнать, насколько ты сильна, – он говорил так спокойно, размеренно, не делал паузы между предложениями, поэтому его было сложно понять. Странно то, что я чувствовала в нем не враждебность, а, наоборот, желание помочь. Он не был врагом.

– Ты чуть не убил моих друзей!

– Но у тебя все было под контролем, я знаю это, я был там и видел тебя, я ощущал тебя.

– Зачем ты здесь?

– Чтобы научить всему тому, что умею сам. Тебе надо развиваться. Если честно, я не ожидал увидеть такой великой силы, такой мощи. Не думал, что ты настолько сильна, – он поклонился и протянул мне руку, которую я пожала, даже не задумываясь.

– Хочешь развить мою способность? Но для чего?

– Ты даже не представляешь, на что способна, детка! В тебе живет такой монстр. Даже я никогда не был так силен, как ты. Странно, верно? Ученик уже превзошел своего учителя. Я подготовлю тебя.

– К чему?

– Ну, для начала, к первому бою. Да и вообще, я обучу тебя сейчас всему, что знаю, а потом ты сама уже поймешь, что с этим делать. – Дмитрий повернул голову и слегка кивнул кому-то, но я заметила этот жест и тоже развернулась в ту сторону, куда он смотрел, но там никого не было.

– Хорошо, я согласна просто поговорить. Сегодня, в 14:00 у актового зала.

– Сейчас.

– Нет, в два часа дня.

Мне очень не понравилось, а точнее, взволновало то, что Е.Б. мило попивала чаек с «новым другом», которого прежде не видела, ведь я не говорила о нем никому. Они разговаривали о чем-то, даже, как мне показалось, спорили, но все прекратилось, как только пришла я.

– Интересно... Вы его знаете? – обратилась я к Е.Б.

– Вот только познакомились. Он рассказал мне все.

– Отлично, – саркастично ответила я, – а теперь пусть кто-нибудь мне все объяснит.

– Я уже все тебе сказал. Я хочу быть твоим тренером: я научу тебя контролировать огонь, быть его частью, перевоплощаться, раскрою все твои возможности.

– Для чего?

– Не будь наивной. – Дима закатил глаза. – Ты же умная и понимаешь, что на тебя возложена огромная ответственность, ты должна быть защитником для людей. И твой первый бой буде совсем скоро. Поэтому я и здесь; с появлением огня, ты заинтересовала многих... И главное – сделать верный выбор.

– А... вы... – Я даже опешила от его слов, была так поражена этой наглостью; я злилась. – Черт побери, сначала я начинаю управлять стихией, потом ты пытаешься меня убить, дабы проверить свои догадки, а теперь заявляешься ко мне и говоришь, что за мной скоро придут. И какой реакции вы от меня ждете? Почему вы думаете, что имеете право распоряжаться моей жизнью? Ты, да пошел ты! – Я оттолкнула незнакомца. Меня пробирала дрожь, и мне так хотелось свернуть ему голову, злость накапливалась во мне, и не было четкой грани между мной и той другой личностью, которая была огнем.

Мне было так паршиво, ведь эти пару месяцев стали для меня таким испытанием, что нервы не выдерживали, и нагнетание обстановки, давление: все это жутко изматывало, я истощалась морально; пытаюсь казаться сильной и непринужденной, я лишь с большей силой ломала себя изнутри, а появление Дмитрия убило меня напрочь. А как бы вы отреагировали на то, что в скором времени тебе придется драться и убивать, а ведь мне всего было 14 лет. Е.Б.

хоть делала все возможное, но ей не удавалось понять мои истинные чувства и переживания. И я осознавала, что она вообще не должна этого делать – возиться со мной, и меня мучила совесть от того, что я забираю ее из семьи, ведь моя уже была почти разрушена. Возможно, все намного проще, и это лишь казалось мне таким сложным, и я просто накручивала себя, но мне действительно было ужасно плохо.

Насколько Е. Б. была открытым и радушным человеком, а В.Б. – наоборот: замкнутым и нелюдимым, но именно от него я чувствовала эту отдачу и некую правдивость, я видела в нем истину, он никогда не лгал мне, потому что сам не принимал ложь.

И это качество со временем перешло ко мне. Он не был добряком, не умел общаться с людьми, не хотел этого, но он был настоящим для меня, и многие принимали это его неадекватное поведение за некий образ, и я так думала, но, забегаая вперед, скажу, что я ошибалась. Это не было маской, просто сама жизнь так распорядилась. Порой не мы создаем свою личность и не воспитываем ее, а жизненные ситуации делают это за нас, и надо не потерять контроль над собой, чтобы потом не превратиться в чудовище или эгоистичную тварь.

Внутренняя обида и ярость на саму себя и окружающих меня съедали. И единственным человеком, который мог бы мне помочь, был В.Б., не помочь... позволить преодолеть, пережить это испытание с самой собой.

Я столкнулась в коридоре с Владом: не заметила его. Я подняла глаза, наполненные слезами, и в ту минуту поняла, насколько сильны мои чувства к нему. Его улыбка, манеры, голос: все это меня привлекало. Но любовь была так неуместна, а с другой стороны, это был первый раз, когда я ее испытывала. И скорее всего, это была влюбленность во внешность, ведь знала я его не очень хорошо, но мне было дозволено, потому что нам, подросткам, сложно увидеть личность, мы замечаем оболочку, и лишь потом узнаем, каков человек на самом деле. Хотя... во взрослой жизни то же самое. Буря эмоций захлестывала меня... Я стояла такая растерянная, а он так внимательно смотрел на меня голубыми глазами, и казалось, что весь мир – это он, и никого лучше нет. Он поднял телефон, который я уронила, и обнял меня за плечи.

– Что с тобой? – Его вид был обеспокоенным. Я помотала головой, но он не отпускал. – Я знаю ту Адриану, которая очень веселая, глупо шутит и нелепо смеется, ту, что отлично играет в волейбол, а еще может дать отпор любому. Девочку, которую не сломить, но сейчас ты плачешь, а я хочу помочь, потому что мне нужна твоя улыбка и провожающие взгляды, твоя дрожь в коленках, когда я нахожусь рядом, этот влюбленный взгляд... А теперь ответь на вопрос, что заставило тебя так измениться? – Он вытер слезы, что скатывались по моим щекам, и крепко прижал к себе. – Скажи, и я сделаю все, что смогу.

– Я не могу, я... – Мне так много хотелось сказать ему, но я не решилась. Я вырвалась из его объятий и быстро ушла, жалея о том, что не воспользовалась моментом. Я поднялась в кабинет физики; уже был вечер, и остались только те, у кого дополнительные или учителя, у которых всегда была куча бумажной работы. В.Б. курил в кабинете, стоял возле окна, и, услышав мои шаги, повернулся.

– Не говори ничего, – он протянул мне пачку, и я вытащила сигарету, закурив рядом с ним. – Странно так, вот ты стоишь просто рядом и слова не сказала, а я вижу, как тебе хреново. Я видел этого Дмитрия, знаю все, – он вытащил из ящика бутылку коньяка и пару стаканов, – садись.

Я залпом выпила первую порцию алкоголя, В.Б. сделал так же. Я раньше не пила алкоголь, только если глоток шампанского на Новый год, а тут сразу, да и еще коньяк, но я не опьянела. Я стала по-другому все ощущать с появлением силы, в прямом смысле по-другому. Окружающая среда стала не так влиять на мой организм.

– А почему вы делаете это? – спросила я учителя. – Позволяете мне курить, наливаете алкоголь, – пояснила я.

– Во-первых, я не твой родитель, чтобы запрещать тебе что-то, хотя... это во-вторых, а, во-первых, такую боль нельзя подавить разговором по душам, ее вообще нельзя усмирить, в твоём случае разочарований будет все больше и больше, как и душевных ран; я не говорю, что нужно каждый раз пить, так и спиться запросто можно, а женский алкоголизм не лечится, но порой лучше напиться и покурить, чем просто сидеть и страдать. Она, Е.Б., не одобряет мои методы, ну и пусть, но я лучше дам тебе сигарету и налью коньяка, а потом отведу домой, чем буду сидеть дома и переживать за тебя, думая, в каком ты состоянии и где. Я тебе не отец, чтобы воспитывать, но я стану тем, кем ты скажешь.

– А вы почему пьете?

– Где твоя субординация?

Я закатила глаза и показала на полупустую бутылку.

– Там же, где и ваша. Я просто хочу узнать вас.

– Давай перейдем на «ты», только людях...

– Да, конечно. Так почему ты начал пить?

– С чего ты это взяла?

– Я заметила, что у вас руки трясутся, вы курите слишком много и ваше отношение к детям немного другое, так сказать, вы даете нам жизненные уроки, которые для нашего возраста еще непонятны, вы учите нас быть людьми, вы показываете нам настоящую жизнь...

– Да, ты правильно отметила. У меня дочь и сын, и, знаешь... – Он подлил мне и себе еще немного коньяка и собрался с мыслями, – мало кто знает, но у меня серьезно больна дочь. И в свое время, когда я был нужен ей, меня не было, точнее, я был не так близок с ней, как должен был. Я не плохой отец, считаю, вовсе нет, я дал ей все, чтобы она могла с легкостью жить во взрослом мире, но я упустил ее саму, и сейчас она уже не хочет вернуть «нас». Я учу вас жизни, потому что никто вам не скажет правды о реальном мире, а потом вы можете сильно ошибиться и сполна заплатите.

– Так почему же ты сидишь здесь, когда должен быть с ней?! – Я встала и слегка ударила кулаком о стол.

– Пойми, не все так просто. Я не могу ее спасти уже, и видеть своего ребенка умирающим – я не справлюсь. И чувство вины меня не покидает, но и преодолеть себя я... – Он покачал головой. – И сейчас я пытаюсь хотя бы до вас донести то, что не успел сказать до... дочери, – В.Б. запинался, и было видно, как ему больно говорить на эту тему. – Мое упрямство, мой долбанный характер – вот, что разрушило наши с ней отношения. Ты только не обижайся и не пойми превратно, но ты очень похожа на нее. Твоя импульсивность и борьба за справедливость, забота и наивность... она такая же. Я думаю, судьба дает мне еще один шанс.

– Ты еще первый не потерял. Сейчас я вижу, как моя семья разваливается, и я могу еще что-то исправить, и, слушая вас, понимаю, что не все потеряно. И вы сделайте также. Поезжайте к ней. Вы сказали, что она больна и умирает, так будьте с ней, не упустите эту возможность. Потом будете жалеть, что не попробовали. Завтра же утром поезжайте к ней, наплюйте на работу, на меня, на всех. Я мало знаю о жизни, но уверена, что семья – это то, за что нужно бороться, – мы подняли бокалы и чокнулись. Телефон В. Б. завибрировал, и я увидела надпись «Жена».

– Да, я слушаю, – ответил он. – Я задерживаюсь, приду поздно.

– Нет, – покачала я головой, – вы снова не правы. Собирайтесь и идите домой, там вас ждет жена, и даже не думайте выбирать между нами. Семья важнее, – шепотом сказала я.

– Я скоро буду, дорогая, – улыбнулся он. – Я провожу тебя к бабушке, – сказал В.Б., когда положил трубку.

– Я не пойду к ней в таком состоянии.

– А я не оставлю тебя одну в пьяном виде.

– Все нормально, идите. Я здесь все уберу.

- Где ты будешь ночевать?
- Пойду к подруге.
- Ты врешь, – сказал учитель и недовольно посмотрел на меня.
- Глупо спорить об этом. Вы же понимаете, что я буду сидеть тут и пить, – я всплеснула руками и вздохнула.
- Иди к подруге, пожалуйста, не надо так себя наказывать, прими и отпусти ситуацию.
- Я боюсь потерять контроль над собой.
- Может, это и не так плохо?!

Глава 6

Я осталась одна в школе, за окном была ночь, но звезды ярко освещали небо, и казалось, что еще только вечер, часов восемь; ночь была такая теплая, уютная, а я сидела и допивала эту несчастную бутылку.

Я вышла на улицу и пошла; машин еще было много, и людей в ресторанах сидело тоже приличное количество. Я зашла в какой-то дворик и села на скамейку, закурив. Какие-то два парня подошли ко мне и попросили сигареты, но я им отказала. Я не видела их лиц, но одеты они были обычно: джинсы и куртка. В любой другой день я бы испугалась и убежала, или вообще бы не находилась в таком месте одна ночью, но тогда мне было все равно, я не была теперь хрупкой и беззащитной девочкой, я так считала.

– Раз у тебя нет сигарет, то мы возьмем кое-что другое. – Один из парней сел со мной рядом и положил руку мне на колено, но я отодвинулась в сторону. Я хотела встать, но второй присел с другой стороны и взял меня за руку. – Зачем же такая девушка гуляет одна так поздно ночью?

– Не ваше дело, отвалите, – грубо ответила я и рванула вперед, но не вырвалась.

– Ну, куда же ты? – Они начали приставать ко мне и сняли с меня куртку. Из-за алкоголя я плохо соображала, координация была нарушена, и в голове был шум. Парень, что сидел справа, крепко держал мои руки. Тогда я и поняла, что происходит. Я оттолкнулась ногами от земли и запрыгнула на скамейку, а следующим движением перекинула через себя мужика, что не отпускал меня. Другой быстро спохватился и потянул вниз; я упала на землю, и он залез сверху. Второй тоже уже успел прийти в себя и встал надо мной.

– Какая проказница! Тем интересней, – их руки потянулись к моему телу, ниже бедер, а я никак не могла преодолеть этот невидимый барьер, который вводил меня в ступор. Я осознавала, что со мной сейчас будет, если не дам отпор, но сил не было. Я уже услышала звук растегающейся молнии на моих штанах... Я ничего не понимала. Мне даже не было страшно. Когда холодная рука прикоснулась к моему телу, я дернулась, пнула ногой того, кто сидел на мне. Я почувствовала огонь в своих руках и вскочила на ноги. Пара минут, и я одолела двух здоровых мужиков. Они оба лежали в грязи, все в ожогах, но живые.

– Не на ту напали!

Это уже было раннее утро, часа четыре, я шла по дворам, направляясь к школе, пила вино, которое мне, к моему удивлению, продали и даже возраста не спросили; я была ужасно пьяная или разбитая. Только через пару часов после произошедшего я опомнилась и осознала, что меня чуть не изнасиловали, и после этого мне стало еще хуже.

– Какая я дура, – причитала я про себя.

И вроде я держалась, не плакала, и мне не было себя жалко, но сама мысль о том, насколько люди могут быть омерзительны и ужасны – вот это вводило в транс. Я подошла к школе, когда было уже совсем светло; я зашла через запасной выход и села на пол около одного из кабинетов. Я опустила голову и надела солнцезащитные очки. Мне было жутко стыдно перед самой собой. Я услышала шаги учителей и быстро спряталась за угол; пройдя в кабинет Е.Б., взяла у нее свою форму школьную, которая висела в школу на всякий случай. Мой внешний вид оставлял желать лучшего, как и внутреннее состояние. Я дождалась звонка на урок и тоже пошла в класс. Моя походка была неуверенной и шаткой, а перегаром несло на весь коридор, пачка сигарет виднелась из заднего кармана штанов. Я даже не смогла подняться на второй этаж: запнувшись об ступеньку, я с грохотом упала; гневно отбросив сумку, схватилась за голову. Влад тихо подошел и присел на ступеньку ниже.

– Руку давай, – предложил он, но я отказалась, тогда он снял с меня очки и заставил посмотреть на него. – Понятно. Вставай, – еще жестче приказал он и, взяв меня за руку, потянул

наверх. – Пошли! – Я нехотя поплелась за другом, сил на споры у меня не было. Мы зашли в женский туалет, и он открыл холодную воду. – Наклоняйся.

Когда ледяная вода привела меня более-менее в чувство, мы пошли кушать в столовую. Мы молча сидели: я ела, а он просто смотрел на меня.

– С каждым разом ты поражаешь меня все больше и больше, обескураживаешь. Эти твои черные глаза... даже в таком состоянии я вижу в тебе глубину и сознательность. Ты смотришь на меня, и я просто растворяюсь в твоём взгляде. Черные и бездонные. Ты всем своим видом говоришь о том, как тебе плохо, и ты терзаешь себя, и сама себе делаешь большее, скрывая какой-то секрет.

Я уже была готова рассказать все то, что произошло этой ночью, и причину того, почему я пила, но Е.Б. зашла в столовую, и еще с двери начала на меня кричать.

– Я так и думала, что ты здесь, – она кинула мне в ноги сумку, забытую на лестнице. – Еще с коридора учуяла этот запах. Где ты была всю ночь? Мне звонила твоя мать... И почему ты ведешь себя так?! – Она поняла, что перешла черту, и немного смягчилась, присев к нам за стол.

– Перестаньте на нее кричать! – вступился за меня Влад. – Вы же видите, что ей и так дурно, и вы знаете почему, но зачем устраивать публичный скандал?!

Мне нравилось, что он так ярко защищал меня, а кому бы не понравилась такая забота?!

– А ты-то тут причем? Я просто понять не могу, почему ты, Адри, создаешь себе столько трудностей?! И тебе, Влад, не стоит лезть в наш с ней разговор.

– Он, не зная ничего обо мне, не осуждает, не мучает такими расспросами, не задает вопросы, на которые я не могу дать ответы.

– Ты знаешь, я всегда готова поговорить.

– Да разговоры тут уже не помогут! – нервно ответила я.

– Хм. Знакомые слова. Кстати, где он?

– Да, я тоже пришла это узнать. Где В. Б.? – присоединилась Л.Л.

– Его не будет пару недель, может, неделю.

– Причина?

– Семейные проблемы, – кратко, не вдаваясь в подробности, сказала я.

– Поняла, хорошо. Следующий вопрос: Адриана, Владислав, почему вы не на уроках? Быстро тут все убрали и учиться! – Завуч показала пальцем на дверь и махнула головой, чтобы мы поторопились.

– Дайте нам с Адриной пару минут, – попросила Е.Б. – Присядь, – обратилась она уже ко мне.

– Вы всегда можете отказаться. Я не буду никого заставлять рисковать собой и своими семьями ради меня, – заявила я.

– Послушай, Адри, я не жалею, что ввязалась в эту историю, и стараюсь тебе помочь, но тут нет правильного ответа... Ты сама должна принять новую силу, тебе тяжело, но никто не сможет тебе помочь, пока ты сама не станешь сражаться. Пить, курить – я не поддерживаю и не разрешаю, но это твое право, но не в моем присутствии. У нас с В.Б. разные взгляды на тебя и всю эту ситуацию, но ни один из нас не откажется от тебя... Мы будем с тобой до конца, только сейчас тебе нужно преодолеть этот страх перед огнем, перед новой личностью. Это неизбежно. Твоя жизнь поменялась и никогда не будет прежней, пора это уже понять. Я не осуждаю, я лишь пытаюсь не дать тебе впасть в депрессию, и именно это сейчас и происходит.

– Я... мне нужно подумать.

– Что случилось этой ночью?

– Откуда вы...

– Просто вижу по твоим глазам, что тебя сейчас тревожит что-то другое. Поделись со мной.

– Я просто была пьяна... очень сильно, – у меня ком в горле встал, и говорить было так тяжело, а с каждым словом слезы было сдерживать все сложнее. – Я только сейчас начинаю осознавать, что все могло кончиться иначе, если бы не огонь... – Я прикрыла рот рукой и заплакала. – Я была так пьяна... я такая дура... Мне было ужасно плохо... Я даже на помощь не звала, они могли спокойно сделать со мной все, что хотели, ведь никого не было, да никто бы и не пришел на помощь. Я лежала там на земле, а он сидел сверху... И просто в какой-то момент эта другая личность начала противостоять мне, именно огонь защитил меня. Это была не я, все само собой произошло, просто появилось желание сражаться. Оно и сейчас есть. Они же видели, что я ребенок... но не прекратили, не ушли, они воспользовались моим состоянием. Неужели люди настолько гнилые?

– Не все, но есть и еще хуже. – Е.Б. потянула меня к себе и обняла. – Девочка моя, Боже...

– Я только сейчас начинаю понимать, как сильно вы мне нужны.

– Мы тебя не бросим, я обещаю. А сейчас иди, переодевайся на физкультуру, у тебя столько пропусков, что я уже не могу закрывать на это глаза.

Я играла в волейбол, стояла спиной к двери, была готова принять мяч, как вдруг почувствовала чьи-то руки на своей талии. Е.Б. засвистела, тем самым остановив игру. Обычное прикосновение напомнило о тех двух мужиках, и дрожь пробрала до самых кончиков пальцев, но я заставила себя повернуться. Влад стоял передо мной.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, пытаюсь замять неловкую ситуацию.

Все смотрели на нас, а он, не сказав ничего в ответ, наклонился и поцеловал меня. Его руки лежали на бедрах, и все ненужные мысли и воспоминания растворились; я привстала на носочки и повисла на его шее. Это был мой первый поцелуй; возможно, я была неуклюжа, но внутренне я ощущала себя уверенно. Его губы нежно соприкасались с моими, а запах мужского парфюма сводил меня с ума. Я забыла, что мы были там не одни, и растворилась в поцелуе. И это был самый лучший момент за пару месяцев.

– Пообещай мне, что бы там ни было, ты не сдашься, – сказал он мне.

– Хорошо.

– Нас сейчас просто сожрут взглядами. – Влад усмехнулся, обратив внимание на остальных.

– Ты это сделал, чтобы мне стало легче?

– Нет, даже не думай так, просто сегодня я понял, как сильно люблю тебя.

– Сегодня? Когда я пьяная упала на лестнице? – Я посмеялась и покачала головой.

– Именно в этот момент.

– Ребята, – окликнула нас Е.Б., – я все понимаю, конечно, но у нас тут урок, да и вы, Владислав, отвлекаете нашего лучшего игрока.

– Ухожу, ухожу, – он подмигнул мне и вышел, оставив со мной свой поцелуй и эти прекрасные слова.

Я встретила «своего уже больше чем друга» у Е.Б., когда все уроки уже кончились, и я пришла к ней поговорить на счет Димы.

– Отлично, я ждал тебя. Я провожу тебя до дома! – сказал он и поцеловал в губы.

– Я не иду домой, – я увидела улыбку и знак одобрения в мою сторону. – Ты попросил меня не сдаваться, вот я и решила, что буду бороться. Я принимаю все условия своей новой жизни.

– И что все это значит? – поинтересовался мой новый парень, обнимая меня за талию.

– Если ты думаешь, что готов узнать мой секрет, то оставайся, но я сразу предупреждаю, что это тебя шокирует. Я не буду ничего объяснять, это слишком сложно. Хочешь – оставайся, а потом как раз и решишь, хочешь ли быть со мной или нет.

– Я посмотрю.

– Адрин, – одернула меня Е.Б.

– Я не смогу быть с ним, скрывая такое... Я не хочу, чтобы мои первые отношения строились на лжи и тайнах. Пусть лучше потом уйдет, чем будет в неведении, – я покачала головой, твердя себе, что сейчас все делаю правильно.

Глава 7

– Ты все-таки пришла?! – сказал Дмитрий и посмотрел на нас. – А он кто такой? Твой парень? Ему нельзя.

– Он останется!

– Нет. Зачем ты еще кого-то впутываешь в свои дела? Ему это не надо.

– Он сам сможет решить, что ему нужно, а что нет.

– Но ты не оставляешь ему выбора!

– А ты не оставил выбор тридцати моим одноклассникам. Думаешь, они хотели быть там, знать... Нет, но тебе было наплевать, ты хотел лишь выяснить, насколько я сильна, так что не нужно мне ничего говорить. Тем более, если бы не он, я бы не пришла.

– Да ты что?! – язвительно сказал Дмитрий.

– Это я вам нужна, вам интересна моя сила, и этим, кто бы там ни собирался меня убить, тоже нужен лишь огонь. У тебя планы на меня, так что...

– Ты уже показываешь свой характер! А мы еще даже не начали тренировки. Не боишься?

– Я еще раз повторюсь, я вам нужна. Я не собираюсь быть наглой сукой, но и вы в свою очередь не принимайте за меня решения.

– Хорошо, Адриана, согласен. Значит, работаем, – он протянул мне руку, и я пожала ее. Я встала в центр зала, а Влад сел на скамейку, чтобы не мешать.

– Давай от стены и петлю, – скомандовал мой тренер, тоже отойдя в сторону. – И постарайся не покалечить никого, мне нужно посмотреть, насколько быстро ты теряешь контроль над силой.

– Готов? – Я обратилась к Владу, а тот уверенно кивнул головой. – Хорошо.

Я сделала вдох и выдох, а потом разбежалась и вскарабкалась по гладкой стене до баскетбольного кольца, зацепилась за него и, оттолкнувшись, сделала кувырок вперед; огромная красно-оранжевая огненная цепь окутала мое тело, она повторяла движения моих рук. Это выглядело эпично и достаточно завораживающе. Я засмотрелась на Влада, его эмоции были бесподобны: это был страх вместе с восхищением, он был поражен и обескуражен, а я, не заметив пол, шлепнулась, больно ударившись спиной, и пламенный хлыст растворился, прикоснувшись к телу. Я привстала, потеряв затылок, и боль быстро исчезла.

– Ты в порядке? – испугавшись, спросил мой друг.

– Ничего с ней не будет! – засмеялся Дима. – Неплохо, но ты отвлеклась, вот и результат, а если бы там было не 6 метров, а 96? Ты бы в лепешку превратилась. Но твоя оперативность и ловкость, и как ты точно управляешь огнем – за это тебе плюс.

– Это невероятно! – прошептал Влад. – Это нереально! – Он помог мне встать и посадил на скамейку. – Такое может быть только в сказках! Ты владеешь, да что там, ты создаешь этот огонь из ничего и управляешь им! Это волшебно! – Он придвинул меня к себе и страстно поцеловал; его движения были такими резкими, и я чувствовала страх, но он не меня боялся, и это меня обнадеживало.

– Пойдем, не будем им мешать оттачивать ее мастерство, а я пока тебе кое-что расскажу, – Е.Б. позвала моего парня, и они оба ушли в кабинет.

– Я давлю на тебя? – спросил тренер.

– Дело не только в тебе, прости за наглость, я не считаю, что я вам нужна, точнее, ты тоже мне будешь полезен, ты ведь будешь учить меня всему, раскрывать мой талант!

– Это невозможно! Твоя сила безгранична, я никогда не смогу узнать, на что ты действительно способна. Но тебе будет сложно, даже не буду обманывать. Это непосильная ноша для одного человека, причем ребенка, так что ты держись за них, я про Е.Б. и В.Б., они помогут тебе преодолеть этот нелегкий путь. Я разрешил тебе сейчас воспользоваться огнем только

для того, чтобы твой парень увидел, кто ты такая, но начать я хочу с другого. Ты просто сядь и расслабься. Это конечно звучит странно, но я хочу, чтобы ты занялась медитацией. Твои срывы будут учащаться, и моя задача на данный момент научить тебя совладать с другой твоей личностью, которая жаждет крови и разрушений.

– Да, ты меня успокоил. Теперь мне нечего опасаться.

– А надо бояться, у тебя еще долго будет этот страх огня, точнее того, кто им управляет. Ты права, это не ты. Просто расслабься и позволь себе стать марионеткой, – он подошел сзади и нежно провел рукой по моей спине, а потом, наклонившись, поцеловал в шею.

– И что же вы делаете?

– Наблюдаю за твоей реакцией.

– Так можно и по носу получить.

– Я не боюсь тебя.

– А не от меня, – я посмеялась, но потом сразу же настроилась, сделав серьезный вид.

Погрузиться в себя было не так уж и сложно, потому что мысли меня поглотили. Я уходила все глубже и глубже, и ночные воспоминания, ссоры с родителями, проблемы... все это эмоционально меня истощало, но в то же время и выводило из себя. Я ощущала огонь в своих ладонях, он был не сильный, но разгорался все больше и больше, опоясывая меня. Я не могу сказать, что не контролировала его, но во мне проснулась жажда пламени; я чувствовала все намного ярче: я шевелила пальцами и слышала, как происходит это движения; стук собственного сердца тоже слышала, и каждое мое движение казалось мне намного эффективней. Дмитрий схватил меня за талию и начал медленно опускать руки. Я вела себя сдержанно, но новая волна мыслей и неприятных воспоминаний нахлынули, и огонь уже выходил из-под контроля. Каждое его движение приносили мне боль – эмоциональную, и мне не хотелось сдерживать свой гнев. Когда его рука оказалась у меня на ноге, то я грубо схватила «учителя» за руку, и пламя окутало нас обоих. Я открыла глаза и видела перед собой лишь красное одеяло, и это непреодолимое желание убить впервые возникло у меня в голове. Я была в ярости, и утихомирить ее была не в силах.

– Адриана, успокойся, это уже перебор, – крикнул мне Дима, но я швырнула его в другой конец зала. Мне не было дела до его слов, я все думала о тех двух мужчинах... Я вся пылала, в прямом смысле слова: мои руки полностью были в огне.

– Что здесь происходит, что с ней? – завопил Влад.

– Я лишь хотел разбудить в ней какие-либо эмоции, – начал оправдываться мой учитель. – Я и подумать не мог, что обычные прикосновения вызовут такую бурю.

– Что ты сделал? – спросила Е.Б.

– Просто... – Он визуально показал, а мой парень, не дав договорить, полез с кулаками в драку.

– Ты посмел притронуться к моей девушке?!

Они оба повалились на пол, избивая друг друга, но Дима поддавался.

– Успокойтесь! – Е.Б. не тратила времени на их усмирение. Она, не боясь того, что я могу с ней сделать, подошла близко-близко ко мне и дотронулась до моего плеча. Я вся горела, но она терпела.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, но это уже позади. Эта злость, эта ярость... ты не должна быть такой. Я представляю, каково тебе узнать, какими могут быть люди, но тебе сила дана не для этого.

Я слышала четко каждое ее слово, и жар спадал; Е.Б. достучалась до меня, она всегда могла утихомирить мой пыл, даже когда мы не были так близки, она всегда успокаивала меня.

– Возьми мою руку и посмотри мне в глаза, Адри, девочка моя, ты сильнее огня, ведь пламя – это и есть ты.

– Как вам это удалось?! – воскликнул Дмитрий, видя, как я снова превращаюсь в саму себя. Его лицо было сильно разбито, как и Влада.

– Почему она так отреагировала на мои... вы поняли... прикосновения. Я ожидал небольшого возбуждения, то есть проявления чувств, но не агрессии, – прокручивал он у себя в голове, как все должно было случиться.

– Ее чуть не изнасиловали сегодня ночью. Но ты опять проявил свою «чуткость» и «внимательность». Чему ты можешь ее научить, если сам-то ведешь себя как подросток?! – негодовала Е.Б. – Думаю, мы прекратим с тренировками.

– Нет, – возразила я, – у нас нет времени на пререкания, вы же видели, что я не контролирую это, а бой близко, я это почувствовала.

– Что именно ты видела?

Я обернулась на Е.Б. и внимательно на нее посмотрела, передавая ей как бы свои мысли; мой взгляд говорил больше, чем я могла бы описать словами.

– Я тебя поняла, – кивнула она в ответ.

– Что она увидела? – грубо потребовал объяснений Дмитрий.

– Пока это касается только нас.

– Что значит вас? Я ее тренер и несу ответственность за предстоящий бой, и я должен знать все, что с этим может быть связано!

– Да, это так, но сейчас я не могу сказать, что видела, это скорее более личный и семейный вопрос, а потом уже бой.

– Как это понимать?

– Как хочешь! – не выдержала Е.Б. и закричала.

– Тебе плохо? – Я обратилась к Владу, видя, что его состояние ухудшается. – Пойдем, – я взяла его за руку и повела за собой. Когда рукав моей кофты немного приподнялся, я увидела, что вся моя рука в крови, и шрамы, что остались после первого эксперимента с огнем, увеличились в несколько раз, я обернулась и одернула руку, потом коснулась шеи, она тоже вся оказалась в крови.

– Что со мной?

– Во время приступа ты сильно подвергаешься воздействию огня, и твое тело не может бороться с такой энергией. Это пройдет через пару дней, организм должен привыкнуть к новой среде, – пояснил Дима.

– Зачем ты полез в драку? – спросила я своего парня, обрабатывая раны.

– Почему ты не рассказала о... случае ночью?

– Я подумала, что тебе лучше не знать об этом.

– Почему?

– Потому что я не хотела тебя впутывать в проблемы такого рода... Это ничто по сравнению с моей силой, верно?

– Но ты переживаешь именно из-за этого, а не из-за огня. И меня это волнует. Иди ко мне, – он посадил меня к себе на колени и поцеловал в губы. Кровь еще текла, и я чувствовала ее тепло у себя на носу и во рту, но это лишь «подогревало» меня. Я взъерошила его волосы, и каждое его движение в мой адрес пробуждало во мне положительные эмоции. На Владе не было майки, он снял ее, чтобы не замарать кровью, и мою он тоже решил выкинуть. Мы были так увлечены друг другом, что я не была против того, чтобы снять пару вещей. Он не был настойчив, и я знала, что если я скажу, он перестанет. И в какой-то момент, не знаю, была ли это я или нет, но я была готова согласиться на это самое, точнее, я бы не остановилась. Он приподнял меня и усадил на стол, а сам встал; его движения становились все более резкими и уверенными, потому что он ощущал доверие и эту самую уверенность с моей стороны.

– Что тут происходит?! – раздраженно, даже опешив, не спросила, а возмутилась Е.Б.

– Это не то, что... как бы... – я пыталась оправдаться, потому что мне было жутко неловко, но, на самом деле, это выглядело глупо.

– Выйди, – попросила она. Мы вместе с Владом быстро оделись и направились к двери, но Е.Б. остановила его. – А ты, друг мой, останься.

– Е.Б., – хотела я воспротивиться, но ничего не получилось.

– Адриана, иди, – еще более грубым голосом сказала она мне.

Я неохотно вышла за дверь, но тут же прильнула к ней, слушая их разговор.

– И что это было?

– Теть Лен...

– Не надо мне тут «теткаться». Я все понимаю, ты пацан уже взрослый, и тебе хочется... сам понимаешь... но ей 14. Ты же видишь, что сейчас жизнь заставляет ее быстро повзрослеть. Не торопи ее взросление. Дай ей побыть еще девочкой, во всех смыслах этого слова.

– Сейчас она была не против.

– Ее чуть не изнасиловали, потом у нее был приступ, сразу столько факторов... так еще и ты так героически за нее вступился. Она любит тебя, и тот факт, что вы теперь вместе... Она счастлива с тобой и готова на любые глупости и твои прихоти. Но это слишком серьезный шаг, и сейчас не время.

– Ты права, тетя Лен, я просто... Да нет, не просто. Я действительно потерял голову. Рядом с ней, понимаете... да даже я не понимаю, что происходит... Я никогда не влюблялся в девушку, просто нравилась... все мои девушки были «клевыми», которых знала вся школа. И я – капитан волейбольной команды... красивые пары были, а здесь, Е.Б., я влюбился в Адриану.

Слова Влада очень тронули меня, его признание в любви, пусть хоть и не лично, но это было важно для меня. Мне нужно было доверять кому-то, знать, что не подведет, и, помимо Е.Б. с В.Б., появился он.

– Позови Адриану, она за дверью стоит.

– Теперь мне будешь читать морали? – Я зашла к ним, не дождавшись приглашения.

– Если потребуется, буду. Иди, Влад, теперь мне с твоей девушкой лично надо поговорить.

– Не надо, пожалуйста, начинать серьезный разговор о...

– Сексе, – закончила она за меня.

– Именно, – смутилась я, но держалась уверенно, – у тебя есть дочь, которой этот разговор явно пойдет на пользу.

– В каком это смысле?

– Я ничего не имею против Евы, мы не подружки и не враги, но все же, даже до меня доходят слухи о ней с Ником.

– Я и не собиралась с тобой говорить об этом... но раз уж ты начала, то давай закончим. Знаешь, почему ты не хочешь обсуждать свою личную жизнь? Потому что ты знаешь, что на такие темы, как секс, с тобой должна говорить мама, но этого не будет, потому что ты не подпускаешь никого из семьи к себе и понимаешь, что все должно быть по другому, но все так, как оно есть. Я не буду тебе «читать морали», как ты выразилась, лишь скажу: «Имей голову на плечах». Захочешь поговорить об этом – пожалуйста, я выслушаю, ты можешь приходить к нам с В.Б. по любым вопросам. Адрина, все это происходит на самом деле, не теряй эту реальность, есть грань между твоим миром и настоящим, и вот ты находишься на этой черте. А теперь давай на счет того, что ты видела. Что будем делать?

– Мы не в силах здесь помочь. Мы не можем остановить смерть. Но мы можем просто быть рядом с ним. Ему нужна будет поддержка. Но вы, Е.Б., не будете в этом участвовать. Задумайтесь, ведь так просто потерять близкого, родного человека, какая-то болезнь уничто-

жает целую семью, ломает человека; какой-то секрет может просто взять и разрушить отношения. Вы не должны выбирать между нами с В.Б. и вашей семьей. Выбор очевиден и так.

– Вовсе нет.

– Я не смею забирать мать и прекрасную, я уверена, жену. Прошло два месяца, и за это время я смогла понять, насколько дорога семья. Мы никогда не были близки с моим отцом; он всегда пил, оскорблял нас... а с мамой... она прекрасный человек и делает для меня так много, но не могу сказать, что я всегда была с ней так откровенна, как хотела бы. Но я увидела, что в таких ситуациях как моя, невозможно выжить одному, и вообще, в жизни одному быть плохо. Вы сказали мне «иметь голову на плечах», так вот, я вам советую тоже прислушаться к вашему же совету. Не принимайте поспешных решений. А Ева... она видит все это, чувствует, что вы отдаляетесь. Именно поэтому она ищет утешение в Нике. Вы не сможете жить на два фронта, да это никому и не нужно.

Глава 8

В.Б. целую неделю не объявлялся, я звонила, но он не брал трубку, как и его жена, но я набралась терпения, зная, что ему сейчас еще хуже. А мне не было плохо; наши отношения с Владом были прекрасны: он каждый день оставался со мной на тренировки, ждал и помогал, когда у меня что-то не получалось. Родителям, конечно, не нравилось, что я приходила поздно домой, так еще и вся избитая, ведь каждый раз у меня на теле появлялись новые раны и порезы. Я привыкала потихоньку к этой боли. Но меня учили быть неприступной, холодной и жесткой, а это у меня получалось плохо. Если сама сила развивалась очень стремительно, то с эмоциями выходило не так хорошо, я не умела скрывать их, но не понимала на тот момент, как это важно – не показывать слабость. А что вы от меня хотите? Я была влюблена! Нас еще не раз за неделю застукала Е.Б. наедине, но после их с Владом разговора, он даже и близко не намекал на секс. И все эти двойственные чувства не давали мне сосредоточиться на чем-то одном: я была счастлива в то время, как В.Б. страдал.

Помню, это был очень романтичный момент (их было много, но этот запомнился мне лучше всех): мы с семьей сидели за столом, завтракали рано утром (первый раз за месяц сидели вместе), и папа выглянул в окно и так приятно улыбнулся.

– Что там? – заметила это мама и спросила.

– Просто какой-то парень стоит под окном с огромным букетом роз. Кстати, похож на того, который тебя недавно до дома провожал, – обратился он ко мне.

Я встала и подошла к окну: это был Влад. Он держал огромную охапку цветов и, увидев меня, разулыбался и помахал свободной рукой. Мне было так приятно, и я, даже не задумываясь, в пижаме, растрепанная, не покрашенная, не надев куртку (хотя она мне и не нужна была, ведь огонь постоянно поддерживал во мне тепло, не давая замерзнуть), побежала вниз. Я выбежала на улицу и бросилась к нему в объятия. Он положил цветы на машину и крепко обнял, поцеловав в губы.

– Доброе утро, моя принцесса.

– С чего это такой букет потрясающий?

– Просто мы встречаемся уже больше недели, а я еще ни разу тебе не дарил цветы – неправильно это как-то.

– Спасибо, они великолепны. Пойдем в дом, а то тут холодно, – предложила я, но «скромный» парень отказался.

– Я подожду тебя здесь, а ты одевайся, и поедем в школу.

– Сегодня у меня другие планы, но теперь, если ты не откажешь мне, то у нас.

– Какие?

– В.Б. не отвечает на мои звонки, я даже не знаю, где он и как, так что поедем его искать.

– И куда?

– Посмотрим, позвони пока Е.Б. и скажи, что нас не будет сегодня.

Мы нашли В.Б. в его же квартире: он был один, обкуренный, пьяный сидел на кухне. А вокруг валялись шприцы. Я взломала дверь, потому что никто нам не открыл, но от увиденного пришла в шок. Я просто не ожидала увидеть его в таком состоянии.

– Не подходи близко, видишь, он невменяем, – схватил меня Влад, когда заметил, что я пошла прямо на кухню.

– Подожди меня на улице.

– Адрин, стой, я пойду с тобой.

– Нет, я сама, а ты лучше езжай.

– Я подожду.

Я прошла на кухню и села напротив В. Б. Его руки дрожали, он молчал, но продолжал пить водку и курить сигарету. Мы просидели в тишине пару минут, мне этого хватило, чтобы понять, что он меня не узнал.

– Влад, – позвала я своего парня, – помоги мне донести его до ванной.

Мы вместе подняли его на ноги, но он пытался сопротивляться, пока я не обожгла его.

– Зачем же ты так, мог же просто позвонить, – причитала я. Я была подавлена и даже разбита, мне было больно видеть его таким. Мы смогли растормошить его ледяной водой, он пришел в чувство, но еще ничего не соображал. Он сидел в ванной в трусах и прикрывал руками тело, недовольно ворча на холодную воду.

– Молчи уже! Еще будешь мне тут выступать. А ты, Вадь, сходи в школу и принеси раствор для капельницы. Я думаю в крови наркотиков немерное количество, как и алкоголя. Да? – Я наклонилась к своему учителю и заставила его поднять глаза, но он лишь кивнул головой.

– Давай я помогу тебе его одеть.

– Я сама, иди за раствором и принеси всего побольше.

Я с огромным трудом сумела перетащить этот тяжелый «мешок с картошкой» в зал и уложить его на диван.

– Мне так жаль, если ты слышишь меня и понимаешь, что я говорю, то я с тобой, я не брошу тебя, мы вместе пройдем через это. Я обещаю.

Я просидела с ним два дня, не отлучаясь ни на минуту, ставила капельницы, готовила, мы сидели и разговаривали, и я видела, как он оживает на глазах. Он много курил, но не пил, я следила за этим; я не давала ему долго молчать и сидеть на одном месте; мы старались находить новые темы для разговора, ему это не нравилось, но это был единственный выход. Нельзя было позволить В.Б. уйти в депрессию и спиться.

– Прошло уже три дня, пора поговорить о вашей дочери. Я понимаю, что вы не хотите начинать это, но если мы сейчас не поговорим, то вы снова вернетесь к наркотикам. Я не стала заострять на этом внимание и попросила Влада, чтобы он никому не говорил о том, в каком вы были состоянии, но я не понимаю, вы же знали, что у вас будет передозировка, вы же физик и химик, знаете дозировку... Вам хватило бы одного шприца, я видела препарат, но вы не остановились. Самоубийство?

– Хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос?

– Нет. Но я не дам тебе сдохнуть таким образом. У нас впереди бой, так что с завтрашнего дня ты выходишь на работу. Дом тебя не излечит. Смерть ребенка – это невыносимая боль, которая никогда не утихнет, но мы будем бороться, ты не сдашься, ты нужен мне, – я легла ему на колени и прикрыла глаза. За эти пару дней я так вымоталась и морально и физически, что даже сидеть уже не было сил, я буквально валилась с ног.

– Спасибо тебе большое, Адри, – сказал он и поцеловал меня в лоб, а я сделала вид, будто сплю, но невольно улыбнулась.

Мы не спешили в школу, и я очень переживала за состояние моего учителя, он был сам не свой, и я так боялась нового срыва. Я посчитала, что мне стоит остаться с ним на весь день, и В.Б. оказался не против. Как только мы вошли, все учителя налетели на нас со своими соболезнованиями, и я увидела, что на его лице был вовсе не гнев, а скорбь и слезы. Он так тщательно всегда скрывал свои истинные эмоции, даже проведя с ним эти три дня, я не видела, чтобы он плакал и жалел о чем-то, не видела я тех эмоций и чувств, которые испытывают, когда кто-то из близких умирает, а тут, когда прошло время, и он осознал, то именно печаль и сожаление я видела в нем. Его боли никто не мог разделить, но я могла просто быть рядом. Я взяла его за руку, и он посмотрел мне в глаза, кивнув головой. Мы вместе протиснулись сквозь толпу и очень быстро поднялись наверх, в кабинет физики.

– Держи себя в руках, просто, когда плохо, смотри на меня. Уйди в работу сейчас, это поможет.

– Ты думаешь?

– Стоит попробовать.

День выдался сложным, но каждый раз, когда приходил тот или иной учитель, чтобы выразить свои соболезнования, я вставала и подходила к В. Б. Это выглядело странно со стороны, но я знала, что ему нужна поддержка, я была нужна ему. Когда я увидела в дверях Е.Б., то соскочила с места и подбежала к ней.

– Не говорите, что вы пришли сочувствовать ему, – мы обнялись и прошли вглубь коридора, подальше ото всех.

– Нет, зашла просто посмотреть, здесь вы или нет. Я не видела тебя много дней, ты не объявлялась в школе, на звонки не отвечала, Влад сказал, что ты у него.

– Да, я от него ни на шаг не отходила. А телефон выключила, чтобы не мешал, ему нужна была тишина и человек, которому он мог бы открыться.

– И ты взяла эту ответственность на себя. Конечно! – Она закатила глаза и недовольно вздохнула.

– Я вам дала время подумать, а в чем в общем-то проблема?

– Мы команда. А ты даже не сказала, где он и как. А я переживала.

– Я хотела дать вам время. Чтобы вы провели его только с семьей, поняли, что не должны жертвовать главным ради нас.

– А если я хочу именно этого?

– Чего? Разрушить свою жизнь? Вы слишком дороги мне.

– Я сама приму решение. А тебя у меня в кабинете ждет сюрприз. Сходи, он тоже скучает. Я прошла мимо кабинета физики, показав В.Б., что я на пять минут отлучусь, и помчалась вниз. Я даже и не думала, что можно так сильно скучать по человеку; за время, проведенное с В.Б., я думала о нем самом и о Владе, и как бы сильно я ни старалась погрузиться в проблему моего учителя, мысли все равно наполовину были заняты дурацкой любовью.

– Моя зая, – встретил он меня с таким восторгом, – я так по тебе скучал.

– Я тоже, – мы стояли и молча обнимали друг друга, и никто нас не тревожил. – Мне надо идти к В.Б., я не могу оставлять его надолго.

– Ты не должна нянчиться с ним, ты и так три дня с ним просидела.

– У него умерла дочь.

– Да, и мне жаль, но ты не можешь постоянно быть рядом, тебе и свои проблемы надо решать.

– У меня их пока нет.

– Есть, и это предстоящий бой, а если ты продолжишь постоянно проводить время с В.Б., то и со мной у тебя появятся проблемы, – он был так груб, и мне было неприятно слышать такие слова. Его недовольство было неоправданным, как и «угрозы» в мой адрес.

– Ты хочешь, чтобы я выбрала?

– Немного не так, но, в общем-то, я хочу, чтобы ты расставила приоритеты.

– Да пошел ты... – кратко и лаконично ответила я и ушла, закрыв дверь прямо перед его носом.

– Что-то вы быстро, – отметила Е.Б., когда я встретила ее в коридоре.

– Скажи ему, что если он еще раз захочет поставить меня перед выбором, то пусть сразу катится к чертям.

– Что случилось?

– Вот у него и спроси, а я должна быть в другом месте. Именно поэтому я сейчас хочу, чтобы вы ушли, потом не придется делать этот выбор и испытывать эти ужасные чувства.

Я была уверена в своей правоте. Разве я была не права?

Я еще пару дней провела в компании учителя физики, не покидала его кабинет и видела результат моих стараний. Ему действительно становилось лучше, и это было главное на тот момент. Я не могла обхватить необъятное, поэтому решала по очереди все проблемы, иначе не справилась бы ни с чем. После восстановления В.Б. я вернулась к тренировкам, но с Владом мы так и не разговаривали, хотя я уже и не злилась сильно. Мы часто говорим то, что не думаем. Это был не тот случай, но я начала понимать его, и уже не думала, что он был так уж и не прав. Ведь за неделю, которую я провела с В.Б., я ни разу не позвонила своему парню. Ерунда, но его это задело. Я ждала его первого шага, потому что не знала, как сделать это самой.

– Е.Б., можно с вами поговорить? – зашла я к ней за советом.

– Да, давай, – она отвлеклась от работы, но меня смущали ее коллеги, так что я не спешила начинать столь деликатный разговор.

– Да, да, мы уже уходим, – проворчали другие учителя физкультуры и ушли на урок.

– Почему ты снова пропускаешь уроки? – недовольно спросила она меня.

– У меня физкультура, – я улыбнулась и таким невинным ангельским взглядом посмотрела на Е.Б.

– Понятно. Хорошо, что у тебя?

– Я не знаю, как помириться с Владом, прошло две недели, а мы так и не разговаривали после той ссоры, где я вспылела.

– Ты? Ты уже пересмотрела свои взгляды на эту ситуацию?

– Возможно, я была немного импульсивна, но он тоже был не прав.

– Не будем об этом. Знаешь, он же тоже ко мне приходил, спрашивал, сильно ли ты на него обижаешься, и как лучше прощение попросить. Он сам жалеет, что сказал тебе такое в тот день.

– Я знаю, но почему бы ему тогда не прийти и не начать первому? – Я и правда не понимала сути данного конфликта, который мог бы уже давно разрешиться, будь Влад немного снисходительнее.

– У меня к тебе тот же вопрос.

– Знаете, Е.Б., я бы еще хотела поговорить на более личную тему. Вы сказали, что я могу прийти и поговорить с вами об этом.

– О чем именно? – Она сделала вид, будто не поняла, к чему я веду.

– Вы знаете.

– Как ты хочешь, чтобы мы разговаривали, если даже не можешь сказать это слово.

– Я хочу с вами поговорить о сексе, – быстро пробормотала я.

– Так-то лучше. Только я тебе уже сказала, что сейчас еще не время, рановато для таких серьезных шагов.

– Я все помню, но хочу просто узнать кое-что, чтобы... – я замаялась, пытаюсь правильно озвучить свою мысль, – я не уверена, что справлюсь с этим боем, и хочу попробовать все. А что, если...

– А что, если нет? – спросила она. – Не надо думать о плохом. Но, если хочешь, можем поговорить. Я доверяю тебе и твоей сознательности.

– Как понять, что ты готова к этому? – задала я первый вопрос.

– Ты почувствуешь это сердцем... да, да, именно им. Ты будешь готова тогда, когда перестанешь волноваться по этому поводу, когда полностью доверишься своему партнеру. Ты поймешь, поверь. У тебя возникнет желание человека, ты просто захочешь его.

– Я даже не знаю, как вести себя в такой ситуации.

– Потому что время еще не пришло. Тебе еще только 14! Именно поэтому у тебя столько вопросов и раздумий. А ты слушай почаще свое сердце. На счет моей семьи, – она перевела тему, но я не возражала, – я смогу совмещать.

– Это ваше право, но будьте осторожной, вы погнались за двумя зайцами, как бы обоих не упустить. И спасибо. А знаете, – я уже была в проходе, но обернулась, – одну семью вы точно не потеряете. И это я про нас с В.Б.

– О, вы обе здесь, отлично, – подошел А.А. (учитель истории, который всегда относился ко мне особенно, но в хорошем смысле. Это был пожилой мужичка, низенький, лысенький, знаток истории). – Он сделал шаг вперед, прямо на меня, и мне пришлось зайти обратно в кабинет.

– Мне, наверное, лучше пойти?! – предположила я, но оказалась не права.

– Нет, даже хорошо, что ты тоже здесь. Знаете, девушки, я сначала думал не лезть в непонятно что, но меня уже как неделю ужасно мучает этот вопрос, – он присел на стул и внимательно, не сводя взгляд, смотрел на меня.

– Вы о чем? – сказала я, и мы с Е.Б. переглянулись.

– Не думаю, что это мое дело, но ты, Адриана, знаешь о моих теплых чувствах к тебе, и я постоянно даю тебе разного характера советы, как правильно построить свое будущее и все такое...

– Не вы один, – пробубнила я себе под нос.

– Да, В.Б. тоже питает к тебе чувства, которые нельзя назвать просто отношениями между ученицей и учителем.

– На что вы намекаете?

– Я ушел не в том направлении, прошу прощения. Так вот, я долго не мог понять, что именно в тебе так сильно притягивает меня...

– А.А., я не хочу грубить, но то, что вы сейчас говорите, звучит дико.

– Адриана, дослушай меня. Я видел тебя в спортивном зале. Я скажу так, я давно увидел в тебе эту магию... ты всегда была необыкновенной. Огонь, значит?! – он усмехнулся и продолжил, – я наблюдал за вами всеми и понял, что Е.Б. с В.Б. знают о тебе. Я не хотел лезть, но не могу перестать думать об этом. Я хочу быть частью вашей команды.

Я стояла в шоке, пытаюсь воспринять сказанные моим учителем истории слова.

– Я не понимаю, о чем вы, – я посмотрела на Е.Б. и помотала головой. – Даже не думай, – прошептала я ей.

– Да ладно, я же все видел.

– Значит, вы ошиблись, – я не понимала, что со мной происходит, но сердце забило так сильно, а из глаз искры вылетали; я сжала кулаки, но сдержать огонь уже не могла. Приступ гнева подобрался в самый неподходящий момент. Или наоборот? Каждая мышца моего тела содрогалась.

– Адриана! – Е.Б. спохватилась и быстро вывела меня в холл, а А.А. побежал за нами. – Держись, спокойно.

Мы остановились возле окна. Как сейчас помню, да такое и не забудешь, была суббота, детей было мало, коридоры были пустые, и на переменах никто не бегал с криками. Я краем глаза увидела человека, стоящего на улице, метрах в десяти от нас, и главным препятствием было это самое окно. Он был в капюшоне, из кармана виднелся пистолет, но я увидела это слишком поздно. Выстрел. Я не успела среагировать, хотя именно этому учил меня Дмитрий. Но я не успела. Пуля попала в ногу Е.Б., но не прошла насквозь. Их появилось больше, и они направлялись прямо ко главному входу. Я встала перед Е.Б., закрыв ее своим телом, и готовилась к драке. Я набросилась на первого мужчину, как только увидела его в проходе. Двое здоровых парней налетели на беззащитную учительницу, но Влад появился как раз вовремя. Кровь во мне закипала, и эта ярость позволяла мне так холодно и трезво смотреть на всю ситуацию, но с другой стороны, эта другая личность была кровожадна и бездушна. Их было человек десять, но нам вдвоем было сложно справиться с ними, так как нужно было еще защищать и А.А. с Е.Б. Я не боролась с огнем и этой страстью, для которой не было границ, я поддалась

пламени, и мне это понравилось. В.Б. тоже поспешил на помощь. Незнакомцы были сильны, и у каждого было оружие. Я старалась их обездвигивать, но сила все сильнее забирала из меня душу. Один из этой банды, он был самым сильным, как я поняла, встал над Е.Б. и приставил дуло пистолета ей прямо ко лбу. У меня была секунда, и у меня не оставалось другого выхода. Это должно было случиться рано или поздно, этого было не избежать. Я все время боялась того момента, когда придется перейти к радикальным мерам, но когда видишь дорогого тебе человека на волоске от смерти, когда понимаешь, что времени нет, когда осознаешь, что без него ты не справишься, то этот глупый страх пропадает, и ты готов на все, чтобы спасти его.

И нет границ между злом и добром, потому что для тебя эти понятия только что умерли. И тогда не выбираешь, как поступить, потому что знаешь, как надо. В такие моменты очень четко осознаешь, насколько важен для тебя человек. И нет ни морали, ни Бога, ничего... потому что в тот момент была она и пистолет в сантиметре от ее головы.

Я стояла далеко от нее, но адреналин зашкаливал, и жажда крови давала о себе знать. На меня накинулись двое, но я и не заметила, как отбросила их в разные стороны огненной волной. Я накинулась на человека, что стоял над Е.Б., и резким движением ноги обезоружила его; он растерялся, и я воспользовалась его смятением. Я встала к нему лицом, смотрела в его глаза и держала обеими руками его горло. Я прижала его к стенке, он глотал воздух, но я продолжала душить его. И можно было уже остановиться, но я была беспощадна, и пока его сердце не перестало биться, я не успокоилась. Зрачки налились кровью, и я не понимала, что творила. Еще оставалось двое, и с ними уже почти разобрался В.Б., но он не успел, я подожгла их, и сначала одежда, а потом и их тела воспламенились. Криков не было, потому что все произошло мгновенно.

– Нет, – закричал Влад, схватил меня и оттащил подальше. Он крепко держал меня, а я вырывалась и кричала.

А потом меня как будто током ударило; я, еще будучи монстром, видела, что раненая Е.Б. лежала где-то в углу, сжимая окровавленную ногу, В.Б. прислонился к перилам и переводил дух, держась за сердце, а о А.А. и вовсе нечего было говорить. Влад был растерян, и никто не мог двинуться дальше и как-то разрешать данную проблему. Никто не умел руководить, хоть они и были учителями, но страх в их глазах, эта паника... я чувствовала это. Мне пришлось вернуться в реальный мир, хоть мое сознание было под контролем огня, у меня не было выбора, я должна была сражаться за человека в себе. Я сопротивлялась со своим разумом, и на этот раз я смогла его одолеть.

– Я в порядке, – тихо сказала я.

– Точно?

Я посмотрела на трупы, которые лежали по коридору, и поняла, что убила их. Я не могла позволить эмоциям снова взять верх над собой, но в тот момент, когда я осознала, что убила человека... мне еще не было так плохо. И воспоминания начали возвращаться, и жуткая боль охватила все мое тело, и в душе мне хотелось умереть. Но я видела, что нужна своей команде. У меня сильно дрожали руки, и дышать было сложно; нервы и вовсе сдали, хотелось плакать, кричать, но остальным не на кого было положиться. Я подползла к Е.Б. и быстро осмотрела ее рану.

– Собрались и меня слушаем. Пуля еще внутри, надо ее достать срочно, она потеряла много крови, и уже пошло заражение. В.Б., относите ее в кабинет, Вадя, иди за обезболивающим, иглой... ты знаешь, что нужно.

– Но я не умею доставать пули.

– Значит, это сделаю я. А. А., – я посмотрела на его напуганный взгляд и попыталась растормошить, – позовите А.Б. и уберите здесь все. Прошу, я одна не разгребу, надо действовать оперативно и быстро.

Когда все разошлись, я спокойно встала с колен, но идти не могла; я не могла заставить себя сделать и шаг, меня будто сковали. Я с разворота правым кулаком ударила стену и пробила гипсокартон, потом еще один удар, но уже по окну, оно с треском расколосось, оставив пару порезов на руке. Я стояла и била стену, была не в силах остановиться, и каждый удар отдавал импульс всему телу. Меня остановила только мысль о том, что там внизу лежит Е.Б., которая может умереть. По пути я набрала номер телефона дяди, услышав гудки, я сделала еще пару глубоких вдохов, чтобы не было слышно моего надрывного голоса.

– Женя, ты нужен мне.

– Адриана? Что случилось?

– Можешь приехать?

– Я на работе, давай наберу твоей маме или отцу.

– Нет, Женя, это важно. Прошу, ты очень нужен мне. Пожалуйста, приезжай, – умоляла я его.

– Я буду через 40 минут, – ответил он и положил трубку.

Я спустилась и спокойно зашла в кабинет.

– Все готово? – я увидела, что Е.Б. положили на стол, рядом лежали препараты, шприцы, иголка и медицинские нитки.

– Ты справишься? – спросил В.Б.

– А кто-то умеет доставать пулю и зашивать? – Я не дождалась ответа и, помыв руки, приступила к работе. – В.Б., идите на второй этаж и помогите А.А. с А.Б.

– Я не нужен здесь?

– Если я прошу, значит, так надо, выполняй мои поручения.

Я разорвала штаны Е.Б. и промыла рану, вколов ей предварительно обезболивающего.

– Как думаешь, она глубоко? – спросила я у Влада. Я прощупала место, где остался след от пули, проверяя, нет ли перелома.

– Нет, судя по ране, то где-то возле кости, – предположил он.

– И как достать?

– Резать.

Я взяла скальпель в руку и сделала большой надрез; кровь хлынула ручьем, но Влад быстро сориентировался. Е.Б. не издавала ни звука, чтобы не мешать и не сбивать меня. Казалось, что я знаю, что делаю, но, по сути, я абсолютно не ведала, что творила. Я никогда не хотела быть врачом, не имела дела с медициной и боялась нести ответственность за жизнь человека. Я жутко волновалась, но руки не тряслись, и я контролировала каждый свой шаг, каждый вздох, каждую секунду... Когда я нащупала пулю, то надо было решить, что делать теперь.

– Я могу вытащить ее пальцами?

– Это опасно, но у тебя нет времени на то, чтобы вытаскивать руку, потом щипцами снова находить пулю, тем более, ты можешь ее случайно сдвинуть. Так что действуй сейчас.

Е.Б. лежала в полубморочном состоянии, но дышала, что меня обнадеживало.

– Вы только держитесь, я все сделаю, только будьте с нами, – говорила я ей, а сама готова была упасть от ужаса.

Я достаточно быстро доделала все: зашила рану, снова обработала ее, перевязала ногу и плюхнулась на стул.

– Это было потрясающе.

– Не говори ничего.

– Она жива только благодаря тебе, Адрин.

– Из-за меня она сейчас здесь лежит.

– Все хорошо, – я услышала слабый голос Е.Б. и почувствовала тепло ее рук, когда она прикоснулась ко мне. – Спасибо, я знаю, как тебе было страшно делать это.

– Молчите, вы потеряли слишком много крови, вам нельзя напрягаться.

– И что сейчас делаем? – спросил Влад, составляя план.

– Сейчас приедет мой дядя и отвезет нас в частный дом. Бабушка уехала, и там пусто, так что у нас будет время продумать дальнейшие действия. Тем более, Е.Б. надо капельницу поставить, привести ее в чувства... Нам нужно время.

– Как ты? – Он хотел положить руку мне на плечо, но я отошла, не дав прикоснуться.

– Все нормально, – соврала я.

– Я про убийство.

Я не успела ответить, увидела знакомую машину дяди и побежала ему навстречу.

– Что стряслось? – обеспокоенный, запыхавшийся, он схватил меня за руки.

– Я все объясню позже, тебе придется просто послушать меня. Я не знаю, как буду объясняться, – я показала на окно, в котором были видны Е.Б. и Влад, – просто отвези нас в Бага-нашыл. Мне не к кому больше обратиться и некуда идти.

– Что с ней?

– Не сейчас. Давай быстрее уедем, – поторопила я Женю. Мы положили ее на задние сидения, и я примостилась рядом. В.Б. сел впереди, а Влад поместился в багажнике.

– Тебе придется все рассказать.

– Я понимаю. И спасибо.

– Пока не за что.

Сделав дома самодельную капельницу, я уложила Е.Б. на диван, и она быстро уснула. Женя сидел с моим парнем на кухне, а учитель физики курил на улице. Я вышла к нему, и мы закурили вместе.

– Держись? – спросил он.

– С трудом.

– Что будем дальше делать?

– Ждать.

– Кого или чего? – В.Б. выкинул бычок в снег, а я вытащила из пачки еще одну сигарету.

– Мне нужно время, хотя бы чуть-чуть. Просто чтобы прийти в себя и начать мыслить трезво. Мы не можем ничего сейчас сделать, а я не могу ничего предпринимать в данный момент, – я почувствовала вибрацию в кармане и, вытащив телефон, увидела входящий от мамы.

– Где ты?

– Я не приду.

– Как так?

– У меня дела, мам.

– То есть, проблемы. Верно?

– Да, но я все решу, обещаю.

– Он выгонит тебя из дома, если ты сегодня не приедешь.

– Я заеду за вещами завтра, – холодно и неприступно ответила я и положила трубку, но вот ощущение было такое, будто меня предали. Я потеряла самое главное, что у меня было, и в этом виновата была исключительно я сама.

– Что случилось? – увидев мое побледневшее лицо, забеспокоился В.Б.

– Просто родной отец вышвырнул меня из дома, но никто не заступился. Почему? – сорвалась я. – Почему я стараюсь делать все правильно, не причинять никому боль, бороться за нас всех, а они даже не пытаются понять меня? Почему я спасаю жизнь человеку, стою здесь и думаю, как все разрешить, чтобы никто не пострадал, а он выгоняет меня? Им не понять меня, я и не прошу этого, но они должны меня любить, ведь они мои родители, они должны принимать и терпеть меня, а не выкидывать, – я кричала во весь голос и ломала сухие ветки, поджигая их и кидая во все стороны. – Почему только я должна сражаться за семью? Ведь я защищаю их, я так боюсь все потерять. Я делала все последние два месяца, чтобы сохранить

нашу семью, но они сами вычеркнули меня из нее, – я «рвала и метала», кричала и ломала все, что попадалось мне под руку.

– Остановите ее кто-нибудь? – Женя выбежал на улицу, вытаращив глаза, непонимающе смотря на В.Б., который просто стоял на крыльце, глядя на весь беспорядок со спокойным выражением лица.

– Не нужно, – перегородил он дорогу дяде. – У нее сильнейший эмоциональный всплеск: черт побери, она сегодня убила человека, защищая Е. Б. Жень, я знаю, что тяжело это принять, но не делай поспешных выводов. У нее не было другого выбора, правда... не было. Она поступила абсолютно правильно и знает об этом, и не жалеет о содеянном, но внутри ее еще долго будет грызть мысль о том, что она убийца. Ей сейчас тяжело, времена наступили нелегкие, и постарайся не осуждать Адриану. Если она обратилась к тебе за помощью, значит, доверяет тебе, а это многого стоит, поверь уж мне.

– И что же дальше?

– Добро пожаловать в команду, – В.Б. улыбнулся и пожал руку дяде.

Глава 9

Я проснулась на мягкой кровати, рядом лежал Владя, дремал, а рука его слегка приобнимала меня. Я посмотрела на часы; видимо, я проспала пару часов. Силы так и не вернулись, я была разбита и утомлена, и так сильно кололо сердце, оно билось очень медленно, но я смогла справиться и быстро привыкнуть к такому состоянию. Я шла, шатаюсь, держалась за стенку; первый раз в жизни я чувствовала полную пустоту в душе. Я присела на диван, где лежал Е.Б.; она открыла глаза, как только поняла, что кто-то появился рядом.

– Разбудила?

– Нет, Адри, – она взяла меня за руку, и я помогла ей привстать.

– Как нога?

– Лучше, я думаю. Я не буду спрашивать о твоём самочувствии, вижу, как тебе плохо. Но я так благодарна тебе за то, что ты спасла мне жизнь, – Е.Б. заплакала, и я обняла ее.

– А как иначе? Я даже не задумывалась. О таком не размышляют, такие решения не обсуждаются, за такое не надо благодарить.

– Я постараюсь оправдать твоё доверие.

– Не надо. Вы просто не бросайте меня. Я не справлюсь одна. Я знаю, что прошу о многом, но, умоляю, только не уходите, – я еще крепче ухватилась за своего учителя.

– Все будет хорошо. Мы же вместе и, значит, справимся со всеми трудностями.

Я сделала перевязку, нога выглядела неплохо, и через пару дней Е.Б. могла бы уже ходить. Я зашла на кухню, В.Б. пил в одиночку виски.

– Примешь еще одного? – спросила я, беря стакан.

– Конечно, – он налил мне грамм 200, и я залпом выпила все содержимое стакана.

– Твой план – напиться?

– Мне кажется, это твой план, – пошутил он.

– Где Женя?

– Уснул в спальне. Я рассказал ему про тебя.

– Хорошо. И как он отреагировал?

– Все будет хорошо. Что с Е.Б.? Она сможет сражаться?

– Если мы переживем эту ночь, то боя не будет.

– Это как? – Мы оба выпили еще по стакану, и я продолжила свою мысль. – Если они не нападут в ближайшие два дня, то у нас будет время для подготовки. И я думаю, что оно у нас будет. Сегодня всю ночь будем дежурить, завтра тоже. А потом будет видно. Как только Е.Б. более-менее восстановится, начнем тренировки. А сейчас иди спать, я подежурю первая. Заберешь с собой бутылку?

– Тебе, я думаю, это нужнее.

С того момента, как я изменилась, я стала ненавидеть оставаться наедине с собой, потому что мысли и эмоции захлестывали меня, вгоняли в транс, из которого я не хотела выходить, но именно с того дня я стала все чаще проводить время одна.

– Почему ты здесь одна? – спросил Влад, зевая, до конца еще не проснувшись. Я вздрогнула от неожиданности; он вытащил меня из очередной моей бредовой мысли.

– Я отправила В.Б. спать. Но нужно, чтобы кто-то остался.

– Теперь это буду я.

– Нет, я не пойду спать, не могу. Я закрываю глаза и вижу перед собой себя же всю в крови, а рядом гора трупов, – я села на колени к своему парню и поцеловала его в нос. – Ты же хочешь этого, – я расстегнула пару пуговиц на его рубашке.

– Ты пьяна.

– Значит, я мыслю более адекватно.

– Как это понимать? – Он сильно сжал меня в своих объятиях, не давая мне и пошевеливаться.

– Ты понял. Мне так плохо, – я вырвалась из его хватки и, поддавшись вперед, прижалась к Владу. Наши губы соприкоснулись, и я была более чем настойчива.

– Нет. Мы не будем делать этого. Пойми, я люблю тебя и не собираюсь «пользоваться случаем».

Я пожалала плечами и, ничего не сказав, вышла на улицу, взяв с собой бутылку, в которой оставалось совсем немного виски, буквально на пару глотков. Я села на заснеженную, промерзлую скамейку и посмотрела на небо: звезд не было видно, и все было таким черным, неприятно темным. Я кинула бутылку в кирпичную стену, и она вдребезги разбилась. Удобно пристроившись на деревянном стуле, сон быстро забрал меня в свою чарующую страну.

Вот только сны эти не всегда сказочные и прекрасные, как все говорят, не всегда мы видим то, о чем мечтаем, порой смерть и хаос несет в себе обычный сон. И порождает он этот хаос в тебе самом. И когда теряешь связь с реальным миром, то почти невозможно вернуться назад, ведь ты уверен, что настоящее перед тобой. Показывает ли сон будущее? Не думаю. Это всего лишь наша интуиция, которая имеет место быть в нашем сознании. Где-то глубоко мы знаем свое будущее, только добраться до этой глубины с помощью науки и исследований нельзя. Мы все всегда усложняем, я это не раз еще скажу, и мы привыкли к сложностям, а когда нет этих преград, то мы запинаемся и падаем, потому что видим обман и подвох там, где его нет.

И порой мы не в силах сами выйти из сна, потому он бывает настолько жизненным, настолько сильным и властным. Вот и в этот раз я сама бы не выкарабкалась. Я открыла глаза, а надо мной стоял Влад, вспотевший и исцарапанный, глаза были широко раскрыты, и он не мог отдышаться.

– Что с тобой? – спросила я, еще толком не понимая, что случилось, и где я.

– Со мной? Адриана, что с тобой? Я вышел на улицу минут через 15, чтобы извещать... объяснять... А ты... ты горела и плакала и... – он перевел дыхание и продолжил. – Я хотел подойти к тебе, но вокруг было такое мощное «поле», меня отбросило в сторону, – он показал на шершавую стену дома и на царапины. – Ты вся дергалась и что-то повторяла. Нет, не что-то, ты говорила: «Я же не убийца». Теперь я понимаю, что с тобой творится. Я до этого момента вообще не хотел думать о том, кто ты и что можешь делать... что сделала, а сейчас я вижу, что ты сильно переживаешь из-за того убийства. Но я хочу сказать, как бы ты ни менялась, что бы ни происходило, мы не позволим тебе потерять себя. Я только сейчас понял, как сложно тебе приходится, раньше просто не хотел это признавать.

– Обними меня, это все, что мне сейчас нужно, прошу, просто сядь рядом и обними.

Мы так до самого рассвета просидели вдвоем; его объятие, его присутствие стали для меня спасением, но я осознавала, что все эти чувства и эмоции будут лишь мешать мне, и что сила такого рода и ответственность, возложенная на мою личность, требуют полной отдачи. Но в тот момент я об этом не думала; я просто сидела, он крепко прижимал меня к себе и согревал своим теплом, я слышала, как бьется его сердце, и мне было лучше... правда лучше.

– Ох... вы что тут делаете? – испугался Женя от неожиданности, выйдя на крыльцо. – Вы тут всю ночь просидели?

– Нет, часа три, наверное... – ответила я и растормошила задремавшего Влада.

– Итак, Адрин, какой план? – потягиваясь, спросил дядя.

– Поезжай на работу, Е.Б. останется тут с кем-нибудь, думаю, с тобой, Вадь. А мы с В.Б. поедem в школу. Надо с А.А. и А.Б. поговорить и... Надо собирать людей для битвы. Я знаю о рисках и все такое, но вчетвером нам не выстоять.

– Вчетвером? А кто из нас выбыл?

– Женя, я не допущу тебя до войны. У тебя семья... дети... Я попросила твоей помощи, но это не значит, что ты в нашей команде, тебе это не надо. Ты не должен...

– Но я здесь, и я теперь пойду до конца.

– Поговорим потом, надо ехать. Влад, сделай перевязку Е.Б., когда она проснется.

Глава 10

Мы с В.Б. доехали до школы, но не перемолвились и словом. Напряжение между нами все росло, а виной тому было его молчание и мое недопонимание сути конфликта.

– Не надо меня осуждать, – остановилась я у ворот и заставила В.Б. обратить на себя внимание, – думаете, я не вижу, как ваше отношение ко мне поменялось. Думаете, я поступила неправильно? Я должна была так сделать, у меня не было другого выхода.

– Ты это сейчас мне говоришь или себе пытаешься что-то доказать?

– Так почему же вы со мной не разговариваете? Я правда не понимаю ничего, и эта накаленная атмосфера сильно меня раздражает, – отчаянно заявила я.

– А что ты ждешь от меня, что я должен сказать? Что все будет хорошо? Успокаивать тебя должен? Поддерживать? У тебя для этого вон полный дом! А я не собираюсь выслушивать твои жалобы, потому что нам в тысячу раз тяжелее. Ты уже приняла свою силу, так сказать, смирилась, но мы нет, и нам безумно сложно адаптироваться к новой жизни, так что перестань себя жалеть, и начнем бороться. Я не осуждаю тебя и никогда не буду; ты знаешь, что делаешь, и я верю в тебя, но тебе нельзя раскисать, потому что ты нужна людям! – Его речь была вроде бы и упрекающая, но вдохновляющая, он умел сказать так, что было непонятно, хорошо ли он о тебе отзывается или наоборот.

– Ты прав, я дала слабину в самом начале.

– Я слышал ваш разговор с Евгением.

– Так вот в чем дело... В.Б., пойми, я не имела в виду, что готова отправить вас на смерть, и я сделаю все для вашей же безопасности, и вчера я это доказала, что я за вас горой, но он...

– Семья...

– Я... – я не знала, что сказать, потому что и сама не была уверена в ответе.

– Он – семья по крови. Все правильно, так и должно быть. – Он пожал плечами и ускорил свой шаг, быстро оторвавшись от меня.

– В.Б., – окликнула я его, но учитель физики уже скрылся в коридоре.

Когда я поднималась наверх к А.Б., я встретила Еву; заметив меня, она подошла и, схватив за руку, мы отошли в сторону.

– Где моя мама?

– Ева, я все объясню.

– Не нужно мне твоих оправданий! – закричала она еще сильнее, сжав мою кисть.

– А мне твоих истерик.

– Что? – опешила она. – Да как ты смеешь? Мало того, что моя мама больше общается с тобой, и постоянно вы проводите время вместе, так теперь она и домой не приходит. Что за хрень? Что здесь творится? Почему она перестала быть частью нашей семьи, ужинать, ездить в магазины по выходным? Почему все свое время, будь оно свободным или нет, она проводит в твоей компании?! – Как бы искренне и жалостливо ни говорила Ева, я не видела ее настоящих эмоций, мне сложно было прочесть то, что она чувствовала, и, возможно, это было связано именно с ее взлетом в карьере модели. Этот весь пафос и наигранность затмевали в ней ее настоящий облик, и когда человек быстро становится знаменитым, то звездная болезнь одерживает верх, и это абсолютно нормально, такова сущность человека, тем более подростка.

– Именно эти вопросы ты и должна задать себе. Я понимаю, на что ты злишься, и это вполне оправдано, и я порой упрекаю себя в том, что забираю у тебя мать, но я не принимала за нее решение, и она старается, правда старается, и очень сильно.

– Так почему же она должна стараться? Между чем и чем ей приходится делать выбор и почему? – В тот момент, буквально на секунду, я увидела в Еве неуверенность и непонимание.

– Тебе не стоит лезть в это. Прояви чуть больше терпения и понимания по отношению к своей матери. Ей нелегко, постарайся как-то войти в ее положение.

– Только не надо мне тут советы раздавать! Ты ей никто.

Знаете, эти слова меня вывели из себя, я взбесилась и ответила сгоряча: «Так почему же она тогда выбирает нас, а не тебя?» Я сразу пожалела о сказанном, но слов уже было не вернуть.

– Прости, – опомнилась я.

– Просто скажи, где она.

– У меня, но ей нужно еще пару дней.

– Для чего?

– Я не могу сказать.

– Понятно, ну и ладно. Я устала от этих игр.

– Они только начались.

– Мне плевать.

– Слишком рано ты сдаешься, – чуть ли не кричала я дочке своей учительницы, потому что она уже ушла достаточно далеко от меня, но в ответ я лишь увидела средний палец.

Я не успела сделать и пары шагов, как услышала чей-то явно гневный голос, выкрикивающий мое имя. Я обернулась и увидела Л.Л.

– Стоять! Почему ты опять не в школьной форме, тебя не было на уроках утром, я знаю, лично заходила и проверяла, – догнав меня, она поставила руки в боки и сделала недовольный вид, ожидая какого-нибудь вразумительного и убедительного от меня ответа.

– Проверяли лично? А вы что, теперь моя собака, что ходите по пятам? – Я не знаю, что именно у меня было в голове на тот момент, и почему я так сказала, но мысль о том, что лучше было бы промолчать, пришла уже после. Мне показалось, что ее глаза так выпучились, что чуть из орбит не повыскакивали.

– Все, достаточно, пошли к директору, я уже не знаю, что с тобой делать.

– Снова ты? – зайдя в свой кабинет, вздохнула директриса. – Что на этот раз? – Она подошла ко мне поближе и учуяла запах перегара. – И в свободной форме! Опять прогуливаем? Адриана, вот скажи мне, пожалуйста, что с тобой происходит? Ты же была примерной девочкой, золотцем, я знаю прекрасно твою бабушку, тебя с детства самого, но то, что творится сейчас – ну ни в какие ворота!

– Мы можем поговорить наедине? – спросила я.

– Хорошо, Л.Л., можете выйти. Я все же не тиран, я действительно хочу разобраться в неприятно сложившейся ситуации. Рассказывай, – она придвинула свой стул ко мне и посмотрела мне в глаза, чтобы читать мои эмоции, смотреть, не лгу ли я. – Только давай начистоту. На самом деле, я должна была давно тебя из школы вышвырнуть, но я не делаю этого, а ты с каждым разом ведешь себя все наглее, не оставляя мне выбора! Адриана, у меня терпение кончается, так что будь осторожней.

– Я не смогу объяснить всего, и я понимаю вас, порой меня тошнит от самой себя, но у нас возникла проблема, причем очень серьезная, и мне нужно ваше содействие. Вы же знаете меня и понимаете, что каждый мой поступок преследует цель и имеет причину. Это покажется дикостью, но вам придется поверить мне на слово. Будет битва, самый, что ни на есть настоящий серьезный бой, и мне нужны бойцы. Я знаю, как это звучит... и что вы думаете обо мне, но это правда. Время есть, но его мало, – я видела недоверие и пренебрежение в ее выражении лица, именно такого ответа я и ожидала, но нужно было как-то убедить директора в правдивости моих слов.

– И ты думаешь, я тебе поверю? Адриана, кажется, это так плохо на тебя влияют алкоголь и сигареты. Я лишь хочу помочь, и не надо мне тут придумывать байки, ведь я не поведусь на них, я уже столько лет работаю с детьми, вижу их насквозь.

– Байки? Seriously? Вашу ж мать! – Я нервно засмеялась и отвернулась. – Как же меня достало то, что я не могу открыть людям глаза на правду! Байки? Да вчера в вашей же школе была стрельба, и Е.Б. чуть не погибла, если бы не я... Приближается серьезный бой, а все мне тут мозги..., простите за выражение. Я делаю все, чтобы оградить людей от опасности, я... Да за эти пару месяцев у меня вся жизнь вверх дном перевернулась, я с семьей разругалась, ушла из дома, у меня на глазах чуть Е.Б. не убили, а вы вместе с Евой и В.Б. строите из себя таких несчастных, что он, что дочь ее, а вы и вовсе слушать меня не хотите! Знаете что, тогда ответственность за смерти детей будете нести вы, если никто не делает так, как я говорю, раз вы все такие умные, то разгребайте сами! Как вы все, люди, не поймете, что мы либо вместе, либо вы погибните, мы все сейчас в одной лодке, пусть даже и по моей вине. Просто вы вроде взрослые, а совсем не видите ни людей, ни мир, только говорите. Я о многом прошу? Да нет, мне нужно, чтобы меня послушали, я же не против вас, я стараюсь, но вы не цените ничего. Пожалуйста! Я и так лишилась семьи. – Я встала, швырнула стул и открыла дверь, за которой стоял В.Б., А.А. и А.Б. – Ну и хорошо, повторяться не придется.

– Да постой же ты, – потянула меня за рукав учитель математики, – мы так это не оставим.

– Адриана не лжет, – вдруг громко сказал В.Б. и через пару шагов оказался возле стола директора. – Мы вчера чуть не потеряли учителя физкультуры. Эта девочка – единственная, кто может нас спасти. Это странно: стрельба, бой, смерть, я вижу, вас это пугает, и правильно, войны нужно бояться, но если мы сейчас не дадим отпор, то начнется именно война, а пока можно обойтись малым. Но нужны люди, бойцы, кто угодно. Доверьтесь нам.

– Или?

– У вас нет выбора, – сказал А.А. и пожал плечами.

– Хорошо, собирайте актовый зал, пусть говорит свою речь, я сделаю все, что от меня зависит, – «сломаюсь» директор.

– Этого мало, – сказал он тихо.

– Сейчас созываем? – спросила директор и потянулась к телефону.

– Нет, надо все обдумать и поговорить с Адрианой, – В.Б. толкнул А.Б., убрав ее со своего пути, и вышел в коридор.

– Да что ж опять-то? Ты же сам пришел заступаться за меня. Остановись и нормально поговори со мной или будешь убежать? Тебе тяжело? А мне нет? Каково мне, ты не подумал? Почему же ты такой двуличный? То я заменяю тебе дочь, ты плачешь и раскисаешься, веришь мне, то ты ведешь себя, как последняя сволочь. Сколько можно? Выбери уже, доверяешь ли ты мне или нет.

А.Б. с А.А. стояли позади меня, я чувствовала их напряженное дыхание и учащенное сердцебиение.

– Ты для себя реши, кто ты такой, – не останавливалась я.

– Ты и меня заставляешь делать выбор?! Хм.

– А между чем ты выбираешь? Ты имеешь в виду Е.Б.? Да, я ставлю ей такие условия, но лишь потому, что понимаю, что со всем она не в силах справиться. У нее полноценная семья, и ей нужно еще сто раз подумать перед тем, как выносить вердикт. С ней все по-другому. И я знаю, как больно и ужасно делать выбор между семьей и еще кем-либо. Как раз тебе уже нечего терять. Хотя... есть... меня.

– Ты осознанно хочешь отправить детей на смерть, – крикнул он мне, когда я уже была у главного выхода.

– Думаешь? Предлагай другие варианты. Полагаешь, я не знаю?! Но с каждым днем это ощущение приближения битвы усиливается, и я не в силах это остановить, поэтому я буду бороться, но я не справлюсь одна. Будут жертвы, знаю, но без них никак, войну по-другому не выиграть.

– Это лишь битва, не война.

– Это начало войны, и нам от нее не сбежать. Вы вот сейчас втроем стоите передо мной и смотрите, слушаете, чувствуете себя частью чего-то большего, чем просто роль обычного учителя. А я каждый божий день корю себя за то, что втянула вас в эту жизнь, каждый день я просыпаюсь с виной и засыпаю с ней же. И я не в силах побороть это чувство, и оно гложет меня изнутри, я опустошаюсь. И Е.Б. вчера... Еще и вы начинаете свой характер и недовольства показывать. Я, черт побери, уже не знаю, что делать и как вас понимать, ни тебя, ни Еву, я не могу решить все и сразу. Просто сделайте этот выбор. Да, я прошу вас выбрать. Либо вы со мной, но тогда не нужно меня упрекать и осуждать, либо вы уходите, и тогда делайте это прямо сейчас. Завтра в 8 в актовом зале, кто придет – добро пожаловать в нашу семью, кто нет – вы сделали свой выбор, и он, скорее всего, верный.

– Адриана, – окликнул меня В.Б.

– Нет, не надо снова принимать поспешные решения, обдумай все как следует.

– Я могу ночевать с вами?

– Мой дом – ваш дом.

Я часто слышу: «Ты поступаешь бездумно». Это слово постоянно режет мне слух. Что значит бездумно? Неосознанно? Нет, вовсе нет. Просто порой мы уверены в том или ином действии, но если задуматься, то оно безумно и неправильно, но это если задуматься. А может, и не стоит сидеть часами, выбирая верное решение, которое удовлетворит каждого?! Ведь такого нет. И да, пусть все говорят, что это глупо, и лучше лишний раз подумать и только потом сделать, но я не согласна. Есть ситуации, в которых нужно делать все бездумно, потому что мысли об этом и принятие действительности может лишь усугубить ситуацию. Бездумно – это не то, как мы себе представляем, это не спонтанно, мозг не делает ничего просто так, и каждый наш шаг контролируется; есть моменты, в которых мы не сомневаемся или боимся сомневаться... Но зачем лишний раз мучить себя? Для чего создавать еще испытания? Делать надо так, как решил с самого начала, не менять ход мыслей, не задумываться о правильности поступка... Порой нужно доверять самому себе, слушать свой внутренний голос.

– Адриана, – догнал меня В.Б., он бежал без куртки, в одной рубашке, а на улице шел снег, но его это не остановило. – Ты хотела поговорить, я готов. Я и правда виноват перед тобой: тебе сейчас тяжелее всех нас, а мы еще и огонь в масло подливаем. Я просто запутался, но знаю одно – тебе надо пойти на мировую с родителями. Ты же и так все показала тем разговором с дядей. И это правильно, правда, я понимаю, что так и должно быть... – Он потер ладони и чихнул, а я, видя, что В.Б. совсем продрог, прикоснулась к его руке и равномерно дала тепло, распространив его по всему его телу.

– А если я не хочу мириться?

– Ты должна. Ты сказала, что мне нечего терять... а тебе есть что, и ты еще можешь побороться за семью, и это будет верным решением.

– Я не только это сказала.

– Я знаю, и это важно – последние твои слова. Адрин, я сделаю все, чтобы не потерять тебя, я стану, кем угодно, я буду меняться ради тебя... Но у тебя есть семья, и ее нельзя вычеркивать. Ты потом жалеть будешь. Попытайся.

Я никогда не видела в нем столько эмоций, чаще всего В.Б. был неадекватным, юморным мужчинкой, явно с проблемами с алкоголем и головой, и сложно было определить, кто он из всех тех личностей, что он нам показывал, но тогда, стоя посреди школьного двора, когда огромные хлопья снега с ветром засыпали нас, я увидела в нем эмоции – настоящие и глубокие.

– Не важно, как сложится потом, но надо ценить то, что мы имеем сейчас, я понимаю смысл этих слов лучше всех.

– Я... мне надо обдумать все.

– Только недолго, время пролетит, оглянуться не успеешь, потом поздно может быть.

– Вернуться в семью никогда не поздно, – сказала я, пытаюсь заглушить дикий шум ветра, – вы же понимаете, о чем я.

И вот здесь нужно было бы поступить как раз бездумно, потому что такие вещи очевидны, но если бы я так и сделала, то точно не вернулась бы домой. Меня не тянуло туда, но я жутко скучала по маме, и почувствовала я это после разговора с В.Б., он вообще всегда влиял на меня, его жизненные уроки и советы... Я прислушивалась к мнению своего учителя, но для того, чтобы дойти до истины его слов, приходилось долго убирать всю эту красивую «мишуру», и в самом конце скрывалось словечко, которое и несло весь смысл. Я представляла, как тяжело жилось его семье с таким человеком, ведь мой отец был очень похож на В.Б. по характеру, темпераменту, но они отличались тем, что учитель физики знал, что говорил, был умен и понимал меня, уважал, а вот с отцом у нас никогда не было взаимоуважения.

Наши с ним отношения не всегда были такими плохими, просто однажды, когда я чуть повзрослела, я увидела его без «розовых очков», вспомнила кое-что из детства... Рано или поздно травмы детства напоминают нам о реальности просто для того, чтобы мы не питались иллюзиями. Но тяжело воспринимать правду, понимать, кто на самом деле человек, каков он... Я не скажу, что он плохой, нет... тут другое. Он всегда был таким, просто с возрастом менялась я, и теперь очень сложно восстановить контакт, который был обрезан еще в далеком детстве, и все это время все лишь делали вид, что все нормально, а теперь и я вижу правду, а поменять боюсь... боюсь новых разочарований и боли. И каждый раз, приходя домой и смотря на часы, я понимаю, что не хочу, чтобы наступал вечер, ведь тогда придет он. Не всегда... Но в те моменты, когда мы ссоримся, я вижу его натуру, я понимаю, какова реальность, и каждый раз повторяю себе: «Это последний раз, когда он так со мной разговаривает», а потом все повторяется. А я каждый раз стою перед ним, мы кричим и ненавидим друг друга, по крайней мере, я. И он знает, что ему нельзя пить, что он быстро пьянеет и теряет над собой контроль, но пьет и пьет, и его не волнует то, что будет потом, а скандал неизбежен. Когда он трезвый, то учит меня, как правильно жить и поступать, а потом выпивает и наступает на одни и те же грабли, противореча самому себе. Твердит, что любит, а потом называет сукой, шалавой и дрянью. А я ему могу ответить, и я делаю это, я не молчу, я не умею... И это лишь заводит меня. И я потом бегу в свою комнату, вновь бью несчастную стенку, разбивая руки в кровь, кричу и плачу... И он ни разу не извинился за свои слова и поступки. На утро он делает вид, будто ничего не было, а мы все подыгрываем. Но в душе-то остается этот рубец. И я повторяю себе, что закончу это безобразие, но вот духу не хватает. И сейчас я понимаю, что простить уже не смогу. Нет, я не прощу его. И сколько бы добрых поступков он ни совершил, это ничего не меняет, ведь он останется прежним. А он и не хочет меняться или менять ситуацию. А всего лишь можно было сказать «прости». Одно слово, шесть букв. Но я никогда такого не дождусь.

Я никому не рассказывала этого, потому что слишком личное, а тут поделилась, и не с Е.Б., а с В. Б. И, кажется, стало легче, просто потому, что кто-то теперь знает.

– М-да, он у тебя тот еще козел.

– Да. Поэтому...

– Я перебую тебя, хочу сказать, что я совершил много ошибок в жизни относительно дочери, и очень виноват перед ней. И она была права, когда не дала мне еще один шанс. Я не знаю, что случилось в детстве, но ты сильнее всего этого, попробуй дать ему еще один шанс.

– Но он не изменится.

– А попробуй ты...

– Почему я должна?

– Потому что так будет правильно, послушай престарелого мужчину, потерявшего дочь. Покажи своему отцу, что даешь ему еще одну попытку, иди первая на перемирие, переступи через гордость, ничего, не сломаешься.

– Я подумаю над твоими словами, – я подошла вплотную и обхватила В.Б. руками, прижав к себе так крепко, как только могла. Почему то мне захотелось таких объятий. Я привязалась к нему с Е.Б. так быстро и сильно, что уже и не представляла другой жизни. Они и правда начинали заменять мне родителей, и я не хотела мешать этому процессу.

– Я не люблю нежностей, это уже чересчур, – пробурчал он.

– Да ладно тебе, не сломаешься.

– Ах, так?! – В.Б. наклонился и слепил небольшой снежок, который кинул потом в меня, попав прямо в лицо. Дети, которые стояли у окон и на улице, следили за нами и хохотали, а те, кто постарше и знали учителя физики, то дивились, что такой человек играет в снежки и смеется.

Вот такую семью я и хотела, любящую, понимающую, когда все в гармонии друг с другом, когда есть уважение и забота, когда есть желание жить вместе и делать близких счастливее. Примитивно и «ванильно» сказано, но ведь оно так и есть. Семья – это не слово, которым принято называть людей общего рода, это понятие, которое соединяет людей, общих по духу.

– Тебе пора, Влад уже наверняка заждался.

– Да, ты прав, – я отряхнула снег со своей курточки и продолжила, – я только у Е.Б. в кабинете забыла забрать папку, которую она просила.

– Последняя время ты стала такой рассеянной, – отметил В.Б. и пошел вместе со мной в школу.

Проходя мимо спортивного зала, я остановилась на секунду посмотреть на игру пятиклассников в баскетбол, на скамейке сидели болельщики постарше: народу было достаточно. Я любила баскетбол, и смотреть на эту игру тоже нравилось, а эти нелепые движения маленьких детей забавляли меня, доводя порой до смеха. Они бегают толпой за мячом, кричат и пытаются отобрать его... разве не забавно?! Я заметила мальчика, что стоял у кольца и ждал, пока ему дадут пас, но в какой-то момент он отвлекся, и мяч со всей силы ударил ему в горло, этот бедняга даже упал от такого удара. Я сразу поняла, что что-то не так, потому что мальчишка не встал, он лежал, пытался дышать, но не мог, он издавал глухие стоны, держась за горло. Учителя физкультуры тут же подбежали к нему, остановив игру, остальные тоже подошли поближе.

– Что с ним? – закричала девочка, что сидела в болельщиках. Это была его старшая сестра.

Взрослые попытались оказать первую помощь, но никто не понимал, что с ним.

– За медсестрой бегите, – скомандовал один из учителей.

Я, даже не медля, сбросила с себя куртку и побежала к мальчику.

– Отойдите все, – заорала я.

– Адриана, что ты делаешь? – не понимая, что происходит, в панике говорил учитель.

– Спасая его, – я прощупала горло и приподняла голову мальчика.

– Медсестры нет, – забежала в зал запыхавшаяся девочка.

– Несите трубку какую-нибудь, полотенце, – поторопила я ближайшего ко мне человека.

– Что ты собираешься делать?

– Скорую вызывайте, – проигнорировав вопрос, продолжала я, – я думаю, верхняя щитовидная артерия...

– Что?

– Кровь... он кровью своей захлебывается, – пояснила я.

Мальчик лежал почти без сознания, но еще дышал.

– Все, уйдите, сейчас будет много крови, уведите детей.

– Я останусь, – вышла вперед его сестра.

– Как хочешь. Кто-нибудь, держите его шею.

В.Б. сразу отреагировал на мои слова и сел рядом.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Я тоже надеюсь.

Мне подали небольшую трубочку, похожую на ручку, и полотенце. Я мысленно представила, где находится эта артерия, и где могла скопиться кровь, и резко воткнула трубку в горло ребенка. Но кровь не сразу пошла, пришлось втянуть ее в себя. Она выплескивалась на пол и на меня, ее было слишком много.

– Боже, почему он теряет столько крови? – плача говорила сестра.

Мальчик смог вдохнуть немного воздуха, и мы все с облегчением выдохнули.

– Нет, рано, тут что-то не так, – засомневалась я и еще раз ощупала шею, чтобы почувствовать каждую косточку, а в голове сразу представила строение шеи. – Вот, я нашла. Один из шейных позвонков смещен. Думаю, третий. Надо вправить, иначе он умрет, если пережмется сонная артерия или еще какая-то.

– Но как? Смотри, кровь все идет.

– В. Б. Я не могу вытащить трубку, потому что надо будет сразу зажать отверстие, а если так, то вправить я не смогу.

– Как ты вправлять собираешься? Это шея, одно неверное движение, и он калека или что хуже...

– Да? А если мы этого не сделаем, то скорая уже не успеет. Верь мне.

– Говори, что делать, – уверенно сказал В.Б.

– Смещение совсем небольшое, я думаю, если я посильнее и поглубже трубку воткну, то все получится. Как только скажу, сильно зажимай полотенцем.

– Хорошо.

Я сжала трубку в руке и дала себе пару секунд, чтобы «почувствовать» тело мальчика, а потом потянула на себя ее и резко воткнула обратно; услышав звук кости, видимо, встающей на место, я кивнула В.Б. и вытянула трубку, а он резко зажал горло тряпкой, не давая крови течь.

– Вот и скорая! – закричал кто-то.

Двое мужчин в медицинских формах зашли в зал. Они осмотрели мальчика, который теперь мог дышать, и даже был в сознании. Когда еще двое фельдшеров унесли ученика на носилках, врач подошел к нашему учителю физкультуры и сказал: «Ваша медсестра молодец, она не растерялась и сделала все правильно, хотя случай был очень сложный».

– А причем тут медсестра? – возразил учитель. – Вот кто спас мальчика, – он показал на меня и подозвал к себе.

– Она? – недоверчиво посмотрел на меня доктор.

– Да.

– Тогда это вам огромное спасибо, и я скажу, что далеко не каждый квалифицированный работник сферы медицины смог бы справиться с этим и спасти этого пацана. Откуда вы знаете, что делать в таких случаях?

– Знаю и все, разве важно, откуда?

– И правда, мальчик спасен, все остальное потом. Вы сохранили ему жизнь. И если в таком юном возрасте у вас уже такие познания в медицине и умения, то, что же будет через 10 лет? Я очень надеюсь увидеть это, – он пожал мне руку и еще раз поблагодарил.

Выйдя из зала в коридор, я взглянула на себя в зеркале и увидела, что вся моя рубашка в крови, как и лицо, руки...

– Ты молодец, – сказал В.Б.

– Ага. Но было страшно. Я же могла убить его...

– Не спасти.

– Неважно, результат один.

– Вот именно, он жив и здоров благодаря тебе.

– Да, это так и есть. Просто я порой беру на себя такую большую ответственность, не думая о последствиях. И вообще, мне нужно переодеться.

– Ты злишься, – спросила я учителя физики, когда мы шли домой.

– Я просто не понимаю тебя, твоих эмоций. Ты сегодня стала героем для многих, ты сделала такое, на что не каждый осмелится, ты, не задумываясь, побежала на помощь, сегодня ты показала свою истинную натуру, несмотря на то, что ты изменилась, и в тебе появилась другая личность, ты осталась собой, и ты доказала это своим поступком. Но ты не довольна собой. В чем причина?

– Просто я начинаю слишком много думать. На самом деле, я горжусь собой, честно, пусть маленький, но подвиг... Я накручиваю себя.

– Перестань изводить себя. Для меня ты герой.

Дома нас ждал приятный сюрприз – вкусный ужин в приятной компании Е.Б., Влада и Жени. Они только накрывали на стол, но запах жареных крылышек донесся до меня еще с порога. Я услышала смех и заглянула на кухню. Е.Б. стояла у духовки, следила, чтобы ничего не подгорело, Женя ел соленые огурцы из банки, которые мариновала бабушка, а Влад расставлял тарелки и стаканы.

– В честь чего праздничный ужин? – улыбаясь, спросила я. Я вся искрилась, мне так нравилось видеть их всех вместе, радостных и беззаботных.

– Нам тут В.Б. недавно звонил... – проговорила Е.Б. – Мы и решили накрыть стол. А почему вообще такой ужин должен быть в честь чего-то, лично я часто раньше так делала для семьи.

– Мне очень приятно, правда, спасибо, – я обняла ее и немного даже смутилась, улыбувшись еще шире.

– Я думал, ты будешь злиться, что я рассказал, – стоя в углу, буркнул учитель физики.

– Нет, вовсе нет... Мне нравится ваша забота и вера в меня, это важно для нас всех. Я рада, что вы рядом, что мы вместе. Как твоя нога? – перевела я тему, ведь мне уже нечего было добавить.

– Лучше, уже хожу, чуть-чуть еще болит, но обезболивающего хватает на весь день.

– Ну что, давайте за стол, – пригласил всех Владя и хлопнул в ладоши. – Садимся.

Все было великолепно, по-домашнему просто и уютно, ничего и никого больше не надо было, все были на своих местах, ничего лишнего; это и был тот идеал, которого все добиваются. А для меня идеал в простом: просто ужин с любимыми людьми, пусть даже и так, когда на нас могли в любой момент напасть. Все равно, в такие моменты ничего не имеет смысла, кроме настоящего. После того, как все покушали, мы с Владом вышли на улицу покурить, но я забыла зажигалку и зашла в дом. В.Б., Е.Б. и Женя о чем-то спорили. Я приоткрыла дверь и услышала их разговор.

– Перестань так делать, – говорил В.Б.

– О чем это ты? – недоуменно спросила Е.Б.

– Я хотел как раз сегодня с тобой поговорить об этом. И Женя сможет посмотреть на эту ситуацию со стороны родственника.

– Да о чем ты вообще?

– Мы должны подтолкнуть Адриану к тому, чтобы она вернулась в семью. Мы не можем лишать ее родителей. Она и так много потеряла, а ей всего 14, – голос В.Б. был таким твердым и в какой-то степени грубым, он смотрел ей прямо в глаза, будто бы не моргая.

– Ты хоть знаешь, почему она ушла?

– Да, теперь знаю, Адрия мне все рассказала про отца, но она должна вернуться. Каким бы плохим он ни был...

– Ты так говоришь, потому что сам был не очень-то хорошим родителем, – выкрикнула Е.Б.

Эти слова, я уверена, сильно задела учителя физики, я и сама не поверила своим ушам.

– А ты, значит, считаешь себя хорошей матерью? – вступил он в спор, не теряя над собой контроль. Он оставался спокоен и уравновешен, но я не была уверена в его адекватности. – Да, отлично, бросила мужа и дочь, а меня тут учишь, как жить и сохранить семью. Не надо... Не нуждаюсь в твоих советах.

– Сейчас разговор не о вас, – не выдержал дядя, и, наконец, прекратил эту ругань. – Что будет лучше для Адрианы?! Вот что должно нас беспокоить. Я считаю, что ей и правда лучше вернуться к родителям. Мама ее очень переживает, сегодня только с ней говорил. Отец, да, это проблема, и он не станет относиться лучше к ней или менять свою жизнь, чтобы наладить отношения с дочерью, но я вам скажу, так будет лучше, если она будет жить дома, а не у бабушки или у учителей.

– Да, Е.Б., они правы, – прошла я на кухню и решила сама вынести вердикт себе же. – Я сегодня с Евой разговаривала, ну как разговаривала, я пыталась, но она не стала меня слушать. Она сказала много чего и во всем оказалась права. И скажу, что вам тоже нужно вернуться к ним. Муж и дочь ждут вас. Я не говорю, что мы теперь не семья или команда, нет, просто пора вернуть все на свои места. Бой будет совсем скоро, и вы мне нужны, но не только мне. Мы живем двумя жизнями теперь, и у нас получится. Завтра я собираю всех старшеклассников и среднюю параллель, а вечером поеду домой, как и вы. И так будет правильно, – я притворно улыбнулась и кивнула головой, но было видно, что каждое мое движение и мимика – это двуличие и обман.

– Знаешь, Адри, – обратилась ко мне Е.Б., – ты можешь говорить все, что угодно, но я вижу твою улыбку, когда ты с нами, когда мы с тобой просто разговариваем, сидим и пьем чай, даже когда я тебя ругаю, я вижу в тебе это спокойствие, желание быть с нами, ты просидела с В.Б. три дня, вытаскивая его из депрессии, ты каждую свободную минуту тратишь на нас и делаешь это с удовольствием, и я видела твои слезы, когда ты приходила в школу из дома, и нежелание идти обратно. У тебя хорошие родители, они прекрасно тебя воспитали, но себя не обманешь, да и меня тоже. Я вижу тебя насквозь, я чувствую все то, что чувствуешь ты. Я сделаю так, как вы сказали, я не против, но вы все лжете самим себе и друг другу, никто из нас не хочет возвращаться в семью. Ну, кроме Жени. Я про нас троих. Так что...

– Да, – согласилась я с ней и думала так же. Слова Е. Б. были как всегда верны, но это не было в ее стиле; она всегда была мягкой, ласковой, могла прикрикнуть, но такого тона и поведения я не наблюдала за ней. – Но есть определенные рамки и границы, за которые пока мы не можем заступить.

– И ты говоришь мне о морали? Адрин, я тебя не узнаю, ты же всегда первая за то, чтобы разрушить любые препятствия, чтобы быть собой.

– Нас не поймут. Вы, Е.Б., настолько хорошо знаете меня и мои чувства, понимаете меня с полуслова, я хотела бы чувствовать то же самое и к собственной маме, и хотя я ею очень сильно дорожу, но между нами никогда не будет той связи, что есть у нас, но я тысячу раз говорила вам и не буду повторяться. Е.Б., просто это не тот случай, где мы можем руководствоваться нашими желаниями. Моя б воля, я бы не переступила порог дома, потому что там мне не место, я стараюсь казаться послушной девочкой, примерной ученицей, не разочаровывать маму... Я играю роль, которая не предназначена для меня. А за стенами квартиры я курю, пью и еще спасаю людей иногда, дерусь и получаю по заслугам. Пф... Это две параллельные жизни, но они мои, не ваши. Знаете, эти три месяца меня так вымотали, что я... ну не хочу я сопротивляться тому, чего не могу изменить. Устала бороться с вами и с самой собой, не хочу, – я пожалала плечами и, не сказав больше ни слова, вышла на улицу, где Влад уже успел замерзнуть, ожидая меня.

- М-да, быстро ты сходила.
- Прости, – я встала к нему ближе, и он приобнял меня, поцеловав в щеку.
- Моя ты зайка.
- Думаешь, завтра все пройдет успешно?
- Не сомневаюсь. Пойдем-ка спать, завтра тяжелый день.
- Вместе? Спать вместе?
- Могу лечь в другой комнате.
- Нет, останься со мной.

Глава 11

Я все утро по дороге в школу думала о том, как начать разговор, что именно сказать, чтобы убедить их пойти за мной. Но слова не строились в предложения, а мысли не могли собраться в кучу.

– И какой план? – поинтересовалась Е.Б.

– Пока все идем на уроки, а там посмотрим. Соберем зал позже, когда все уже проснутся и будут готовы внимательно слушать.

– Волнуешься? – спросил Влад и поднялся ко мне на сцену, чтобы не кричать через весь зал.

Дети и учителя потихоньку заполняли помещение, и нам пришлось сесть вместе с ними, чтобы не привлекать лишнего внимания. Я так и не придумала, что говорить, но надеялась на то, что слова сами придут в голову, я хотела говорить искренне, без листочков или подсказок, фальшь была ни к чему. Когда все места были заняты, директор взяла микрофон и решила сказать первое слово сама.

– Дорогие ребята, я собрала вас здесь не просто так. Вы заметили, что здесь нет младших классов и начала среднего звена, только взрослые люди, и сейчас мы к вам обращаемся как ко взрослым и сознательным личностям, которые смогут правильно воспринять информацию и взвесить все «за» и «против». Вопрос на повестке дня очень серьезный, и я прошу вас проявить терпение и понимание, – она закончила говорить и посмотрела на меня, кивнув головой в сторону сцены, хотя сама и стояла внизу. Директриса протянула мне микрофон и села на мое место.

– Давай! – поддержал меня мой парень.

Я оглядела весь актовый зал, и несмотря на то, что классов было не так уж и много, не было и места, чтобы встать, кто-то даже толпился в коридоре, заглядывая периодически внутрь.

– Уф, – я поднялась на сцену, крепко сжав микрофон в руке, – так волнуюсь, дрожь пробирает, честно. Пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы донести до вас свои мысли, просьбу скорее, да вот не уверена, как лучше начать. Знаете, жизнь порой подкидывает нам трудности, через которые в одиночку нам не пройти. Для этого и нужны друзья, семья, мама с папой – чтобы помогли в трудную минуту преодолеть все преграды. Я понимаю, как глупо прозвучат мои слова, ведь сейчас люди многое утратили, не только веру друг в друга, но и веру в волшебство. Да, да, оно самое. Взрослые считают себя умнее нас, подростков, где-то это так и есть, но мы лучше их, ведь мы еще не до конца утратили эту нить с чудом. Порой мы верим в него, а родители пытаются это объяснить как-то логически, и в итоге сами же оказываются обманутыми. Я пару месяцев назад столкнулась с магией, с самым настоящим волшебством, которое, к сожалению, принесло очень много проблем, с которыми я одна не справляюсь. Поэтому вы и здесь. Я не могу рассказать вам всего, но прошу поверить. Скоро будет битва, настоящий бой, в котором многие погибнут. И я не знаю, что делать и к кому еще обратиться, если не к вам. Вы нужны сейчас не только мне, но и другим: детям, что учатся здесь, ведь те люди, что идут сюда, не пощадят никого. Мы все играем в войнушки, не вдумываясь, что такое может быть на самом деле, но вот сейчас все по-настоящему. Я могу вас всех подготовить, дело лишь в том, готовы ли вы сражаться друг за друга, за меня. Мы смотрим фильмы про героев, становимся ими в видеоиграх, но все это так далеко от реальности. Я о многом прошу, знаю, но без вас я проиграю, а значит, проиграем мы все. Я не буду никого заставлять, но прошу подумать. Это отчаянный поступок, на который решатся далеко не все, но те, кто пойдет за мной, могут гордиться собой и знать, что прожили уже не зря. Возраст? К чёрту

рамки и границы, нам наплевать, 30 или 14, дело в отваге и долге перед самим собой, чтобы потом не стыдно было ходить по земле.

– Мы с тобой, – крикнул мой друг сзади, и весь ряд, состоящий из моих ребят, встал, там же был и Влад.

– Да бред это какой-то, – послышалось из зала.

– А я пойду за тобой, – услышала я знакомый голос: это была сестра мальчика, которого я вчера спасла. – Мой брат был на волоске от смерти, мог умереть в любую минуту, но именно Адриана вытащила его с того света, и я теперь пойду за ней куда угодно. Я верю ей.

Еще несколько десятков детей поднялись со своих мест.

– Не все выживут, но я сделаю все, чтобы не дать вам умереть, – закончила я. Почти все поддержали меня, даже учителя; оставались еще те, кто не был уверен в правдивости моих слов, но таких было мало.

– Завтра после уроков собираемся в спортивном зале. Начнем тренировки, и еще раз повторю, потому что это очень важно, чтобы никто не узнал об этом. И спасибо, что поверили мне на слово, я постараюсь вас не подвести.

– Мы все знаем друг друга очень давно, мы ведь учимся в одной школе, а значит, не чужие люди, и ты была очень убедительна, – сказала мне одна девочка, которую я никогда и не видела прежде. – Мы, подростки, любим приключения, так что давай, покажи класс.

– Это было круто, – подошел ко мне потом Влад, сев на маленький стул возле пианино. – Умеешь? – показал он на инструмент.

– Немного. А ты?

– Когда-то учился, но, скорее всего, все навыки уже подрастерял. Может, попробуем? – Он открыл крышку и проверил звук старого пианино. – Слышишь? Какой чистый и звучный... Давно я не играл. Садись, в четыре руки сыграем.

Я не училась играть или петь, танцевать, и не считала я себя никогда творческим человеком, но чувствовала с детства привязанность к музыке, я выражала так себя, потом позабыла детские забавы, но прошло не так уж и много лет, и в тот момент, когда ты понимаешь, что эмоции, чувства тебя захлестывают, когда ты на грани нервного срыва, то ты начинаешь искать способ, чтобы выплеснуть все то, что накопилось, и вот тогда музыка снова пришла в мою жизнь. Это была обычная мелодия, а я добавляла к ней разные звуки, чтобы сделать музыку интересней.

– У тебя отлично получается! – заметил мой парень. – Хочешь? – Он отодвинулся и уступил мне место, видя мое желание спеть и сыграть.

Я сделала пару попыток, пытаясь вспомнить мелодию песни, и на третий раз мне удалось правильно начать, а дальше музыка будто сама играла за меня, я даже и не задумывалась, просто играла.

Песня меня поглотила, и я забыла обо всем, я ушла в себя.

Мой милый, нет больше силы!¹

Ох, вот бы ты меня спрятал!

Раньше я никогда не пела, точнее, дома – одна, я и не считала, что у меня хороший голос и есть слух, но в тот момент, когда я исполняла песню, все изменилось. Я пела и чувствовала себя легкой и свободной, пальцы били по клавишам, и прекрасная мелодия лилась, и все нервы, приступы гнева и депрессии отступили. И мне было так хорошо.

Нет правды у меня, нет и веры,

¹ Песня Шуры Кузнецовой- Молчи и обнимай меня крепче

И время меня ест, а не лечит.

Я никогда не думала, что музыка может так влиять на человека. Но те ощущения, что я испытывала, мурашки, что бежали по моему телу... это волшебю.

*Мой милый, ты запри двери!
Молчи и обнимай меня крепче!*

За три минуты я пережила снова кое-какие моменты своей жизни, важные моменты, которые оставили след в жизни, которые не забываются.

– Ого, это было невероятно. – Влад сидел буквально с открытым ртом, он опустил руки вниз и недоуменно смотрел на меня. – Ты пела так чисто, ты была такой настоящей и безумно красивой.

– Оказывается, ты поешь.

В.Б. стоял в конце зала и хлопал в ладоши.

– Я должен отметить, это было здорово. У тебя талант, моя девочка. Я проникнулся, правда, молодец.

– Я не ожидал.

– Я тоже, – усмехнулась я.

– Откуда такой голос?

– Без понятия, у нас в семье особенно никто и не поет и не пел.

– А зачем вообще об этом думать. Спасибо тебе за такое исполнение. Уже вечерет, – заметил В.Б., намекая на то, что мне пора домой.

– Я помню, Женя сейчас приедет с моими вещами и отвезет меня к родителям. Не переживай, мы же договаривались.

Глава 12

– Ты уверена? – спросил меня дядя, когда мы стояли у подъезда.
– Нет, я просто должна это сделать, иначе они оба загубят свои жизни, а у них есть шанс, так пусть я их и подтолкну воспользоваться им.

– Я поднимусь с тобой.

– Это не обязательно.

– Отец дома, – он взглянул на машину, что стояла под окнами.

– Да, тогда так будет лучше.

Я дрожащими руками вставила ключ в замок и прокрутила два раза влево.

– Ты только держи себя в руках, – дядя взял меня за руку и потянул немного назад.

– Я поняла. Я... постараюсь.

Я переступила порог дома и поставила сумку на пол. Кроссовки отца стояли на коврик, и он, услышав звук открывающейся двери, вышел из зала. Я разулась и прошла чуть вперед, Женя остался на входе, не заходя внутрь. Папа ехидно усмехнулся и оскалился.

– Привет, – сказала я.

– Ну что, самостоятельная жизнь оказалась не такой уж и хорошей. Ну конечно, ты же ничего не умеешь сама делать: ни готовить, ни убираться...

– Не надо, – перебила его я, пытаюсь избежать нового скандала.

– Ты же никому не нужна. На что ты рассчитывала? Что твои друзья тебя примут? Смешно. Тебя даже твои родственники не смогли стерпеть.

– Прекрати, брат, – влез Женя, пройдя ко мне. Я стояла спокойно, но внутри все бушевало, злость копилась и подкатывалась все ближе.

– Да ты и здесь никому не нужна, – не прекращал отец. – Сука, дешевка.

Я швырнула сумку ему в ноги и сделала пару шагов навстречу.

– Слушай меня, – говорила я это тихо и прямо ему в лицо, – думаешь, я буду это терпеть?! Не надейся, что сможешь продолжать свои издевательства надо мной. Я пришла сюда только потому, что так надо было, не ради тебя, ты для меня никто, полное ничтожество, но вот матери я нужна. Я смогу ответить, и мне ничего не будет. Что бы ты ни сделал, я никогда не смогу простить тебя, хотя, я уверена, тебе и не нужно это, только вот ты один в итоге, потому что это ты никому не нужен. Но сейчас я здесь, и тебе придется вести себя нормально и не причинять нам с мамой неудобств.

– Дрянь, вот ты дрянь, – он замахнулся на меня, но Женя вовремя подскочил.

– Даже не смей, – сквозь зубы проговорил он.

– Смелая стала! Ненадолго.

Я подняла голову, и холодный мой взгляд пронзил отца.

– Ты ничего мне не сделаешь.

– Пошла вон! – крикнул отец.

– Нет, не имеешь права.

– Ничтожество.

– Я бы не разбрасывалась оскорблениями, – я встала на носочки и продолжила разговор, шепча ему на ухо. – Ты проиграешь. Так что веди себя хорошо, иначе... Мы все знаем, что у тебя есть проблемы с алкоголем, да и не только с ним, так что не думаю, что ты хочешь проблем, а я не боюсь, готова создать их на пустом месте. 1:0, – я похлопала его по спине и поцеловала в щеку. – Радуйся, папка, дочка вернулась.

Это была победа, пусть и маленькая, но для меня это было что-то грандиозное. Его лицо – этот гнев и страх, осознание того, что кто-то дал ему отпор, проигрыш...

– Ты молодец, это было смело, – сказал Женя.

– Знал бы ты, как я волновалась: сердце, думала, остановится. Но я смогла.

– Ты же понимаешь, что этот «мир» ненадолго?!

– Конечно, просто мне нужно время. Нет... не мне... им. В.Б. и Е. Б. Им нужно это время, чтобы понять, что в жизни для них важнее.

Было странно снова видеть за одним столом всех вместе и ужинать вот так. Да, я ушла из дома всего на пару дней, но мы давно не проводили семейные ужины без ругани, спокойно. Я видела смирение и покорность в глазах отца, потому что он знал, мне хватит духу сделать то, о чем я говорила. А мама, она была рада снова видеть меня, она была счастлива, хоть я и не знала, почему. Она мило улыбалась, и ее взгляд был таким искренним и ярким. Хотя мы все и притворялись, и все это была лишь игра в нормальную семью, но маме этого было достаточно. Пусть так, но у нас была семья, похожая на обычную семью, и так должно было быть. Мы разговаривали и смеялись, смотрели передачу вместе и обсуждали ее, но меня тошнило от этого притворства, от того, что столько лет мы ведем эту игру, и каждый раз начинаем сначала. Но я снова вживалась в роль и делала все, чтобы не разочаровать родного мне человека, потому что видела в ней снова жизнь.

– Спасибо, что вернулась, – сказала она мне, когда все покушали, и отец ушел спать, а мы остались убирать со стола.

– Так было правильно.

– Я знаю. Поэтому и говорю.

– Мам, скажи мне, почему ты так рада видеть нас вместе? Ведь ты же все понимаешь.

– Ты же сказала, что так правильно, – повторила она мои слова, но вот от себя ничего не добавила.

– Ты же видела, как я страдала, так почему же не ограждаешь сейчас от боли?

– Ты стала сильнее, и только ты можешь прекратить это. Сегодня за ужином я увидела, как сильно ты можешь повлиять на отца.

– Ты не знаешь, что я ему сказала.

– Процесс не важен, главное – результат.

Я смогла вновь влиться в эту колею обмана и лести, но меня, как всегда, спасала школа: уроки, друзья, парень, тренировки, это все отвлекало от безысходности, которая ожидала меня дома.

Поначалу было сложно скоординировать подростков, убедить бороться, атаковать, бить и убивать – это, как минимум, неправильно, но необходимо. Никто из них и представить себе не мог, на что согласился, но мне не было их жалко, потому что я знала, что предстоит, я осознавала последствия и понимала важность этих детей в битве. И они привыкали, оттачивали свое мастерство, уже с самой первой минуты разбивались на пары и дрались друг с другом, их это заводило, для них это было не так серьезно, как должно было бы, но так было им же легче – не осознавать всю важность и опасность; им нравился процесс, просто проводить время в такой компании и атмосфере, быть кем-то большим, частью чего-то большего... И за две недели мы с Е.Б. и В.Б. смогли подготовить ребят к бою, и у нас оставалось еще время.

Каждый день, просыпаясь, я чувствовала себя все сильнее и мощнее, огонь забирал все больше меня, я становилась кем-то другим, но не боялась трансформации. Я, да и не только я, многие видели эти изменения во мне, в характере: я теперь не была такой эмоциональной, как раньше, я становилась холоднее и жестче, строже и суровее, но мы хотели думать, что это лишь из-за приближающегося боя. Но и Е.Б., и В.Б. понимали, что это не так, что просто огонь сильнее меня прежней.

В такие моменты, когда вся ситуация и жизненная колея очень нестабильна и находится на грани провала, очень важно иметь что-то или кого-то, в чем или ком ты можешь быть уверенным. И у меня помимо Е.Б. и В.Б. был Влад, который здорово меня поддерживал, в ком

я видела свет и держалась крепко за него, потому что он вцепился в меня, меня прежнюю, не отпускал ту милую и ранимую Адриану, видел во мне человека, доброго и «чистого». И именно из-за него я не чувствовала себя погано и мерзко, часть меня жила только потому, что Влад был рядом. И вот когда этот самый «свет» погасает, то наступает темнота, а за ней следует хаос, потому что в темноте мы почти что бессильны. Не думала, что в 14 лет может вообще быть какая-либо любовь, но я ошиблась. Именно в такой период она и бывает и ранит потом сильнее всего, будучи взрослыми, мы не так сильно подвержены любви и чувствам, как в подростковом возрасте. И когда тебя предают, то мир, кажется, разрушился, и для меня он тоже упал, и я сама провалилась вместе с ним в бездну, откуда не было выхода, откуда только другая любовь может вытащить. Чувства – такая роскошь! И чепуха, и боль, и нелепость, и глупость... Я верила ему больше, чем себе, была уверена в его любви ко мне. Любовь меняет нас, но только после того, как показала свою обратную сторону. Так что же случилось с нами? Ведь я даже познакомила его с мамой, мы тогда поужинали, и все прошло замечательно; я даже и представить себе не могла, что он сможет так поступить со мной.

В тот день мы оба вспыхнули утром, но ссорой это нельзя было назвать, просто небольшое разногласие. И я готова была даже извиниться первой, потому что была действительно груба с ним, но он не дал мне шанса исправить свою же ошибку. Что бы там ни было, он не должен был делать так. Человек, если любит, никогда не изменит, так говорят. Ах, да мне было всего 14 лет, что вы вообще от меня хотите? Друг Влада шел тогда по коридору и сказал мне, что он в спортзале, вот я туда и пошла, чтобы извиниться. В самом зале его не было, и я заглянула в тренажерную комнату, а он был там. Вот только не один, с Евой. Я сначала не разглядела, кто там сидит на нем спиной к двери, но по волосам и маленькой татуировке в виде алмаза все поняла. На лопатке дочка Е.Б. недавно набила тату, но мать не знала об этом, конечно же. Дверь-то была открыта, я лишь подошла и увидели их вдвоем. Она была почти голая, а он без рубашки. В душе вроде были какие-то смешанные чувства, неразбериха какая-то, а вот потом резкая боль прямо в сердце. Я была предана тем, от кого вообще не ожидала такой подлости. Влад так страстно целовал Еву в губы, шею, что даже не заметил меня. Я отошла в сторону и прислонилась к стене. Тут как раз зашла Е.Б. и увидела меня, сидевшую на полу и царапающую паркет ногтями. Я смотрела в одну точку, пытаюсь забыть увиденное, а пальцы нервно отдирали куски пола, ногти трескались от сильного напряжения, но мне было все равно.

– Что с тобой?

Я промолчала, а она заглянула в каморку, где были ее дочь с моим парнем. Секунд пять она стояла в проходе, пока кто-то из влюбленных не заметил ее. Е. Б. повернулась ко мне и закрыла лицо руками от стыда.

– Да как вы могли! – сказала она. – Одевайтесь и идите вон!

Через минуту выскочила Ева, она глянула на меня, ухмыльнулась и уже спокойным и размеренным шагом вышла из спортивного зала. За ней поспешил Влад, но, увидев меня, остановился.

– Ты все видела? – задал он риторический вопрос. – Адрин... – Он наклонился ко мне и хотел прикоснуться, но я встала и ушла, ничего не сказав.

Я, не задумываясь, просто машинально пошла на уроки, у нас как раз должна была быть физика. Я зашла в кабинет, села на место, вела себя как ни в чем не бывало, что все нормально, В.Б. вызвал меня к доске, я решила ему задачу, у меня в голове будто что-то перемкнуло, и я перестала чувствовать что-либо.

– Что-то случилось? – спросил учитель, когда я стояла у доски.

– Нет, с чего ты взял?

– Что-то случилось! Я же вижу.

– Тебе показалось.

Е.Б. вломилась к нам уже под конец урока.

– Можно Адриану на пару слов? Это очень важно... для нее.

– Конечно, – не возражал В.Б.

– У меня урок, и нам объясняют новую тему, я подойду к вам на перемене, – ровным тоном ответила я.

– Нет, сейчас.

Я не сдвинулась с места, и Е.Б. прошла тогда в подсобку, а В.Б. за ней. До звонка они пробыли там, а вышел учитель физики с красным от злости лицом и посиневшими венами на висках.

– Сейчас что-то будет! – сказала мне подруга.

– Вышли все живо! – заорал В.Б. во все горло. Я осталась сидеть на месте, а все вылетели, как пуля, из класса.

– Я так понимаю, ко мне это не относится.

– Я его так уважал, а он... – негодовал В.Б. – Я сломаю каждую кость в его теле.

– Не надо, – спокойно сказала я.

– Что?

– Не надо ничего вырывать или ломать. Оставь все это.

– Я не позволю ему остаться безнаказанным, я ему жизнь испорчу, он у меня рыдать будет, – не унимался учитель, придумывая все более изощренные методы наказания. – И твоя дочь, как мне теперь с ней общаться, пусть даже и на уроках? – обратился он к Е.Б., когда она вышла к нам.

– Вот с ней я сама разберусь, ей мало не покажется.

– Да перестаньте вы уже... Что вы этим добьетесь? Только больнее мне сделаете. Вы не исправите ситуации, никак не поможете, что сделано, то сделано. Вы сейчас пытаетесь придумать решение не той проблемы. Я справлюсь, я же сильная.

– Мне безумно стыдно за мою дочь, но тебе не станет лучше, если ты просто уйдешь в себя.

– Не нужно стыдиться. Дело не в этом. Если бы были чувства, то было бы не так обидно, но Ева сделала это лишь для того, чтобы отомстить и сделать мне неприятно. Я забрала у нее мать, так она считает. Око за око.

– Мне жаль. Я не уследила за ней.

– У нас скоро бой, и мне некогда думать об отношениях.

После измены Влада я окончательно поменялась, и та малая часть, что была Адрианой, и что жила в моем сердце благодаря любви, умерла. Это была новая я, только вот больше, чем человек. Я должна была страдать, жалеть себя, говорить, какой он козел, но всего этого не было, я просто стала бездушной тварью, для которой чувства впредь были под запретом. А это ведь ужасно – человек без души. Доверие – это то, на чем я строила отношения с людьми, и без него не было ничего, что связывало бы меня с реальным миром, у меня желание быть собой отпало. Я поддалась стихии, я стала огнем, неподвластным и жестоким. Просто я устала страдать от эмоций и чувств, и этим все сказано. Почему вообще 14-летний ребенок должен страдать? Но на все эти изменения повлиял не только Влад, но и много других факторов, я просто забежала чуть вперед.

Что насчет отца – так я ненадолго смогла приструнить его. В тот же день, когда Влад мне изменил, отец вновь напился и устроил скандал. Это было последней каплей для того, чтобы быть уверенной, что день не задался. Я вновь стояла на кухне, и мы орали матами друг на друга, снова он побил всю посуду, а потом вновь я избивала стену до тех пор, пока не перестала чувствовать свою руку. Я до последнего верила, что смогу изменить его, пусть и таким образом, но заставлю его относиться к себе более или менее уважительно, пусть даже и не любить, нет... просто терпеть. *Но люди не меняются, особенно если нет желания стремиться к лучшему.* Я просто была не нужна ему, ему, по сути, никто не нужен был, но я сражалась до последнего

за нас. И в тот вечер я осознала, что у меня не осталось сил на борьбу с отцом, что я хочу сдаться, потому что мне стало все равно на него. Раньше, когда мы ссорились, мне было жалко его, я каждый раз закрывала на все глаза и прощала, я не могла не разговаривать с ним, ведь он мой отец, но сейчас все дошло до того, что все мои чувства к нему пропали, он стал чужим, никем для меня, и меня абсолютно не волновало, как он, что с ним будет... Он перестал быть для меня частью семьи. И меня накрыло.

Просто представьте, мои дорогие читатели, родной отец стал никем.

Я села на стул и замолчала. Больше ни одного ругательного слова не вылетело из моего рта; я с облегчением выдохнула.

– Все, перестань. Больше тебе меня не ранить, потому что нет ни чувств, ничего... абсолютно... вот я смотрю на тебя, и ничего: ни гнева, ни любви, как будто просто прохожий, – я улыбнулась и засмеялась.

– Ты больная, – сказал он.

– Ты меня сделал такой.

Я сидела в ванной после сложного дня и думала о произошедшем. Такие дни, а точнее ситуации, накладывают определенный отпечаток на сознание человека, вот и тогда я не понимала, что со мной. Мой мозг продолжал биться за человечность и разум, а вот тело было так измождено, что даже ледяная вода никак не могла оживить меня. Насколько все было запущено?! Я держала в руке лезвие и аккуратно водила им по второй руке, так, чтобы не поцарапаться, а потом резко воткнула его в запястье, где было сухожилие. Оно сразу порвалось, судя по звуку, и кровь потекла в холодную воду. Я согнула руку в локте, и пламя остановило кровь. И я снова и снова резала себе вены, не давая им заживать, я хотела почувствовать хоть что-то, пусть даже очередную боль, но нет... ни-че-го. Инстинкт самосохранения не работал. Я достала из кармана джинсов пачку сигарет и закурила одну. Весь дым я собирала рукой, чтобы он не уходил в вентиляцию и не распространялся по всему подъезду. Я затушила сигарету об колено и погрузилась под воду: там я слышала свои мысли. Я не дышала, но мне этого и не требовалось. В тот момент я чувствовала себя мертвой, и я могла выбраться из этого состояния самостоятельно, это не была депрессия, я просто не хотела ничего делать с этим, меня все устраивало. Меня не пугало желание умереть, потому что я могла прекратить и изменить свое отношение к этому в любой момент. Я никогда в жизни не была такой собранной, как тогда. Я контролировала каждую клеточку своего тела, я была абсолютно вменяемая, я отдавала отчет каждому своему движению. Стоило лишь перестать бороться с огнем, и он сразу показал мне, какой я могу быть. Да, наивность и эффект «розовых очков» пропали вовсе, но я четко и реально видела ситуацию, мир, людей, себя... Мне будто глаза открыли.

Я перетянула руку полотенцем, и через пару минут кровь остановилась. В школу я ходила в кофте с длинным рукавом, чтобы Е.Б. не заметила свежих порезов. И три дня подряд я резала вены; становилось лучше, мне так казалось. А Влад каждый день стоял под окном с цветами и подарками, а я выходила и сжигала их. Три дня я мучила его, а он просил разговора, хотел извиниться, но мне было тошно даже видеть его, не то, что слушать. Была ли депрессия? Да, наверное, была, но я ощущала что-то другое, не переживание или боль, предательство... нет, просто все было настолько запущено, что я больше не понимала, что происходит. Я вообще не видела себя, не была собой, и было страшно от того, что я стала бездушной и холодной. Для меня убить ничего не значило теперь. Мне хотелось крови, я жаждала этой битвы, я не могла жить без огня... ***Я стала пламенем.***

А Влад все не унимался и пытался со мной поговорить. Я шла по коридору, когда услышала его голос, раздающийся по всей школе. Он говорил по громкой связи, по школьному, так сказать, радио.

– Адриана, я такой мерзавец, глупец и придурок полный. И моему поступку нет оправдания, и я не достоин прощения, но я прошу – выслушай меня. Дай мне сказать. Я знаю, что

причинил тебе боль, и ты не хочешь ни видеть, ни слышать меня... Но прошу, минуту, дай мне одну минуту, чтобы хотя попытаться как-то исправить свою ошибку.

Я поднялась в кабинет, где стояла аппаратура и встала напротив Влада.

– Спасибо, – он убрал микрофон и привстал.

– Сиди, не утруждайся, да и микрофон не убирай, все и так знают о нас, и о Еве... Слухи в школе быстро распространяются.

– Мне жаль.

– Жаль? А ну тогда это меняет дело, – съехидничала я. – Обидно, что Ева. Знаменитость? Да она никому не нужна. Даже парень, который ей нравится, уже три дня ползает за мной и просит прощения, а мать вообще готова была уйти. У нее куча подписчиков и тысячи лайков под фото, но, по сути, она одинока и прекрасно это понимает. И пусть после этих слов все посчитают меня сукой и стервой, но вы знаете, что я сказала правду. Месть? Лучше... правда... она бьет больнее измены и всего остального. Правда чаще всего жестока, именно поэтому мы не говорим ее. А ты, Владик, ты урод, я любила тебя, а ты изменил мне, да еще с кем, – я нажала на кнопку и выключила громкую связь. – Ты разбил мне сердце, ты причинил мне боль, и цветы этого не изменят.

– У меня есть шанс все исправить? Могу ли я надеяться на то, что ты сможешь меня простить?

– Надежда всегда умирает последней, – ответила я и ушла.

– Я не перестану просить прощения, я буду доказывать, что мне можно верить, я сделаю все, чтобы вернуть тебя.

– Мило, вот только словам я больше не верю.

Я наткнулась на Еву, когда заходила к Е.Б., а она оттуда как раз выходила.

– Ну ты и сука! – сказала она мне.

– Я? Ни с кем не спутала?

– Хочешь войны?

– Ев, у меня сейчас проблем по горло, не до тебя, правда, – я закатила глаза и закончила этот неприятный полуминутный разговор. – Ты и сама знаешь, что он меня любит.

– Да, но ты ему не даешь, вот он и ходит «налево».

– Ты себя слышишь? Ты только что сказала, что ты доступная, так в чем же я оказалась не права? – Я говорила эмоционально, даже размахивала руками для убедительности, но само общение с ней мне было неприятно, ее общество, ее голос, внешность...

Все-таки я безумно ревновала ее к Владу, и так хотелось ее ударить, но не могла, я и так наговорила многое, и даже было сложно представить, каково ее матери, которая должна принять сторону дочери, а с другой стороны, ее дочь и правда оказалась не такой уж и хорошей девочкой, а еще и я. Это была непростая ситуация для всех нас.

– У вас сейчас физкультура? – спросила меня Е.Б., увидев, как я беру свою форму у нее из шкафа.

– Ага, – я повесила пакет с формой на руку, и рукав кофты приподнялся на несколько сантиметров, а когда учительница потянула меня к себе, то сразу заметила порезы.

– Что это? – изумленно глядя на меня, спросила она и подняла рукав до локтя. – Адриана, что ты сделала? Не говори, что ты хотела...

– Нет, – одернула я ее, – так становится легче.

– Легче? Как долго ты это делаешь? Они у тебя все в засохшей крови и такие глубокие! Как ты можешь? Зачем? – Ее зрачки бегали из стороны в сторону, а голос становился то ниже, то выше.

– Не так давно. Все нормально, я вас уверяю, правда.

– Как нормально?! Ты на свои руки взгляни! Они все в шрамах и порезах. И ты называешь это нормальным?

Именно в такой неподходящий момент зашел Влад со своим «срочным» и «серьезным» разговором.

– Е.Б., мы взрослые люди, так давайте обсудим то, что случилось... – Он увидел меня и замолчал. – Я не вовремя.

– Нет, как раз наоборот. Посмотри, что ты с ней сделал? – Она вытянула обе мои руки и показала их моему парню.

– Зачем ты порезала себя? Это из-за меня?

– Да почему вы столько всего берете на себя? Причем тут вы! – Я схватилась за голову и покачала ею. Я почувствовала, что пачка сигарет выпадает из моего заднего кармана, но не успела их поймать.

– Еще и сигареты! – заверещала Е.Б. – Мы же договаривались! Я уже не знаю, что с тобой делать. Иди к В.Б., покажи свои руки. Может, он сможет вставить назад тебе мозги.

– Да почему вы вообще должны что-то со мной делать? Это не ваша забота. Е.Б., у вас есть другая задача – дочь, которой пару извилин тоже не помешали бы. А тебе, – я тыкнула Владу в грудь, – ты вообще перечеркнул и испортил все наши отношения, поэтому теперь ты можешь не волноваться и не заботиться обо мне, я не позволю. А теперь простите меня, но мне нужно переодеться на физкультуру, иначе мой строгий учитель будет ругаться, – я косо посмотрела на них двоих и вышла, недовольно хмыкнув.

После всех уроков я все же зашла к В.Б., так, показательно для Е.Б.

– Я просто сильно за тебя беспокоюсь, – сказала Е.Б.

– Я понимаю, простите, что была так резка с вами.

– Он почему-то всегда мог помочь тебе. И сейчас тебе нужна именно его поддержка.

– Виски и сигареты?

– Пусть даже так, лишь бы ты перестала резать себя и так страдать, – она крепко обняла меня, чуть ли не заплавав, и мне стало даже не по себе от того, что я столько плохих вещей сказала и ей самой и ее дочери. – А Ева, я...

– Все нормально, я не собираюсь с ней воевать. Что было, то было, потом сама поймет, какой глупой была.

– Спасибо, что ты так... – Е.Б. смахнула слезы и проморгалась.

– Успокойтесь, все нормально. Вы просто к ней ближе будьте, ей это нужно, она же не чувствует вашей поддержки, точно так же как я не чувствую ее от своей матери, только у меня есть вы с В.Б., а у нее никого.

– Да я все это понимаю, конечно...

– Вы взрослый человек, так поступайте так, как должны.

– Я всегда так делаю, Адриана, поверь.

– Дело не в вере, я уверена, вы отличная мать... И вообще, думаю, на этом мы закончим, иначе так можно разглагольствовать очень долго. А я пойду напьюсь.

У В.Б. как раз уроки уже закончились, и я подошла в тот момент, когда он проверял очередные проверочные работы и ругался на тупость детей.

– Ну ты как всегда! – воскликнула я, смеясь.

– Заходи! – позвал он меня к себе. – Ну что, что-то хотела?

– Есть выпить? – задала я риторический вопрос.

– Наконец-то, я думал, ты не придешь и сама сможешь из депрессии выйти.

Я подняла рукава и показала ему свои изрезанные руки. Он, ничего не сказав, достал бутылку коньяка и подал мне.

– Пей, – сказал В.Б.

Я сделала из бутылки пару глотков и села на пол, подобрав коленки к себе.

– Меня накрыло.

– Вижу. Пей, не думай, легче будет.

– Нужно решать проблемы, а не запивать их, – умничала я, сидя на грязном полу, и держала бутылку коньяка.

– Да, я вижу, как ты начала решать, – В.Б. закатил глаза и усмехнулся, упрекнув взглядом.

Только вот его осуждения не были неприятными или обидными, наоборот, поучительными и прям «в яблочко». Он одним лишь взглядом мог показать тысячу эмоций и передать свои мысли. В.Б. был удивительным человеком. Насколько сильно он мог раздражать людей своим обществом, отталкивать всех, сам не любил их, был социопатом, но при этом каким чувственным и заботливым он мог быть, как доверял людям, не всем, буквально паре. Только он мог быть сумасшедшим учителем и самым добрым и понимающим другом.

– Мне так интересно, – задумался он и отложил работы в сторону, – как ты видишь эту границу и соблюдаешь ее – субординация и вот то, что ты можешь прийти и выпить со мной, поговорить на любые темы, а на уроках ты ведешь себя как обычная ученица, не пользуешься особым к тебе отношением. Как ты видишь грань дозволенного? – Он взял у меня бутылку и тоже сделал глоток.

– Не знаю, – я пожала плечами, – просто веду себя так, как считаю правильно, даже нет... как чувствую, я делаю так, как ощущаю. То есть эта грань – ее не существует, она есть между нами, только между нами. Мы знаем, где и как можно преподносить себя.

– Тебе всего 14, а ты такая мудрая, я порой поражаюсь твоим идеям, стойкостью, правильностью действий. Это невероятно.

– Я бы давно сдалась, если бы не вы с Е.Б.

– Ложь. Ты не права, ты по натуре сильная, и пламя дает тебе лишь чуть больше уверенности.

– Я говорю не о возможностях...

– Да, я понимаю, но все взаимосвязано. Ты бы справилась и без нас. Мы лишь сохраняем в тебе ту живую Адриану, чувственную и волшебную... с которой познакомились еще много лет назад. Мы держим в тебе то, что разглядели вначале.

– Это сложнее, чем просто бороться с непонятно чем.

– Не думай об этом.

Я напилась в стельку, к концу дня уже не могла говорить, а встать и вовсе. Но с этой бутылкой коньяка, еще и с двумя стаканами виски из меня вышла вся дурь. Все показалось мне таким простым, и проблем в принципе-то особо не было, но мысль о том, что мне надо быть более стойкой и холодной, лишь прочнее укрепились у меня в голове. Я была сильна, это факт, но эмоции мешали огню, я была слишком чувствительна к людям и к миру в целом, а в моем случае такого нельзя было допускать, на кону стояло слишком много.

В.Б. привез меня домой пьяной, завел в квартиру и прошел со мной до спальни, пока родители спали.

– Тихонько ложись и спи, не дебоширь тут. Хорошо?

– Я... – Я икнула и улеглась на кровать.

– Спи, – он снял с меня куртку и носки, накрыл пледом и закрыл за собой дверь.

– Спасибо вам, – услышала я мамин голос в коридоре.

– Ей нужно было это, – ответил он.

– Я очень на это надеюсь.

– Мы присматриваем за Адрином, не переживайте, она в надежных руках, и это я не про себя.

– Адрин? Хм, она мне говорила, что не любит, когда ее так называют. Видимо, это касается только нас с отцом.

– Знаете, что я вам посоветую – смиритесь. Она не доверит вам свою тайну. Я не говорю, что вы плохие родители, просто так случилось. Так есть и будет, и менять ничего не надо. Поверьте, все будет хорошо.

– Это все, что мне остается.

– Не терзайте ее своими допросами и руганью, примите ее такой, какой она стала.

– Но я хочу вернуть свою милую, ласковую дочурку.

– Поздно, да и не нужно. Ей так комфортней. Ей идет ее новый образ.

Я не знаю, что было дальше, потому уснула я почти сразу, но за все слова, сказанные В.Б. моей маме, я благодарна; он еще раз доказал...

Глава 13

Утром меня встретила моя семья вполне так радушно: без ссоры и оскорблений в мой адрес, не ругали за вчерашнее состояние, даже отец ничего не сказал. Я села за стол, а перед глазами резко потемнело, зрачки налились кровью, а я сильно сжала кулаки, но небольшие языки пламени уже обжигали мои руки.

– Что с тобой? – взволнованно спросила мама и наклонилась ко мне.

Я стиснула зубы, не в силах что-то ответить.

– Что с ней? – напрягся папа и привстал.

Я пыталась контролировать себя, но огонь слишком глубоко вонзил в меня свои «языки», он был в десятки раз сильнее меня.

– Набери Е. Б. – Огонь, как вулкан, становился все мощнее, уничтожая во мне Адриану. Я чувствовала его в каждой клеточке своего тела, он становился то мощнее, то погасал.

– Я набрала, – крикнула мама и положила трубку передо мной.

– Громкую связь.

– Хорошо, – мама была напугана, да и понятно, мое поведение и состояние наводило не только ужас...

– Это очередной приступ, Е. Б. Я не могу двигаться, меня, будто, парализовало, я просто не понимаю, что вокруг...

– Что происходит? Какого *** здесь происходит? – закричал отец.

– Не ори на нее! – встала на мою защиту Е.Б. – Даже не смей повышать на нее голос. Ее воля, и тебя бы больше не было. Адри, детка, – обратилась она уже ко мне, – все нормально, я уже еду, слышишь, я скоро буду, тебе лишь нужно выйти на свежий воздух.

– Да, я...

– Не говори ничего, слушай меня.

– Мне больно, мне так больно.

Я медленно спускалась по лестнице, но каждый шаг сопровождался новыми ударами пламени, который испепелял меня изнутри, как будто тысячу иголок медленно проходили через мое тело.

– Я знаю, моя девочка, знаю, потерпи. Я уже подъезжаю. Ты на улице?

– Да, но я не могу дышать, огонь... он не дает мне вдохнуть воздух. Я... задыхаюсь, – я схватилась за горло и упала на колени.

– Это тебе так кажется. Адриана, ты можешь его контролировать. Помнишь, как мы вместе тренировались в спортивном зале? Да? Вспоминай, как я учила тебя медитировать, ты же с Дмитрием отказать заниматься этой «ерундой», а мы с тобой сидели долго. Помнишь? – Она попыталась ухватиться за приятные воспоминания, чтобы я оставалась собой. И у нее получилось. Время, что мы провели вместе с Е.Б., было лучшим, и эти воспоминания не затмят никогда и ничем.

Я недолго просидела на снегу одна, как мне показалось, прошло минут пять, прежде чем она приехала. Она выбежала из машины и кинулась ко мне. Рядом со мной лежало поваленное мною дерево: ствол был черным, а ветки были разбросаны по всему двору. Е.Б. чуть ли не упала около меня, но смогла удержаться на ногах и потом спокойно села передо мной. Она прижала меня к себе, и я слышала, как быстро бьется ее сердце. Мне не было страшно, но я хотела плакать; боль уменьшилась, но импульс отдавал по всему телу.

– Все хорошо, я рядом, Адри, я тут.

Я увидела маму в окне, она стояла и смотрела на нас. Она была не просто подавлена, потеряна, я бы сказала, ведь она не знала ничего и помочь мне не могла, а видела, как плохо мне было.

- Мы так не сможем.
- О чем ты? – спросила Е.Б., не успевая за ходом моих мыслей.
- Я не могу продолжать мучить ее. Просто я вижу это – ее чувства, мама так страдает, видя меня в таком состоянии.
- Так становись лучше для нее, веди себя естественней.
- Как?
- А ты постарайся.
- Почему я? Почему именно со мной все это происходит? – Я уткнулась носом в Е.Б. и обняла ее еще крепче.
- Потому что ты способна с этим справиться.
- Да, ты права. Я же обещала себе, что стану строже, сильнее духом, уверенней.

– Ты не можешь просто так уйти, не объяснив ничего, – мама стояла на кухне, не поворачивалась ко мне лицом, а я боялась увидеть ее слезы.

– Поэтому я и ушла, не из-за отца, а потому что теперь, когда все зашло слишком далеко, появится намного больше вопросов, и я не смогу на них ответить. В.Б. вчера сказал правильно.

- Тяжело терять ребенка.
- Ты не теряешь... – Ком встал в горле, и дыхание перехватило, но я была непреклонна.
- А что, по-твоему, происходит?
- Ты не теряешь меня. Мам, нет.
- Тогда почему у меня такое чувство, будто тебя вообще нет больше в моей жизни?
- Все так запуталось, прости.
- Иди, надо – иди, я не буду больше держать тебя. Захочешь – двери этой квартиры всегда для тебя открыты, поговорить – пожалуйста, все сделаю, что попросишь, но больше заставлять тебя не буду, нет смысла...
- Он есть, но если бы ты сама все поняла...
- Иди... – Она хотела что-то сказать, но замолчала, оборвав наш разговор. – Я видела, как ты относишься к Е.Б., да я сейчас все поняла, ты только, Адриана, не будь чересчур наивна.

Отвлекусь немного и переведу тему; просто хочу отметить, что в тот момент, когда пламя охватило меня, когда я слышала голос Е.Б., то мне было необходимо не только ее присутствие. Это странно, когда я не являюсь собой, когда пламя завладевает мною, то я вижу все по-другому: мои чувства и эмоции становятся, так сказать, подлинными. И я воспринимаю многое иначе, смотря на ситуации с другой стороны. Как бы я ни переубеждала себя, но в такие моменты я руководствуюсь не разумом, а сердцем, именно поэтому все становится намного понятней и легче. Нет никаких границ и препятствий, и я понимаю, чего хочу, прежде всего, от себя. И когда я сидела на снегу, вся пылающая, когда боль пронзала меня, когда невозможно было терпеть ее, мне так нужен был рядом Влад. На самом деле, мне было всё равно, изменял он мне или нет, я, как бы наивно это ни звучало, знала, что он любит меня. Хотя любовь – слишком сильное чувство для таких подростков, как мы. Любовь – это особое отношение к человеку, искренняя вера в него. Это странное чувство, оно само по себе, оно руководит нами, заставляет делать глупости, с одной стороны, а с другой, наоборот, – показывает настоящее и реальность, в которой мы живем. В 14 лет слабо понимаешь, что такое «любовь», и пусть говорят, что возраст здесь не причем, не правда, ведь «любовь» – взрослое понятие, потому что она сурова и правдива, а в детстве мы не готовы к правде.

Мне так хотелось подбежать к Владу, кинуться ему на шею и забыть все, просто простить, но голос разума не позволял мне это сделать. Он говорил мне быть гордой и неприступной, а сердце сжималось при одной лишь мысли о нем.

Я начала привыкать к пламени, что жило внутри меня, я становилась им снаружи, оно давало мне жизнь, ту, в которой я смогла бы быть собой.

Мы приехали в школу, а там, в актовом зале, шел концерт. Когда я увидела его на сцене, когда услышала вступление песни, то позабыла все проблемы. Я пробралась к аппаратуре и попросила у парня микрофон.

*Когда мир потрясает нас,
Пытается вывести нас из строя...*

Влад не видел меня, а я шла к сцене и была уверена, что делаю все правильно, у меня и тени сомнений не возникло, потому что в любви не сомневаются, она либо есть, либо ее нет, и по-другому не может быть.

Нам нечего терять.

Я начала петь с ним припев, а на глаза наворачивались слезы. Влад изумленно посмотрел на меня и помог подняться на сцену.

*Я больше ничего не хочу,
Наша любовь неприкасаема.*

Сколько смысла было в этих словах, сколько эмоций я туда вложила. Он подхватил меня, и мы закружилась в медленном танце.

– Что ты тут делаешь?
– Я... я просто не...

*Даже на линии огня,
Когда все висит на волоске,
Наша любовь неприкасаема.²*

Я не могла подавлять эмоций; повернувшись лицом к стене, я зажала рот рукой, была не в силах больше сдерживать себя.

Его сильная теплая рука коснулась моей спины, он обнял меня, и все зрители захлопали.
– Я просто поняла, что люблю тебя и даю нам еще один шанс.

Это прекрасное ощущение – когда ты прощаешь, когда не то, чтобы снова полностью доверяешь человеку, но он рядом, и ты чувствуешь его. Он вновь касается тебя, целует в губы, и руки мои держат его. Мы стояли на сцене, и сотни глаз следили за нашими движениями, они умилялись, как это красиво – любовь, не понимая, что нам пришлось преодолеть, и как сильно мне нужно было постараться, чтобы оказаться рядом с ним. Но те слова, эмоции, что мы передали друг другу через песню – это невероятно, я бы не смогла сказать это лично, как и он, но музыка... она и есть та связующая.

– Очень трогательный и милый момент, – сказала ведущая, поднявшись к нам. – Давайте перейдем к следующему выступлению.

Мы с Владом опомнились и вышли через боковую дверь на улицу.

– Почему? – спросил он меня.

– Я думаю постоянно о тебе, мне так хочется быть с тобой... постоянно... Я не представляю, что *нас* больше не будет, – я прижалась к нему, и он прикрыл меня своей курткой.

² Пер. песни Kristian Kostov- Beautiful Mess

– Битва скоро, я так понимаю.
– Да, у нас очень мало времени.
– Я буду биться до конца, до смерти.
– Надеюсь, мало, кто погибнет, наша задача не просто биться с врагами, но и защищать наших. И... я знаю, что будет тяжело, не факт, что мы выживем оба...

– К чему ты клонишь?

– Я хочу насладиться каждым мгновением с тобой, хочу быть рядом.

– Я правильно понимаю?

– Да. Я хочу тебя.

– Адриана, это серьезный шаг, я не хочу давить или настаивать.

– А я хочу, чтобы ты настоял. А что, если я погибну? Или ты... Я готова к этому. Е.Б. сказала, что я должна почувствовать желание сделать это, так вот оно, я не сомневаюсь. Я хочу попробовать все перед первым моим боем. Пожалуйста, вот именно сейчас мне нужно это, прошу, Влад.

– Хорошо, только я сделаю все так, как должно быть. Тебе понравится. Заеду за тобой в семь, – он поцеловал меня в лоб, а я встала на носочки и чмокнула его в щеку.

– Я сама приеду.

– Уверена?

– Да. В семь у тебя дома?

– Да, родители в командировке, так что квартира в нашем распоряжении.

– Отлично.

Я даже и не поняла, что произошло, но я действительно хотела этого, это был новый этап наших отношений, и да, вы, мои читатели, подумаете, как так, ей ведь всего 14. Я и сама так думала, но за последние полгода в моей жизни произошло столько вещей, из-за чего сейчас я чувствую себя 30-летней. Ответственность, сила: все это заставило меня повзрослеть слишком быстро. Но этот шаг по отношению к Владу не был для меня таким серьезным, каким, возможно, должен был быть. Я просто хотела этого, и меня не смущал мой возраст. До боя оставалось несколько дней, и никто не знал, как он обернется для нас, так что я жила каждым днем, каждым мгновением, и тратить его на общечеловеческие принципы, мораль и рассуждения о «чистоте»... да не хотелось мне тратить на всю эту ерунду время.

Но я абсолютно не знала, как вести себя, как преподнести, чтобы моему парню понравилось... Мне не хватало женственности, которая как раз приходит с возрастом.

Я увидела Е.Б. у входа и подошла к ней.

– Помирились? – спросила она меня.

– Да, я просто поняла кое-что очень важное, только вот боюсь, что пламя разрушит все мои надежды.

– Помни, ты и есть этот огонь. Я замечаю за собой, что слишком сильно тебя опекаю, забывая о том, что порой ты сама в состоянии принимать серьезные решения.

– Мне нужна ваша забота.

– Свобода тоже.

– Вы важнее.

– Ты такая настоящая.

– В смысле?

– Ты лучше всех нас.

– Все нет. – В голове всплыли неприятные воспоминания: тот день, когда я первый раз лишила человека жизни, когда желание убивать было сильнее, чем быть человеком.

Глава 14

После уроков я сразу поехала домой, у меня было столько дел, и мне хотелось выглядеть не просто женственно, а именно соблазнительно, элегантно и дерзко, у меня часто появляется желание быть нежной и изящной. Сейчас у меня было дикое желание стать желанной.

Я нашла в своем гардеробе прелестную юбку средней длины и кружевами по низу, а к ней у меня был топ из такой же ткани. Я редко надевала этот костюм, потому что мне больше импонировали штаны и пиджаки, или более спортивные стили, но никак не юбки с каблуками. Я была обычным подростком, который надевал рваные джинсы и майки или кофты с непонятными надписями. Но в тот вечер я превзошла себя. Естественный макияж очень хорошо подошел к образу, не позволяя мне выглядеть слишком вульгарно. Четкие скулы, большие глаза и длинные черные ресницы, а на голове небрежный пучок, чтобы не выбиваться полностью из зоны комфорта. Каблуки надеть не получилось, снег валил на улице, заметая все дороги, но и так все было прекрасно. Красивейшее нижнее бельё, что подарила мне Е.Б., придавало уверенности, но волнение присутствовало. Влад открыл сразу, как только я позвонила в звонок.

– Проходи, – пригласил он меня к себе. На нем были штаны и рубашка серого цвета, что очень шла ему. Влад помог снять мне пальто и повесил его в шкаф. – Ты выглядишь бесподобно.

– Спасибо, – я была немного скованна, и это было видно.

– Я заказал нам ужин и открыл вино.

– Как романтично.

И правда, на кухне стояли свечи; лепестки роз, что вели в его комнату, были лишними, но его старания заслуживали похвалы. Две тарелки стояли друг напротив друга, а бокалы были наполнены красным вином. Еда была красиво разложена по большим тарелкам. Свет был приглушенным, и легкая музыка тихо играла на заднем плане.

– А ты постарался, – отметила я и поцеловала его в губы. Это желание близости становилось сильнее, когда я чувствовала его тепло, когда он просто стоял рядом.

– Ты волнуешься. Но я хочу сказать, что это просто ужин, если после него ты не захочешь, то я ни в коем случае не буду принуждать или заставлять. Хочу, чтобы ты знала это. Мы можем просто провести время вместе.

Влад и сам был немного нервным: руки слегка дрожали, но это была ерунда. Мы сели за стол и сразу сделали глоток вина, чтобы расслабиться. Молчание и весь этот романтический пафос начинали меня раздражать.

– К черту маскарад, – я распустила волосы и сняла кольца и браслеты с руки. – Я сама не своя. Мне приятно, что ты устроил романтический ужин, и все очень вкусно, но мы ведем себя глупо, давай еще светские беседы вести. Включи нормальный свет, давай задумем свечи и просто расслабимся, поговорим о том, о чем нам будет интересно, будем вести себя естественно, – я поправила волосы и допила вино, что было у меня в бокале.

– Именно за это я тебя и люблю, ты говоришь то, что думаешь и попадаешь в десяточку, – он расстегнул пару верхних пуговиц и включил желтый свет. – Я вообще предлагаю переместиться в зал, где можно поставить наш любимый фильм и там же и продолжить ужин.

– Превосходная идея, займись фильмом, а я перенесу еду. У тебя есть, во что можно переодеться?

– Да, возьми что-нибудь у меня в шкафу.

Когда я зашла в его комнату, то увидела большую кровать, на которой аккуратно было застелено черное бельё. Я сняла одну из его многочисленных рубашек и начала переодеваться.

– А ты тоже, я смотрю, подготовилась, – сказал Влад, увидев мое кружевное белье. Он подошел и обнял меня за талию, поцеловав в шею. Мурашки побежали по телу, и он сам накинул на меня рубашку, застегнув половину пуговиц. – Нас там ждет фильм, и остывает еда.

– Тогда пошли.

Мы лежали на диване и смотрели милый фильм «Три метра над уровнем неба». И вот теперь все было по-настоящему. Мне было хорошо проводить время именно таким образом, когда мы были собой, мы оба не играли, а любили. Как сильно я менялась в его присутствии. Если среди друзей и в школе, с родителями я была достаточно закрыта, серьезна, холодна, то с ним я была ранимая и нежная, и этот образ мне нравился, но и настораживал. На самом красивом моменте фильма я привстала и повернулась к Владу.

– Я хочу этого, но боюсь того, что не смогу сдержать огонь.

– Я знаю, все будет хорошо.

Он потянулся ко мне, и я села к нему на колени. Сердце бешено билось в груди, когда он прикасался к телу, но губы мои уверенно целовали его. Я немного подалась вперед, как бы показывая свою решительность и страсть. Все страхи исчезали, и появилось влечение, пыл, пламя, что разгоралось во мне. Я чувствовала его (огня) настойчивость, но он не был отдельно от меня, как другая часть, мы были едины, и он лишь подогревал наши отношения и близость. Алкоголь давал о себе знать, именно поэтому, как мне кажется, я не волновалась так сильно. Влад быстро снял с меня рубашку и ждал ответного шага от меня. Его губы спускались вниз, а руки лежали на талии, сильно сжимая ее. Я поняла его намек, и вскоре он тоже оказался полуголым. Он, неожиданно для меня, взял меня на руки, и мы переместились на его кровать. Легкий ветер раздувал мои длинные волосы, но не путал их. Каждое последующее мое движение было уверенней предыдущего. Нельзя сказать, что я была уверена в себе, это было бы глупо, если считать, что у меня не было ни с кем подобной близости, и я боялась не только потерять контроль над пламенем, которое уже завладело моим телом, но и показаться неопытной, сделать что-то не так. Я лежала на мягком и приятном одеяле, а он так нежно водил пальцами по моему телу. А потом его движения стали более резкими и быстрыми. Я сжимала одеяло, а из ладоней вылетали языки пламени. Я закусила губу, но сдерживать порывы страсти была не в силах. Я никогда в жизни не испытала большего удовлетворения и кайфа. Ветер усиливался, но из-за штор холода не чувствовалось.

– Это было прекрасно, – сказала я, когда Влад лег рядом, переводя дыхание.

– Ты, оказывается, такая страстная.

Мы уснули в обнимку, накрытые теплым большим одеялом; я так сильно прижалась к парню, что, кажется, ему было сложно дышать.

Нас разбудил звонок Е.Б.

– Где тебя носит? – строго, даже повысив голос, спросила она.

– Мы еще спим. Что случилось? – сонным голосом бормотала я.

– Вы время видели?

– Нет.

– 8:00, а уроки во сколько начинаются?

– Твою ж... Вадя, вставай, мы проспали, – я распахала его, он нехотя открыл глаза и сказал что-то невнятное.

– Что? – переспросила я его.

– Да я не выспался, давай еще чуть-чуть поспим, ты была вчера слишком...

– Е.Б. на громкой связи, – прервала я парня.

– Опа... – Он соскочил с кровати, накинув на себя кофту.

– Здравствуйте! – отчеканил он. – Стоп, мне сегодня не надо в школу, у меня дела.

– Какие это дела? – возмущенно спросили мы в один голос.

– Потом увидишь, а сейчас собирайся, я отвезу тебя, – он уперся руками в кровать и потянулся ко мне, чтобы поцеловать, но я отодвинулась, и Влад, потеряв равновесие, упал на кровать. Он схватил меня за ногу и подтянул к себе, начал щекотать, и я засмеялась, забыв совершенно о телефонном разговоре.

– Мои вы милые, вставайте и быстрее собирайтесь.

Я закусила губу, чтобы подавить смех и неловкость.

– Простите, мы увлеклись немного.

– Немного? – крикнул в трубку Влад. – Не знаю, не знаю, я не на шутку воз...

Я закрыла ему рот рукой, не давая досказать свою и так понятную всем мысль.

– Какой у меня первый?

– Раньше это спрашивала только Ева, – недовольно фыркнула Е.Б., – но проблема в том, что физика у тебя первая. Я могу сказать, что ты опоздаешь, но ты знаешь, он потребует объяснения, почему да как. А что я скажу? Если он узнает, что вы сошлись, так еще и вместе ночь провели, то тебе, Владислав, кое-что оторвет.

– Да, но рано или поздно придется ему сказать, а В.Б. злопамятный, так что можно и «раньше».

– Ты такой смелый, – отметила я, но сарказм слышался в моем голосе, – и да, Е.Б., мы скоро приедем, ничего не говорите ему, я сама.

– Хорошо.

На самом деле, Влад был прав, нужно было рассказать все В.Б., я не любила ему врать или лукавить, потому что со мной он всегда был честен до конца, вот и я решила открыться. Я зашла к нему, когда весь наш класс уже вышел, он был не в духе, я это заметила сразу. Просто увидела этот томный тяжелый взгляд и все поняла. Возможно, на него так влияла погода, но и что-то другое его тревожило.

– Почему такой кислый?

– Где была? – спросил он, не глядя на меня.

– Проспала, прости. Скажи тему и домашнее задание, я все выучу.

– Хватит лебезить, говори уже, что хочешь мне сказать.

– Не могу, пока не выясню, что с тобой такое.

– Только не будем играть в эту игру «кто окажется более заботливым и внимательным».

Я не понимала, в чем дело, они с Е.Б. с утра оба вели себя как-то странно, и эта новость по любому касалась меня, вот только выпытать информацию я ни из кого не могла.

– Ты сейчас злой и не сможешь адекватно среагировать на новость, которую я хочу рассказать.

– Я постараюсь.

– Я проспала, это правда, но не только я... Я была с Владом, и мы теперь снова вместе, – я говорила медленно и аккуратно, следила за эмоциями учителя и видела, как он начинал злиться.

– Правильно ли я понял, что ты сегодня ночевала у него? – Он пытался сохранять спокойствие, но взбухшие вены говорили об обратном.

– Понимаешь...

– Нет, не понимаю. Неужели ты такая глупая? Дважды на одни и те же грабли наступаешь, ну ты же не дура, а делаешь всякие глупости, точнее, уже сделала. Как ты вообще согласилась переспать с ним, если вы и расстались из-за его измены, и ты так быстро простила и легла с ним в постель?! Почему вы, девушки, не цените себя? Дура, – он ударил стол кулаком и зашел в свою подсобку, громко хлопнув дверью.

– Дура? Потому что умею прощать? Или потому что не хочу терять близкого мне человека снова? А, может, потому что верю ему? Или, наверное, потому что боюсь остаться одна, боюсь, что не справлюсь? Дура, потому что люблю его. Ты осуждаешь мои действия, но я

не жалею, я правда простила его, и чувства мои к нему стали сильнее. Ты не такой, ты еще долго помнишь самое плохое, но быстро забываешь добро, что для тебя сделали. Ты потерял свою семью, ты сам разрушил свой дом, а я просто пытаюсь абстрагироваться от всего хаоса, что меня окружает, и быть счастливой. Но ты не желаешь и попробовать понять меня. Ты пытаешься оградить меня от ошибок, но руководствуешься своей жизнью, но я воспринимаю любовь немного иначе. Мы все боимся в итоге остаться одни, и ты не исключение, – я ушла жутко недовольная от В.Б., но про семью палку немного перегнула, сама поняла уже это, но после того, как сказала, как всегда.

Меня не покидало ощущение, что что-то случилось: я видела встревоженность на лицах многих, Е.Б. с В.Б. были в особенности обеспокоены. Но когда ты влюблен, то не хочешь обращать внимание на то, что пока тебя не тревожит, и голова забита лишь им, и это круто, ведь что может быть лучше, чем ощущение того, что ты счастлив?! Поэтому я и не стала думать о том, от чего меня так усердно ограждали.

Я приехала домой уже под вечер, после тренировки, мама уже была дома, но она оказалась не одна.

– Поэтому не переживайте, тетя Наташа, – услышала я милый голос Влада. Сняв обувь, я зашла на кухню: они пили чай и беседовали.

– Адриана, могла бы сказать и правду, где ты провела ночь, а не врать про подругу, – сказала мама.

Влад поцеловал меня в щеку и посадил к себе на колени.

– Я не думала, что ты одобришь, – я посмотрела на своего парня вопросительным взглядом.

– Ну почему нет? Ночь кино – отличное времяпрепровождение вместе. Ты еще не очень взрослая для отношений, но Владислав мне очень нравится, такой галантный, воспитанный, интересный молодой человек, да и ты с ним, я вижу, счастлива. Мне нравится, что ты нашла такого человека... кроме Е.Б. и В.Б.

– Не надо про них. Вадь, на минуту.

– Я просто хотел немного расслабить атмосферу в семье.

– Идея так себе, но ладно. Я не об этом, – мы зашли ко мне в комнату, но я не успела сказать и слова, он прижал меня к стене и поцеловал в шею.

– Я знаю, это твое слабое место, – он продолжал так делать, а я закрыла глаза и забыла обо всем на свете. Я млела от его нежных, но сильных поцелуев. Мы захлопнули дверь и легли на кровать, он был так возбужден, и мое желание поддаться его давлению было велико.

– Постой, мама дома, – остановила я Влада и вылезла из его объятий.

– Она сказала, что уйдет сейчас, встреча какая-то, и сказала, что никого не будет, отец твой работает допоздна... Так что можем повторить вчерашнюю ночь.

– Да, я бы с удовольствием, но у меня и правда к тебе дело. Что происходит? Сегодня все были на взводе, что-то случилось, но никто мне ничего не говорит.

– Да, я знаю, в чем дело, – он потупил глаза, а потом пожал плечами. – Тебе не нужно этого знать. Они не просто так решили тебе пока не говорить об этом. Я и сам толком не понял, что там да как, но они лишь не хотят еще сильнее усложнять тебе жизнь.

– То есть, знают все, кроме меня?

– Я сначала тоже сказал ей, что лучше бы тебе узнать все и сразу, но они воспротивились, а потом я понял, что тебе не нужно забивать этим голову. Не злись, так надо.

– И почему я тебе верю?

– Любишь.

– Как дура.

– А я такой идиот.

– Не буду спорить.

– Иди ко мне.

Я была не в силах устоять перед его шармом и взглядом, которым он буквально раздевал меня. Я и не думала, что могу в столь юном возрасте испытывать такие сильные чувства.

– Ты стала такой холодной и жесткой, я замечаю это, когда ты находишься среди друзей или просто людей, но наедине с кем-то ты совсем другая. Со мной ты не такая, так почему ты так озлобилась на людей?

– Не хочу подпускать их слишком близко к себе, боюсь привязаться.

– Меня ты не боишься, – он говорил так тихо, держа меня за руку и сильно сжимая ее. – Ты хочешь этого.

А у меня сердце трепетало, я даже дыхание задержала, чтобы не сорваться.

– Иди ко мне, – Влад кинул на пол свою кофту и привлек меня к себе.

– Что это? – Я увидела большой красный ожог у него на руке.

– Адрин...

– Это я сделала? – Я ужаснулась от увиденного и от себя тоже. – Прости, я не хотела.

– Все нормально. Я не стал тебе говорить, потому что знаю, что ты бы сильно переживала из-за этого, но это ерунда.

– Не думаю.

– Но это так. Все хорошо, не волнуйся, – он расстегнул замок на моей длинной кофте и отбросил ее в сторону. Мы услышали, как хлопнула входная дверь; мы остались наедине.

– Я не могу, не надо. Я борюсь с этим желанием накинуться на тебя и своим разумом, который говорит, что я поступаю нечестно по отношению к себе же.

– И что сильнее.

– Ты.

Мы отлично провели время вместе. Когда уже стемнело, мы вышли на улицу; было так морозно, а когда я сняла куртку, то ощутила этот холод на себе. Снежинки, как иголки, вонзались мне в кожу, оставляя следы, как раны.

– Живо оденься, заболеешь еще. И шапку натяни. Скоро Новый год.

– Я думаю не о нем.

– Знаю, но есть и другая жизнь, помимо той, который ты сейчас живешь. И там тебя ждут друзья, праздник, мама... Ты не можешь полностью уйти, переключиться на огонь, думать лишь о битве...

– Да, но я не могу думать о другом, зная, что скоро погибнут люди, дети.

– Живи моментом, настоящим. Не будущим, пожалуйста. Оглянись.

Я посмотрела в сторону: фонарь слабо освещал нашу улочку, снег падал на крыши, заборы, дорогу. Луны еще не было, по крайней мере, я не видела ее, но яркие звезды отражались даже в окнах домов. Влад держал меня за руку, и ничего не могло бы быть более романтическим. Ни души не было вокруг, только мы с ним, да свет из окон. Он одним движением повалил меня в сугроб, застав врасплох. Мы уехали вместе к нему домой, я не хотела оставаться с родителями, но причина было не в них, а во Владе, просто мне нравилось то, как я чувствовала себя в его компании. Разбудила нас снова Е.Б., я уже испугалась, что мы снова проспали, но на часах было всего 6 часов утра.

– Мы же не проспали, ну Е.Б., мы успеем в школу.

– Адри, бери Влада и бегом ко мне, у нас труп Димы, прям у меня под дверью.

Глава 15

Это было показательное убийство, и Дмитрий знал об этом; это означало начало войны. Мы все знали, что теперь не скрыться, но никто даже не догадывался, какой шаг будет следующим. Паническая атака снова захлестнула меня, как только я увидела труп своего учителя. Он научил меня всему, что умел, он дал мне уверенность в своей силе, научил быть сильной, бороться, биться, убивать, жить. Мы оттащили его от двери, и Е.Б. вышла из квартиры.

– Началось?

– Да, – кивнула я головой.

– Какие предпринимаем меры?

– Мы не можем вести бой, потому что не имеем представления, с кем сражаемся. Они перейдут скоро в прямое наступление, но мы будем готовы. А пока не сеем панику и следим за безопасностью учеников.

– Как думаешь, сколько у нас времени?

– Сутки, – сказал Влад, – может и меньше. Убив Дмитрия, они сказали, что настроены серьезно, и они сильны. Запугивают, но не думаю, что они мощнее тебя, Адрин. Они боятся твоей силы, иначе бы не устраивали этот показательный балаган, просто пришли и убили бы тебя. Ты и есть наш козырь. Они не знают, на что ты способна, поэтому так долго, тщательно готовятся, но тебя им не одолеть.

– Ты прав, но, если я перестану быть собой, на этот раз вы меня не остановите. Я становлюсь сильнее, чувствую их приближения, они разжигают во мне пламя. У нас меньше 24 часов. 12 – не больше.

– Собираем команду.

– Да, созываем всех. Школу оцепляйте, сегодня все будут здесь, вторую смену даже не пускайте. Пойдете, Е.Б., к директору.

– В первой смене первые классы, самые маленькие.

– Придумайте вместе что-нибудь, ночь чего-нибудь, не знаю, действуйте, но они не оставят в живых ни одного, кто ступит за порог школы.

Мы подходили к воротам, и я увидела двух мужчин в черных куртках. Они стояли и делали вид, будто разговаривают, но пристально следили за нашими движениями.

– Я же сказала, – отметила я, бросив суровый взгляд в их сторону. – Двое в стороне, трое на крыше, взгляните, у них оружие. Каждый под прицелом будет, – я спокойно шла в сторону главного входа, беззаботно улыбалась, а сама быстро изучала каждый метр школьного и пришкольного двора, всех людей, кто находился рядом. – Сейчас не нападут, исключено.

– Справа, – повернулся Влад.

Еще толпа мужиков стояли за забором. Я приподняла рукав пуховика и показала им свое пламя, как бы бросая вызов.

– Это ты зря.

– Все под контролем.

– У тебя есть план?

– Да.

– А нам поведаешь?

– Нет.

– Отлично, – он всплеснул руками и ускорил шаг.

– У тебя и правда есть план? – обеспокоенно спросила Е.Б.

– Да, не переживайте.

– Мы можем тебе доверять.

– Это вопрос?

- Утверждение.
- Вам придется мне поверить.
- Почему бы тебе просто-напросто не поделиться своей идеей?
- Вы ее не одобрите.
- И тебя это волнует? Кажется, тебя никогда не беспокоило мнение других.
- Ваше – беспокоит.
- Приятно, но не своевременно. Вкратце, чтобы я просто знала, к чему готовиться.
- Морально будьте готовы.
- А физически?

Я встала напротив учительницы физкультуры и прошептала: «На рожон».

– Ты хочешь первая пойти в бой?

– Нет, но нужно их разозлить, ускорить процесс, чем дольше они оттягивают битву, тем больше нагнетают обстановку, у них будет больше времени, чтобы подготовиться, ну а на эмоциях они забудут про осторожность.

– Думаешь, сработает?

– Я не думаю, я буду делать.

– Какова моя задача сейчас?

– Идите к директору и уговорите ее не отпускать детей домой. Я выстраиваю людей по периметру во главе с В. Б. Закроем окна, чтобы они не могли прицелиться, на каждом этаже поставим охрану, обеспечиваем сначала безопасность детей, потом уже все остальное. Чтобы никто из ребят один не гулял по коридорам.

– А соседние дома?

– Не знаю, как, но оттуда уже все эвакуированы, и это не по моему приказу. Те люди снаружи подготовились основательно, им не нужно лишних жертв, но они знают о нас все: что мы имеем отряд, что все готовы к бою, что имеется оружие.

– Откуда?

– Мы этого не узнаем. Чем быстрее начнем, тем понятнее будет, к чему приведет эта битва.

– Я вижу по тебе и твоему состоянию, что ты знаешь итог.

– Да.

– Ничего утешительного, верно?

– Да.

Глава 16

Мы за час выстроили наших людей вокруг школы, основательно подготовились, заклеили стекла, распределили детей по классам, чтобы все выглядело как игра, но на нервах был каждый, особенно бойцы. Чтобы немного отвлечь их, я решила собраться в спортивном зале.

– Раньше вы думали, что я шучу, ведь столько времени прошло с того дня, когда я всех вас собирала, но вот пришло время вступить в бой. Это непростой выбор, но добровольный, ведь вы понимаете, что не все выживут. Вы боитесь, и это нормально, но адреналин пересилит страх, уж поверьте. Мы: я, Е.Б., В.Б., А.А. и А.Б. будем стоять до конца, бороться за жизни каждого, но мы вас соединили не для того, чтобы вы были лишней обузой, а чтобы сражались с нами плечом к плечу. Я поведу вас, встану во главе, и вам нужно будет слушать каждое мое указание. Скажу вправо – бегите, падать – падайте, убивать – бейте, и помните, что я за вас, что бы там ни случилось, я сражаюсь с вами, какими бы глупыми и безрассудными ни были мои указания – выполняйте беспрекословно. Знаю, каждый из вас имеет гордость, желание быть лидером, но не в данном случае, здесь от вашего шага, от моего решения зависят жизни. Там, в кабинетах, сидят дети – 7—13 лет, малыши еще, и наша задача не дать им погибнуть. Если нужно будет, вы должны защитить их собой, лечь на бомбу, встать под пулю. Так что подумайте, прежде чем соглашаться. Вы уже герои, по крайней мере, в моих глазах, так докажите сами себе, что вы и есть защитники. Я говорю так, как есть, даже если звучит все это и жестоко. Там будет кровь, трупы, оружие, боль, крики, но это и есть жизнь. На вас нет никакой экипировки, нет полиции или людей, умеющих сражаться, но есть враг, которого нужно убить. Будете вы и ваше оружие, именно там вы осознаете ценность жизни, как и я. Мне жутко страшно, дрожь пробирает, а ноги отнимаются; говорю, а хочется рыдать, потому что не хочу туда выходить, не хочу умирать, но я знаю, что должна быть там. Я виновата в том, что сейчас мы стоим здесь... Но я готова встать перед лицом смерти и показать ей средний палец.

– Мы снесем им головы, – крикнули с задней линии.

– Отлично, тогда занимайтесь или отдыхайте, у нас есть время.

Подростки, мои одноклассники и просто знакомые, лучшие друзья: все были так воодушевлены, вдохновлены, полны сил и энергии, в них была видна эта страсть, желание сражаться за что-то стоящее, каждый хотел значить что-то в жизни, быть не просто учеником. Они не были детьми, в них жили воины, которые не боялись ничего. Я восхищалась ими, каждым. Этот блеск в глазах, который мог потухнуть в любой момент; но осознание того, что многие погибнут, было невыносимым.

– И что же теперь? Чего будем ждать? – Влад подошел сзади, а я, услышав шаги со спины, развернулась и, не поняв, что это он, согнула его пополам, уложив лицом в пол.

– Ой, прости, я просто немного взвинченная. Пойду, переоденусь, надо еще посмотреть, как там В.Б.

Я посмотрела в сторону раздевалки, она была открыта. Я сняла всю верхнюю одежду и надела короткий спортивный топ, а сверху натянула кофту с длинным рукавом. Она так сильно меня облегла, но не сковывала движений, а, наоборот, я чувствовала легкость и свободу. Мне нужно было ощущать свое тело, контролировать каждую мышцу, чтобы ничего не стесняло меня, я должна была полностью совладать с собой. Я забрала волосы в хвост и сняла серьги, положив их на скамейку. Поделав несколько движений, я убедилась, что костюм мне не жмет и нигде не натирает. Моя пластичность вместе с резвостью давали мне плюс несколько баллов, а вместе с хорошей реакцией и сильным ударом я опережала соперников на несколько шагов.

Я все думала об ответственности, которую беру на себя, ведь я теперь отвечала за сотни жизней, и главной моей слабостью продолжали оставаться Е.Б. и В. Б. Да, я старалась абстра-

гироваться ото всех и вся, уходя мысленно в битву, но не знала, что лучше: забыть о мире и дать поглотить себя войне, или иметь слабости в реальной жизни и проиграть в этой же войне. Я чувствовала, что не была готова к бою, морально больше, чем физически, но амбиций и наглости у меня было больше, чем ума и здравого рассудка. Да это и нормально для подростка, ничего удивительного. Они все ждали от меня подвига, как минимум, отваги и храбрости, что я буду бесстрашным предводителем, что смогу победить всех, и что все закончится так замечательно, но я то понимала, что такого не случится. Какая битва? О чем вы? Я готовить-то еще не умела, но жизнь меня кинула в самое жерло вулкана, не дали мне второго шанса, у меня была одна жизнь, одна возможность. От меня требовали конкретных решений, но сама я паниковала не меньше остальных.

Я вышла на улицу подышать воздухом, обстановку посмотреть. Незнакомцев становилось все больше; все они были одеты в черные куртки, и капюшон был натянут на каждого. Они просто стояли, даже не делали ложных выпадов, ждали, а мы уже действовали.

– Ну как? – спросила я громко В.Б., чтобы ближайšie к нам мужчины могли все слышать.

– Спокойно все, но их пассивность меня напрягает.

– А мы готовы к нападению, сделаем все внезапно, они не успеют сориентироваться, – я взглянула в их лица, спрятанные под тенью капюшонов, там не было ни эмоции, вообще ничего, как камень.

Ярко-оранжевое, нехарактерное для зимы, солнце вылезло из-за сиреневых плотных туч и озарило ту площадку, на которой мы все стояли. Снег уже не шел, но отблескивал прямо в глаза, я даже прищурилась; он хрустел, когда я делала шаги, оставляя отпечатки подошвы моих кроссовок. С верхних веток мощного дуба на меня упала снежная опушка, свалилась прямо на голову, и я быстро отряхнулась, не дав намочить мой костюм. Я сделала несколько шагов в сторону знакомцев, их реакция не изменилась.

– Не делай этого, – попытался остановить меня В.Б., но я сама знала, что делаю.

Мне пришлось подойти вплотную к ним, и только тогда, когда мы столкнулись, чуть ли не лоб в лоб, они развернулись и ушли прочь, одарив меня смертельным взглядом.

– В тебя целятся, – В.Б. указал на красную точку, что была прямо у меня на лбу.

– Не выстрелят, – вполне спокойно и уверенно сообщила я, будто знала. – Ну что, давай, – закричала я на всю улицу, – стреляй, и тогда вы никогда уже не увидите, что я на самом деле на что способна. Давай, трус, жми на курок.

Я чувствовала в себе адреналин, он поднимался, а вот инстинкт самосохранения был исчерпан, я не боялась, а нервы уже были на пределе. С одной стороны, я так устала от всего того, что свалилось на меня, мне хотелось закончить все это любым способом, пусть и умереть, но другая моя часть, и это была не Адриана, хотела жить. Красная точка двинулась с места и теперь находилась на В.Б., целясь ему в сердце. Логика стрелка была ясна: за свою жизнь я не боялась, а вот учителем физики дорожила очень.

– Не двигайся, я вовремя подскочу.

– Твою ж... Адрин, ну епт...

Я услышала, как он нажал на курок, не знаю как, но я видела пулю, что летела; все как в замедленной съемке, я все контролировала, и от этого у меня было спокойно на душе. Я просто расплавила пулю, которая не успела даже и половины пути пролететь, она растворилась. Следующий выстрел, но уже не в нас; стрелок упал с крыши – все стало ясно.

– Я же говорила, там все должно идти по плану, а этот урод нарушил схему. Теперь наша очередь. Они не будут действовать, пока не даст добро их командир. Мы опередим его. Десятиминутная готовность. Собираем отряд, выходим первыми. Мы не знаем, насколько они сильны, но другого варианта нет. Главное – не сдаваться, ведь так?

– Я не сомневаюсь в тебе, Адрин.

Перед тем, как пойти к ребятам, я зашла в первый свободный кабинет и набрала номер мамы.

– Алло, – мой голос немного дрожал, и мать сразу поняла, что я очень переживаю, – мам, привет.

– Адриана, привет, что случилось?

– Ничего, просто позвонила, чтобы сказать, что люблю тебя, – я тяжело дышала, громко вдыхая и выдыхая воздух.

– Ты меня пугаешь, дочка.

– Пришел тот день, когда вам придется полностью поверить мне. Если я переживу эти сутки, если вернусь домой живой, я обещаю, многое изменится. Я знаю, я расстроила тебя, разочаровала, и не злилась на меня, прошу, каждый мой шаг был оправдан. Все, что было сделано или не сделано – все для вас, чтобы оградить от того, что сейчас происходит. Если бы вы знали правду обо мне, то находились в более затруднительном положении. Просто поверь, так надо.

– Что происходит, Адриана?

– Мам, я люблю тебя, – я положила трубку и сразу отключила телефон.

Я забежала в спортивный зал и дала всем пятиминутную готовность, начав раздавать указания.

– Влад, ты не выходишь, на тебе вся школа. Ребята, разделились на две группы, одна больше, другая меньше, что меньше – остается внутри, они по любому постараются ворваться внутрь, но мы будем их сдерживать. Сейчас делится большая команда на четыре. Одна к Е.Б., потом А.А. и А. Б. И ко мне последняя. Еще человек пятнадцать уже на улице с В.Б.

Все быстро выполнили мою просьбу и распределились одинаково по силам.

– Те, кто с Владом – занимайте позиции в школе. И так, мои, мы идем прямо напролом, наша середина. Остальные по бокам, и Е.Б. заведет ребят сзади. Постараемся их окружить и биться в замкнутом пространстве. На какое место встали, там и стойте, ваши – два-три метра, не давайте им подходить ближе или, наоборот, отступать. Бьемся до последнего. Не рассчитывайте друг на друга, есть только вы и ваш враг, повторяюсь.

Влад отвлек меня от долгой речи, поцеловав в губы. Он прикусил мою нижнюю губу и улыбнулся, я чувствовала его запах и тепло и испугалась, что это может быть последний раз.

– Береги себя, прошу.

– Мы справимся, ты справишься, любовь моя, – сказал он и покинул зал.

Все встали на позиции, ожидая моего одобрения. Люди в капюшонах тоже строились возле школы.

– Что конкретно им нужно?

– Я, моя сила.

– Мы не отдадим им тебя.

– Смело, но сейчас не нужно.

Я дала команду атаки, и двери распахнулись, наши люди в колоннах выходили на бой, у каждого было оружие, шли они все в ногу, как на параде. Я осталась последняя в коридоре, когда подбежал Влад, запыхавшийся и очень озабоченный.

– Бомба в школе, – сказал он, переводя дыхание.

Е.Б. и все остальные косились на меня, ожидая дальнейших распоряжений; в любую минуту враги могли открыть огонь. Я показала А.Б., что сначала убиваем тех, кто на крышах, она кивнула головой и передала своим ребятам. Все стояли неподвижно, и я пыталась быстро найти решение новоиспеченной проблемы.

– Эвакуируем детей?

– Нет, – возразила я, – они этого ждут, сразу откроют огонь по ним, надо действовать иначе.

Я кивнула Е.Б., и они ринулись в бой, в этот момент я посмотрела на В.Б., что, к большой радости, стоял рядом со входом. Я уже видела первые жертвы, но не могла разглядеть, кто именно это был, наши или нет.

– Ты сможешь разминировать бомбу? – спросила я физика.

– Нужно время.

– Я помогу, – подключилась учительница химии, – вместе мы быстро управимся.

– Хорошо, работайте, Вадя, на тебе отряд В.Б., действуем, все, погнали.

Я выбежала на улицу, и холодный воздух перехватил мое дыхание, он, как острие ножа, резанул мне по легким. Я сразу начала искать глазами их вожака, но никто особенный мне не показывался на вид. Я убивала всех и каждого, что попадались мне на пути, огонь уже охватывал все мое тело, руки были окутаны пламенем.

– Мы же можем решить все по хорошему. – Я обернулась и увидела сзади мужчину лет 36, но выглядел он хорошо, молодо. На нем не было черного одеяния, как на остальных, его наряд состоял из свитера с горлом серого цвета и брюк. Его внешний вид был странным – аккуратным и достаточно элегантным.

Я оглянулась, мы не проигрывали, но я видела жертвы.

– Останови это и поговорим, – поставила я такое условие, хотя бы чтобы выиграть время.

Время – это был наш союзник и враг одновременно. Оно всегда застаёт врасплох, его всегда не хватает или, наоборот, слишком много. Оно убивает людей, делает нам больно, но, говорят, лечит, хотя я в это и не верю. Но оно оттягивает прощание или неизбежность, дает надежду.

Мы с приятным на вид мужчиной подняли правый кулак вверх, как бы останавливая бой. Краем глаз я увидела в окне В.Б., он подмигнул, показав, что бомба обезврежена. Одна проблема была решена, и то хорошо. Но не одна я заметила это.

– Думаете, там одна такая взрывчатка? Вы меня явно недооцениваете.

– Зачем вам смерть детей, они вам ничего не сделают, – я сильно волновалась, колени тряслись, на ногах еле стояла, но претворялась, что совершенно холодна и равнодушна к данной ситуации.

– Не они мне нужны. И не ты, а твоя сила.

Меня удивляли его движения, манера говорить. Он не был похож на маньяка или сумасшедшего, я бы сказала, что он мог бы быть даже и бизнесменом, успешным и богатым, судя по его дорогим часам и ботинкам.

– Откуда вы меня знаете?

Недолго думая, он поднял рукав кофты, и через мгновение красное пламя вырвалось из его ладони, поместив нас обоих в огромный купол. Е.Б. с В.Б. и Владом кинулись ко мне, но я отбросила их огненной волной назад. Я уже не была собой, но пока еще отдавала отчет своим действиям.

– Кто вы такой?

– А есть разница? Спрошу так, кто ты такая? Я такой, как и ты.

– Предлагаешь сотрудничать?

– Нет, мне не нужна команда, я одиночка, но мне нужен твой огонь. Ты же не хотела этого, я и хочу избавить тебя от этого бремени.

– Как мило с твоей стороны.

– Не паясничай, вполне серьезно, подумай, у тебя есть немного времени. Ты же видишь, твои «воины» уже не в силах бороться, ты же не хочешь потерять свою семью. Дальше – сложнее, а я предлагаю тебе закончить все это сейчас.

– Я час назад стояла перед своими ребятами и говорила, что бороться нужно до конца, и они верят в меня, я их не подведу. Сложнее? Вот и замечательно, я справлюсь, мы справимся, со мной люди, которым я не безразлична. Они помогли мне поверить в себя. Я не согласна, мы

будем биться до тех пор, пока каждый из твоих солдат не сдохнет, – я попыталась вырваться из огненного шара, но не смогла, он был сильнее меня, я оказалась в ловушке.

– Как скажешь, – одним щелчком он дал распоряжение своим бойцам вступить в более ожесточенный бой.

Я кричала и билась, пытаюсь разорвать оковы, что сдерживали меня, но для того, чтобы победить, нужно было сдаться... Самой себе. Я так и сделала. Мне было страшно отдаться полностью пламени, но так надо было, я видела, что без меня все погибнут, они уже сдавали позиции, ослабели, но меня поражала их стойкость, они не уступали свои места, как я им и говорила, они стояли на позициях, но были немало потрепаны. Глаза мои налились кровью, а дыхание остановилось. Как только пламя стало ведущим в моем теле, то сразу же огненный шаг разорвался, стоило мне только сделать шаг вперед. Я убивала людей, но это была я, та самая Адриана, которая полгода назад была старостой и идеальным подростком, гордостью семьи. Вот так один день может изменить жизнь человека до неузнаваемости, превратить его в монстра, убийцу. Главнокомандующий явно не ожидал от меня такой мощи, но не желал отступить, а я не обращала на него никакого внимания. Все бились до последнего.

Я заметила А.А. с двумя нашими школьниками из восьмых классов, они были ребятами из моей параллели. Они боролись сразу с группой парней в черных капюшонах. Наши дрались очень хорошо, но пятеро против троих, как минимум, нечестно. Увидев меня, рядовые схватили учителя с учениками и приставили в их горлу ножи. Еще двое схватили меня за руки и поставили на колени. Я не дергалась, просто осмысливала ситуацию и думала, как спасти всех, но понимала, что придется применить силу, а тогда спасти удастся только одного. Одного... Двое умрут. У меня было полно времени на размышление, но по-другому было не сделать.

Выбор – вот что оказалось самым сложным. И сначала я думала, кого из детей спасти – парнишку, которого знала с первого класса, или девочку, которую видела на переменах в коридоре, и я уже почти приняла решение, но в самый последний момент, когда была готова рвануть вперед и разнести всех, поняла, кого не смогу убить. Секунда, может, чуть больше, и солдаты с детьми замертво повалились на землю, те, кто держал меня, оказались полностью обожженными. А.А. стоял неподвижно, смотря мне в глаза. Я бы не смогла объяснить ему, почему спасла его, а не детей, у которых вся жизнь была впереди. Я просто так чувствовала. Жертвы, очевидно же, что их не избежать, но вопрос заключался в том, кого ты готов потерять, а ради кого готов умереть сам.

Страх, вот что я увидела на лице учителя. Я пошевелиться не могла, он сковывал меня своим взглядом, ужасом, что испытывал на себе. Я просто повесила на него смерть этих двух безвинных детей, теперь мы оба были в ответе за это. Он не просто осуждал меня, он себя теперь винил, но я не жалела о том, что спасла его. Это странное чувство, когда ты знаешь, что сделал все верно, но при этом сердце твое расколосось. И вот я стояла перед А.А., а сказать было нечего, потому что все и так было понятно, а утешительные или подбадривающие слова не помогли бы в любом случае.

– Адриана, – стучала в окно девочка, пытаюсь привлечь мое внимание.

Я с трудом заставила себя выйти из этого состояния и повернуться к окошку.

– Помоги, им совсем плохо, – она показала на раненых парней и девушек, что корчились от боли. – Он почти не дышит, – я увидела своего друга, очень близкого, можно сказать, лучшего, и внутри все сжалось.

Я оглянулась вокруг – бой был в самом разгаре, но, к моему удивлению, мои бойцы не сдавались и сражались очень хорошо. Я подбежала к Е.Б., как раз прикрыв ее от очередного удара ножом, и она, обогнув меня, сама нанесла врагу смертельный удар.

– Ого, сильно, – восхитилась я ее ловкостью. – Там люди, им нужна моя помощь, мне нужно минут десять, прикроете?

– Конечно.

– Не выпускайте его из виду, – я показала на главного, который спокойно стоял сбоку, наблюдая за происходящим, периодически передвигаясь с места на место, – не дайте ему убежать, но оставьте мне.

В кабинетах, просто на полу в коридоре сидели пострадавшие, перевязанные, измотанные, молодые, вокруг суетливо бегали девчонки, пытаюсь оказать всевозможную помощь. В конце коридора, возле лестницы, сидел Влад, держась левой рукой за бок. Я, минуя всех, помчалась к нему.

– Что с тобой? – Я убрала повязку и посмотрела на рану.

– Повезло, насквозь прошла пуля, все нормально, пять минут отдых и снова в бой, – он взял меня за руку, как всегда, чтобы успокоить. – Ты себя видела?

Я и сама-то была вся в крови, но даже не замечала этого, я даже не чувствовала огромной раны у себя на спине. Влад оставался безмятежным и невозмутимым.

– Я обезболила его, – подошла ко мне медсестра и объяснила такое состояние парня. – Ты нужна не ему, трое умирают, и я не знаю, как им помочь.

Как только я зашла в кабинет, то увидела двух мальчиков и девушку постарше, они лежали на сдвинутых партах.

– У девушки нож сверху живота, задета печень, сильное кровотечение; два парня, на них упал ствол дерева, одинаковые повреждения – ноги, у одного ветка прям под коленной чашечкой, у второго перелом открытый.

– Вижу я, поняла.

Сперва я подбежала к девочке, но нож вошел не так глубоко, как я думала.

– Почему не вытащили? – яростно закричала я.

– Там заде...

– Слышала я, только вот вы квалифицированная медсестра, а не знаете, где печень находится, ничего там не задето. Везунчик она, тут полсантиметра от печени и органов в принципе; кровотечение – да, скорее всего вена и артерия, не могу с ходу сообразить, где и что, но нож вытащить, кровотечение, думаю, остановить сможете, введите ей побольше диклофенака, чтобы уменьшить боль... Ну разберетесь, в конце-то концов.

– Я все сделаю, – подошел Влад, уже вполне адекватный, – мне уже лучше, не смотри так, препарат перестал действовать. Я вытащу нож, посмотри там парней и дай указания, выполним.

– Тут вправлять и опять же обезбаливать, посмотрела я первого пацана; у второго уже заражение пошло, грязь от ветки занесли, надо промыть, вытащить и снова промыть, придется зашивать, но прежде... ветка толстая, так просто не вытащишь, сделай надрез и аккуратно, главное – не смести. Кость не задета, но тут подколенная вена идет, ее видно, и рядом палка меньше сантиметра.

– Понял, Адрин, сделаем, спасибо.

– Как только бой закончится, вызывай скорую, не знаю, как мы это объясним, но без врачей не обойдемся.

– У меня у друга родители врачи, мои родители врачи, соберем команду, все уладим, беги. И я верю в тебя, не забывай.

Я уже хотела выбежать на улицу, но мое чутье подсказало мне идти в другое место. Мужчина в солидном костюме стоял посреди спортивного зала.

– Нашла меня, знаешь, почему?! Мы чувствуем друг друга, я могу говорить с тобой мысленно.

– Сколько нас таких? – рыча, спросила я

– Тех, кто владеет огнем? Теперь двое, да и было их не так уж и много, но ты самая сильная, я даже удивлен, сильнее всех вместе взятых. Но теперь кроме нас никого нет, а их

сила у меня, – он ехидно улыбался, показывая свои белоснежные зубы; его привлекательность, а точнее то, что я считала его симпатичным, это пугало меня.

Но его слова так разозлили меня, что пламя моментально охватило все мое тело. Я оттолкнулась от стенки и сделала свой коронный. Схватив горло соперника, я обдала все его тело жаром, но это то же самое, что тушить огонь бензином, нужно было биться врукопашную, а там он был сильнее. Он отбросил меня, и я ударила головой об стену, но моментально поднялась.

– А ты еще и упрямая, обожаю таких, – он схватил меня за лицо и облизал мои губы, я попыталась дернуться, но его хватка стала еще сильнее. – Я согласен, давай будем работать вдвоем, ты такая... Я таких обожаю, – его свободная рука потянулась ко моему телу, но я ударила как следует его ногой и отбежала назад.

– А я и не предлагала работать вместе, – я бежала на него, а вокруг меня было огненное поле; столб пламени выбросил главнокомандующего на улицу, а я вслед за ним. Мы бились долго и упорно, никто не давал слабину, но во мне играли и человеческие качества: усталость и ощущение физической боли.

– В этом твоя ошибка – ты пытаешься оставаться человеком, но люди слабые, сентиментальные, беспомощные, если бы ты полностью отдавалась силе, то была бы непобедима. Сколько в тебе величия, могущественности, ни в одном человеке нет такого. Ты особенная, но трагична свои способности, стоя на стороне людей, хотя они этого недостойны.

– Ты прав, они жалкие, но есть те, за которых я готова отдать жизнь.

– Ты такая глупая!

Он воспользовался нашим разговором, увидел, что я отвлеклась и напал. Его огненная плеть прошла сквозь меня, и я почувствовала внутри себя ее жар и жгучую боль; я упала за землю. Я не могла встать, но видела, как он приближался.

– Хочешь быть человеком, вот и умрешь человеческой смертью, – он отобрал у кого-то нож, и вот, я вижу его лезвие, уже готова умереть, но откуда-то появилась девочка, маленькая, она легла на меня, закрыв от удара. Нож пришелся ей в спину; я лежала с закрытыми глазами, но открыла их, когда услышала сердцебиение малышки. Внутри меня все горело, я вся полыхала, в прямом смысле слова; злость, ярость... То, о чем говорил мой враг – полностью отдаться огню. Адрианы больше не было, только пламя, жестокое и неподвластное, оно вырвалось наружу. Я перевернула девочку на спину, убедившись, что она жива. Кто-то кричал мне, чтобы я остановилась, но это слышала лишь настоящая я, а не огонь. Адриана больше не контролировала свою силу, точнее, огню надоело возиться со мной. Соперник пятился назад, в ужасе смотря на меня, а я уверенными шагами шла на него. Я настигла его быстрее, чем он дошел до забора. Я подняла его за руку и начала выжигать его изнутри, а он и пошевелиться не мог, не то, чтобы дать отпор; были видны все жилы и мышцы; мне было всё равно на его крики и мольбы о пощаде. Но я недолго мучила его, убила, но никогда во мне не было столько жестокости. Самое страшное то, что на этом я не остановилась. Я не различала своих от врагов, мне так хотелось убивать, крови, хотелось слышать крики, приносить боль, быть огнем. Меня пытались остановить, держали, звали по имени, старались добраться до моего сознания, но пламя проникло слишком глубоко.

Я так жалею о том, что совершила, но тогда я не отдавала себе отчет. Мне так жаль... так жаль. Боже, прости меня за то, что я совершила.

Когда я очнулась, то сидела на снегу, рядом была Е.Б., она держалась за голову, а вокруг лежали мертвые дети. Я попятилась назад, но трупы были везде.

– Нет, я не могла, не могла, – я начала шататься из стороны в сторону, пока Е.Б., не схватила меня и не протянула к себе.

– Мы не смогли тебя остановить, ты не была собой, это сделала не ты, это был огонь.

Меня начало трясти, слезы полились ручьем, я вся была в крови, а мертвые дети лежали вокруг меня. Я соскочила и побежала в школу, но запнулась и упала.

– Адри, нет, остановись, – она подбежала ко мне, – не делай глупостей сейчас.

– Сколько?

– Девочка моя...

– Сколько?

– Восемь.

Я развернулась и со всей силы ударила кулаком шершавую стену; я услышала хруст костяшки, потом кровь, но я молотила стену, не останавливаясь, я плакала, мне было так плохо, сложно было признаться самой себе, что стала убийцей.

– Прошу, остановись, – слезно молила меня Е.Б., – Адри, прошу, перестань.

Я услышала ее голос и опомнилась, упала на колени и замерла. Она стояла сзади, держала меня за плечи.

– Я тут, детка, я тут, держись, я с тобой, – она поцеловала меня в затылок, обняла, сомкнув руки у меня на груди.

Я припала к дереву и съехала снова вниз. Ее присутствие было необходимым для меня, просто этот человек был самым важным в моей жизни, и в тот день я убедилась в этом. Она сжимала мою руку в своей ладони, чтобы я могла чувствовать ее тепло, ее саму.

– Меня нужно изолировать от общества, я сражалась за них, хотела, чтобы дети были в безопасности, а в итоге сама их и убила. Меня нельзя подпускать к людям... нет... убейте меня.

– Адри, не говори так. Я не знаю, правда, что нужно сказать, чтобы хоть немного утихомирить твою боль, то, что случилось... мы научимся это контролировать, я обещаю. Я не брошу тебя, я сделаю все. Все наладится, я клянусь. Не опускай руки, ты сегодня совершила подвиг...

– Да, убила детей...

– Нет, то есть, да, но нет. Послушай, просто послушай, сегодня ты спасла сотни детей, пожертвовав десятью.

– Но они не заслужили смерти... они были детьми.

– Да, но так случилось, и мы не можем это изменить. Тот, кто сделал это – не была ты.

– Вы считаете по-другому. Сейчас вы лжете мне, а я ненавижу это. Вы знаете, что там была я. Эта сила, она мне нравится, я хочу сражаться, но она просит большего. И сегодня я поняла, для чего я здесь... я нашла себя. Е.Б., я почувствовала себя живой. Это плохо?

Я смотрела в одну точку, но говорила от себя, понимала все то, что происходит вокруг, я описала свое состояние одной фразой: «*Я почувствовала себя живой*». Живой... Но как теперь быть? Дальше как вести себя, зная, что я сделала, я не смогу...

– Улыбаться и принимать благодарности, – сухо ответил В. Б. Он стоял у двери, и ветер заглушал голос, но я отлично слышала его.

– Не сейчас, ты же видишь, ей и так плохо, – бросила на него суровый взгляд Е.Б.

– Она стояла передо мной в тот момент, когда уже была «не той, кем является», – В.Б. сделал акцент на этих словах, – но это она и была, я смотрел в глаза Адрианы и видел ярость, но это и была ее сущность. Мы защищаем ее, и это правильно, но она не такая, какой кажется, то, что есть в ней, погубит нас всех.

– Я готова умереть, – не думая, ответила Е.Б.

– Да я тоже, но суть в том, что надо перестать лепить из нее ту, кем она не является. А, с другой стороны, истинную Адриану никто не примет, кроме нас двоих. Мы полгода пытались сохранить в ней человека, потому что боялись увидеть ее настоящую сторону, душу, и в итоге она сорвалась, обнажив себя. Огонь – вот это и есть наша любимая девочка. Я пойду до конца, я ради нее готов продать все, даже жизнь, все, что понадобится, или она попросит, но пора

перестать врать самим себе. Мы знаем этого ребенка уже два с лишним года, но за эти шесть месяцев все изменилось, от прежней Адрианы не осталось ничего.

В.Б. сам был «помят» и очень изможден, еле сдерживал эмоции, которые накопились, ноги его уже почти не держали, но он говорил, даже и не думал меня утишать, он сказал откровенно, потому что эта ложь делала еще большее, и было неуместно, нечестно врать самим себе.

– Перестань мучить ее, – сердилась Е.Б., – довел бедную девочку, молодец, – глядя на мое состояние, негодовала она.

– Ты тоже такая «милая и добрая», матерью ей стала! Да прям ангел! Я аж не могу, нимб над головой у тебя, только вот сейчас немного неуместно изображать из себя непорочного ангела. Мы по уши в д*****. У нас на школьном дворе больше пятидесяти трупов, а внутри лежат раненые дети, а ты сидишь и успокаиваешь Адриану. Мы все в крови, и не нашей; каждый из нас сегодня убил человека, и не одного. Ты беспокоишься о ней, я тоже... вы стали для меня больше, чем коллега и ученица, семьей, но мы нужны людям.

– Та девочка, что вместо меня...

– Да, она жива.

Из-за многочисленных ран и потери крови я почти не чувствовала тела и была вся белая, но рвалась на помощь остальным.

– Вы скорую вызвали? – спросила я, вставая с колен, но держалась за стеночку.

– Влад вызвал, но там не то, чтобы скорая, друзья его родителей...

– Да, знаю. И что мы скажем родителям тем детей, что погибли?

– Взрыв, скажем взрыв, тем более, это правда. Мы не успели одну бомбу обезвредить, и один из учеников бросился и закрыл ее собой, – огорченно сообщил В.Б. – Это должен был быть я, знаю, я уже хотел лечь, но пацан опередил меня.

Я сделала пару шагов, но поняла, что теряю сознание; через пару минут раздался глухой звук... это я упала на землю.

Глава 17

Когда я очнулась, за окном было темно, на диване рядом со мной дремала Е.Б., на пуфике в другом конце зала сидел Женя, играл в телефон, храп В.Б. доносился из соседней спальни. Голова у меня раскалывалась на части, руками было сложно пошевелить: тугая повязка на руке сковывала движения. Мокрое полотенце у меня на голове было теплым и неприятным, на мне была чья-то майка, и спина тоже было перебинтована. Я сразу поняла, что мы в «Баганашыле», но пока ничего не соображала.

– Проснулась? – заметил мои попытки подвигаться дядя. Он соскочил с кресла и подбежал, укладывая меня назад на подушку. – Мы еле тебя откачали, ты почти не дышала пару часов назад, вся горела.

– Сколько сейчас времени?

– Ты проспала два дня.

– Ого.

– Твои родители звонили беспрестанно, я сказал им, что ты со мной и пока не можешь вернуться домой.

– Мой дом не там, а с ними, – я показала на Е.Б.

– Тебе сейчас нужно лежать и желательно молчать, ты пострадала больше всех, многочисленные переломы, раны, следы от пуль... Адриана, у тебя татуировка на ключице.

– Да, заметила ее перед боем, не знаю, откуда. Если у меня столько ранений. Почему я вообще еще жива?

– Это удивительно, мы сами в шоке.

– А Влад?

– Он придет позже; все время около тебя был: утром, потом вечером, почти не оставляет тебя.

Стук в дверь. Потом еще, но уже сильнее.

– Опять вы?! Почему вы приходите каждый день? Зачем вам Адриана? – злился Женя, говоря на повышенных тонах.

– Кто там? – спросила, не вставая с постели.

– Она очнулась, – воскликнул голос, который показался мне знакомым.

– Пусти ее, Женя, – чтобы не будить Е.Б., я тихо прошла в коридор, хоть это мне далось нелегко.

– Зачем встала?

– Все нормально. Вы?

В проходе стояла И.Г. – бывший учитель математики; она всегда проявляла излишний интерес ко мне, но я старалась не придавать этому значения, но все остальные тоже замечали ее нездоровое отношение ко мне. После ее ухода из школы пришла А.Б., как раз в этом году – восьмой класс.

– Не ошиблась все-таки, – пробубнила себе под нос И.Г.

– Что? – не расслышала я.

– Нет, я слышала об ужасном происшествии у вас в школе, знаю, что ты была сильно ранена, вот, пришла убедиться, что с тобой все нормально.

– Проходите, выпьем чаю, давно вас не видела, – старалась я быть гостеприимной, но все эти странности меня настораживали.

– Нет, не стоит, – сказала невысокая блондиночка, – я так, на минуту. Ты замечательно выглядишь.

Я посмотрела на себя в зеркале: белое лицо, впалые щеки и синяки под глазами.

– М-да, вы мне явно льстите.

– Я не об этом. Береги себя и будь сильной, девочка моя, – сказала на прощание И.Г. и поспешно ушла.

– Странные у вас учителя.

– Я сама не поняла, что это было, но у меня нет сил на выяснение этого.

Вечером мы все собрались вместе, кроме А.А.

– А как же наш учитель истории? – поинтересовалась я.

– Адри, – начала Е.Б., но замялась.

– Он больше не в нашей команде, – сказал В.Б., – и это было его желание. Прости.

– Да, я понимаю, почему так.

Глава 18

Скажу так, больше мы с А.А. не общались, даже в коридоре, проходя мимо друг друга, мы больше не здоровались, а когда он был учителем на замене, то я для него не существовала, и я приняла его решение уйти, так было правильно. Он был первым, кто сделал верный выбор.

Все начало налаживаться; были мелкие стычки, но крупных боев не было целый год. Да и разочарований тоже. Я исцелялась изнутри; мы с Е.Б., как она и обещала, тренировались и улучшали самоконтроль, и с Владом все было отлично... до определенного момента.

Помню наш с ним последний разговор. Мы стояли на лестнице, шел урок – никого не было.

– Ты же знаешь, что это была моя мечта, детка, – он держал меня за руку, думал, так легче. – Это же не навсегда.

– Но это так далеко. Австралия.

– Адри, я приеду, я люблю тебя, – я слышала ложь в его словах, но не замечала этого.

– Ты так хотел туда поступить. Ты прав, следуй за мечтой.

Я искренне верила, что он не бросил меня. Поначалу мы даже переписывались каждый день, разговаривали, потом все реже и реже. Прошел месяц, за ним второй, а я все любила и ждала.

Как-то сидели мы с В.Б. у него в кабинете, просто разговаривали, пили исключительно чай.

– Как ты? – спросил он.

– Ты о чем?

– Он не сказал? – удивился учитель.

– Кто? И что?

– Влад.

– Нет, давно почему-то не звонил, наверное, очень занят, я читала о программе обучения в его университете, там столько всего...

– Адрин, никто не сказал тебе правду в надежде, что ты сама все поймешь. Значит, это сделаю я. Он не улетел в Австралию, хотя, может быть. Он сказал, что не может больше так... что такая жизнь не для него. Он ушел вслед за А.А. и не вернется. Мне об этом сказала Е.Б., он с ней разговаривал, она потом передала мне. Владислав не готов к таким изменениям. Хотя я считаю, что он просто испугался. Если бы любил, не ушел бы таким образом.

Меня как молнией ударило, и снова жуткая боль, будто нож в сердце вонзили. Вот так закончилась наша с ним идеальная любовь. И пусть везде все наладилось, но шрамы остались, а потери оказались неизбежными. Я вспомнила все моменты, проведенные с Владом вместе и улыбнулась, не жалея ни о чем. Обидно только то, что он твердил мне постоянно: «*Даже на линии огня, когда все висит на волоске, наша любовь неприкасаема*»³, а я, как наивная дура, поверила этим его словам из глупой песни.

*Но не бывает так, что все идеально,
Увы, устроен так наш мир,
Одни бегут, сбегают безвозвратно,
Другие, падая, взлетают ввысь.*

³ Пер. песни Kristian Kostov- Beautiful Mess

Часть 2

– Расскажи, как ты познакомилась с Энди, я уверена, что это необычная история.

– Да, — ответила я, улыбаясь, — все так быстро завязалось, что... я в принципе даже не поняла, как это случилось. Мы были поглощены всем этим: чувствами, страстью, проблемами. Я впервые ощутила себя такой уверенной рядом с ним. Я никого никогда не любила так сильно, как его.

Когда я рассказывала все это, воспоминания о прежней жизни нахлынули, буквально заполнив все пространство вокруг меня; мысли, одна за другой, вертелись в голове, но суть всего этого была одна.

– Любила?

– И люблю. Такие сильные чувства не могут просто испариться, не оставив и следа... они с тобой навечно. Сейчас, живя другой жизнью, я счастлива, но за десять долгих лет совместной жизни с Робертом я, к сожалению, никогда не испытывала тех чувств, как находясь рядом с Энди. Наверное, так и должно быть.

– Расскажи о нем. О том мире, в котором жила раньше, ты же так долго хранила все в себе, ты столько пережила, и сейчас я хочу просто услышать историю твоей жизни, лучшей из всех.

– Слишком длинная история.

Я не хотела рассказывать о прошлом, потому что боялась осознать, что приняла неправильное решение. Но как это можно называть прошлым, если каждый день ты надеешься, что это станет настоящим.

– Расскажи. Я хочу услышать правду и прочувствовать все то, что ты испытала.

– Не справишься, — я уже практически ушла в другой мир, в воспоминания, которые не давали мне покоя. — Ты думаешь, я ошиблась, бросив все тогда?

Я не знала, с чего начать, поэтому тянула время, чтобы собраться с мыслями.

– Только ты можешь ответить на этот вопрос.

Глава 1

Мы встретились на его мастер-классах, он приезжал тогда в наш город, и наша встреча изменила все, я полагаю. Он был для меня кумиром, и, узнав о его приезде, я решила познакомиться лично, увидеть этого человека, которым я восхищалась, вживую. Он был таким красивым, да и сейчас не хуже. Я помню, как зашла в огромный танцевальный зал и увидела его. Он стоял и разговаривал с кем-то, но, заметив меня в дверях, застыл, как мне показалось. Его взгляд пал прямо на меня; мне было жутко неловко, потому что я сама на него буквально пялилась.

Я выдохнула и закусила губу.

– Ты запомнилась мне больше всех, – сказал Энди, когда я осталась единственная в зале.

Я никак не решалась подойти и попросить автограф, и так получилось, что мы остались с ним наедине. Мы стояли и смотрели друг на друга, и в тот момент мне так захотелось прикоснуться к нему. Просто прикоснуться... не больше. Я не верила, что вот он, он, сам Энди, стоит передо мной. Да и еще он сделал мне вроде комплимент. Я просто стояла и молчала.

– Ты так и будешь просто стоять?! – сказал он и рассмеялся.

Я улыбнулась и почувствовала такую легкость и непринужденность. В такие моменты ощущаешь себя обычной, как все: я чувствовала себя счастливой, и мне хотелось кричать об этом. Я впервые испытала спокойствие и волнение одновременно.

– И чем же?

– Что, прости? – не уловив моих мыслей, переспросил Энди.

– Чем же я тебе запомнилась?

Это так удивительно, что я сразу перешла на «ты», но почему-то я была уверена, что делаю все правильно.

– Во-первых, твои движения были очень смелые, точные и выразительные, – в его голосе мелькало небольшое волнение, и я не могла понять, с чем это было связано, – во-вторых, я поймал себя на мысли, что не могу оторвать от тебя взгляд, и сейчас тоже. Ты показалась мне такой загадочной и интересной. Ты была здесь одна такая.

– Даже не знаю, что сказать, спасибо. Меня, кстати, зовут Адриана, можно просто Адрин. И спасибо за этот удивительный мастер-класс. Ты... я думаю, что ты знаешь, какой ты. Непередаваемые ощущения. Даже не могу описать словами.

– Я видел – ты кайфовала. Как долго ты танцуешь?

– Только в детстве я танцевала в детском ансамбле, а потом как-то не срослось, – переминаясь с ноги на ногу, неуверенно говорила я.

– Шутишь?

– Нет, я не занималась танцами, но так я, можно сказать, общаюсь с собой. Глупо? Да. Извини, – в этот момент я решила, что лучше помолчу, потому что то, что я говорила, звучало очень нелепо.

– Нет, продолжай, – резко добавил Энди, – не глупо, просто, если ты не занималась никогда серьезно танцами, то... просто ты была одна из лучших тут.

Он был обескуражен, и его некие сомнения придавали мне уверенность в том, что разговор перерастет в очень увлекательный вечер.

– Я не знаю, я просто смотрю, чувствую и все.

– Удивительно, – воскликнул он, разводя руки в разные стороны, – я не хочу, чтобы эта беседа заканчивалась, не хочу уходить. Ты такой персонаж... Пойми правильно только.

Он говорил это так серьезно, выражал то, что думал. А я была потеряна, если честно. Но это чувство восхищения человеком сменилось желанием быть с ним. Я не знаю, как это объяснить: я научилась быть сильной, жесткой и не показывать эмоции, но тогда во мне горело

пламя, которое так и хотело вырваться наружу. Я желала выпустить его, хотелось просто быть настоящей, собой: той хрупкой и ранимой девочкой, которой пришлось пройти, уже на тот момент, немалый путь.

– Может, продолжим наше знакомство за ужином? – предложил он.

Как держать себя в руках? Столько эмоций и чувств ожили во мне. Давно я не позволяла себе такое. Но сейчас не в силах была сопротивляться.

– Думаю, я не могу сказать «нет», – улыбнулась я и отвернулась, чтобы не показывать свое смущение.

– Вот и отлично, тогда через десять минут у входа, сегодня тогда ты будешь моим экскурсоводом, так как я впервые в этом городе.

Его улыбка была настолько белоснежная и широкая, что я даже засмеялась, но лишь от того, что он был рад провести время со мной – обычной девушкой.

Я не могла поверить, что еду в одной машине с таким человеком. Неловкое молчание повисло в воздухе, но я чувствовала, что он смотрит на меня, он разжигал во мне бурю эмоций, и я так боялась повернуться и посмотреть на него, потому что была уверена, что не смогу удержаться.

– Расскажи о себе что-нибудь, мне интересно узнать, кто ты такая, – сказал хореограф, когда мы сидели вдвоем за столиком в ресторане.

– Обычная девушка, ничего особенного.

– Почему ты так волнуешься? – спросил он, заметив, что мои руки немного дрожат.

Я действительно переживала; не любила рассказывать о себе, не умела.

– Просто, может, для тебя это все нормально, но я не часто сижу в компании с такими знаменитыми людьми. Что ты хочешь знать обо мне?

– Я такой же человек, как и ты. В тебе есть что-то такое, что не дает мне покоя. Ты не говоришь ничего, но я вижу многое.

– И что же? – поинтересовалась я.

– То, что многие признают за скромность, вовсе таковой не является. Я бы сказал высокомерие и замкнутость. Каждое твоё движение влечет меня к тебе. Твоё поведение загоняет меня в угол: ты кажешься скованной, но ведь это не так. Ты далеко не так проста, хотя изо всех сил делаешь вид простушки. Мне страшно находиться рядом с тобой, но и сдвинуться с места я не могу. Так кто же ты на самом деле?

Я была разгромлена, но в хорошем смысле слова, он разложил все по полочкам во мне, увидев то самое, что таилось так глубоко.

– Я хочу узнать тебя настоящую, – твердо заявил он.

– Не стоит, тебе не понравится то, что ты хочешь узнать.

– А это уже не тебе решать.

– У каждого есть скелеты в шкафу, и мой не так уж и безобиден, – мы говорили уже на повышенных тонах.

– Может, поедem туда, где сможем просто... – Энди замялся, увидев, что мне неприятен этот разговор. – Я видел тебя на мастер-классе, только тебя и видел, ты была там такая нежная, но запуганная, готовая будто бы броситься под пулю в любой момент...

– Есть такое место, – перебила я его и встала из-за стола.

Мы сели в машину: он смотрел на меня так страстно, и я не стала сопротивляться внутреннему «я», которое говорило, что пора сдать. Не думая ни секунды, я обхватила его шею, и он резко прижал меня к себе. Я ощущала, что каждая клеточка его тела напряглась, а я просто сгорала изнутри. Столько чувств от поцелуя! Это был самый сильный, страстный и нежный порыв, который я когда-либо испытывала. Но я с трудом сдерживала себя, слышала, как бьется

его сердце и чувствовала, как начинает содрогаться мое тело при каждом его прикосновении. Но пламя было сильнее, оно не давало мне забытья. Оно жаждало продолжения, но при этом говорило: «Ты ходишь по лезвию ножа».

– Так вот какая ты! – усмехнулся Энди, переводя дыхание.

Все это время наш любопытный водитель наблюдал за этой интереснейшей сценой.

– Какая? – спросила я, стискивая зубы и усмиряя монстра внутри себя.

– Нежная, страстная и чертовски привлекательная.

Он потянулся ко мне, но я села на место и сильно сжала кулаки. Пламя рвалось наружу. Он хотел взять меня за руку, но я резко ее одернула. Он не понимал, что случилось, а я не могла объяснить.

– Прости, это... может, слишком, – добавила я. – Остановите здесь, – сказала я это уже водителю, и мы вышли.

Таксист еще немного постоял возле нас, ожидая продолжения, но его не было, и машина уехала.

– Может, слишком? Серьезно? – Усмешка превратилась в смех, а потом сменилась серьезностью. – Я один почувствовал мурашки по телу... и не только у меня?!

– Нам туда, – показала я в сторону ворот, думая, что сказать.

– Хорошо, и где мы? – Слышалась нотка возмущения в его голосе.

– Это моя школа, но, точнее место, где я учусь, – пояснила я и быстро двинулась ко входу.

– Стоит ли мне спрашивать твой возраст?

– А это поменяет как-то ситуацию?

– Нет.

– Вот и хорошо.

Калитка была заперта, но я ловко взобралась наверх и прыгнула, хотя высота была не такая уж и маленькая. Энди не стал ждать и сделал то же самое.

– Я не мальчик, чтобы лазить по заборам, – отметил он.

– Ты танцор.

– У тебя есть ключ от школы?! – сказал он, видя, что я открываю дверь. – Интересно...

Мы прошли по коридору и зашли в большой спортивный зал.

– Вот это место.

– Не включай свет, это будет лишним, – сказал он, когда я потянулась к выключателю.

Энди взял меня за руку и посмотрел прямо мне в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.